

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В.В.Согрин Г.И.Зверева Л.П.Репина

Современная историография ВЕЛИКОБРИТАНИИ

МОСКВА НАУКА 1991

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е. В. ЧЕРНЯК

ВВЕДЕНИЕ

Историческая наука Великобритании традиционно занимает одно из ведущих мест в мировой историографии. Она давно обрела статус профессиональной научной дисциплины и неизменно оказывала огромное воздействие на развитие мировой исторической науки. Ученые, олицетворявшие в разные эпохи британскую историческую науку, среди них Т. Карлейль (1795—1881), Г. Бокль (1821-1862)', Р. Дж. Коллингвуд (1889-1943), А. Дж. Тойнби (1889—1975), как и наши современники Дж. Барраклоу, Э. Хобсбоум, Дж. Рюде, признаны ведущими представителями мировой историографии. Между тем британской исторической науке, ее опыту, тенденциям, закономерностям уделено в нашей научной литературе относительно немного внимания', по крайней мере гораздо меньше, чем, скажем, национальным историографиям США, Франции или ФРГ.

Наша монография ставит целью комплексное исследование современной британской историографии. В первой части проанализированы ее организационные основы, эволюция которых, их современные тенденции и закономерности отражают усиление специализации исторической науки в Великобритании, появление в ней наряду с четырьмя традиционными направлениями, сложившимися к середине XX в. (политическая, экономическая, социальная, -культурная история), множества новых субдисциплин. Возникновение последних стало следствием прежде всего выделения в современной британской историографии так называемой *новой научной истории*, воспринявшей методы престижных общественных наук, таких, как социология, политология, антропология и психология. В лоне новой научной, или междисциплинарной, историографии оформились городская, новая политическая, новая социальная, новая рабочая, новая экономическая история, история ментальностей, историческая социология, историческая демография и другие школы и субдисциплины. Их

0503010000-219, Q<
042(02)-91—65,9, - П полугодие

См. особенно: *Барг М. Л.* «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. 1987. № 4; *Будцын И. В.* Проблема исторических понятий в английской буржуазной историографии 50—60-х годов XX в.: Дне. . . . канд. ист. наук. Пенза, 1987; *Виноградов К. Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975; *Шарифжанов И. И.* Современная английская буржуазная историография: Проблемы теории и метода. М., 1984.

оформление повлекло за собой возникновение новых профессиональных объединений историков, исторических журналов, **переориентацию** учебного процесса на гуманитарных и исторических факультетах университетов. Традиционные и новые формы **организации** исторической науки в Великобритании, их противоборство и сосуществование, воздействие на развитие исторических знаний — этим вопросам уделено первоочередное внимание.

На современном этапе дискуссии выразителей традиционных, по преимуществу позитивистско-описательных, методов исторического исследования и историков, берущих на вооружение междисциплинарную методологию, как бы оттеснили на второй план, заслонили собственно мировоззренческие размежевания в британской историографии. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что оформление новых историографических школ не отменило, хотя и модифицировало теоретико-мировоззренческие разделения среди историков Великобритании. Современным **теоретико-мировоззренческим** размежеваниям в британской историографии, как и анализу ее методологического обновления, уделено центральное место.

Ведущими направлениями исторической науки Великобритании остаются консервативное и либеральное. Но очевидной особенностью современного этапа развития историографических направлений в Великобритании, особенно в 60—70-е годы, явилось усиление левого историографического спектра, в том числе марксистской историографии. Самое пристальное внимание к последней актуально в связи с необходимостью преодолеть сектантское отношение к новейшим тенденциям марксистской историографии стран Запада, что в недавнем прошлом было характерно для советской исторической науки. Тогда эти новейшие тенденции подводились под туманное понятие «неомарксизм», в свою очередь целиком заносившийся в ревизионистское направление. Оценка тех или иных марксистских историков Запада основывалась не на их теоретико-методологических и исследовательских подходах и концепциях, а в первую очередь на их политических высказываниях.

В этих высказываниях неприемлемыми оказывались критические суждения по адресу советского исторического опыта, недостатков во внутренней и внешней политике СССР, которые нам представлялись «мнимыми» и надуманными. Сегодня, когда мы сами глубоко и всесторонне пытаемся выявить деформации сталинского и брежневского периодов, когда мы отказываемся от притязаний на монополию в трактовке и применении марксистского учения, наше прежнее отношение к целому ряду видных марксистских историков Запада, в том числе и Великобритании, необходимо определить как сектантское.

Марксистская историография Великобритании, возглавляемая Э. Хобсбаумом, Дж. Рюде, К. Хиллом, Э. П. Томпсоном, добилась мирового признания, ее исследовательский вклад давно заслужи-

вает всестороннего раскрытия. Очень важно и освоение ценнейшего опыта британской марксистской школы в целеустремленном и успешном собирании вокруг себя прогрессивных историков разных школ и направлений. Современная марксистская историография Великобритании представляет собой самостоятельную школу и может рассматриваться в качестве таковой, но все же для ее полнокровной оценки и верного определения ее места в британском историографическом спектре она должна быть рассмотрена в тесном и неразрывном единстве с другими левыми историографическими течениями, как часть широкого демократического направления.

При подготовке монографии мы исходили из осознания необходимости освоения новых подходов и в отношении немарксистской историографии. Это потребовало критического переосмысления основополагающего для советской историографической критики понятия *кризис буржуазной историографии*. Хорошо известно, что кризис этой историографии рассматривался нами по аналогии с кризисом мирового капитализма XX в.: в нем выделялся ряд этапов, при этом на каждом новом этапе он характеризовался как все более глубокий. Концепция перманентного и углубляющегося кризиса буржуазной историографии предполагала вывод о наличии одной-единственной — нисходящей линии ее развития.

Сегодня советское обществоведение отказывается от концепции перманентно «загнивающего» капитализма XX в., вырабатывает новые подходы к изучению высшей стадии капитализма, на которой его возможности не только не были исчерпаны, но, напротив, расширились и модернизировались. Не были в капиталистических странах в XX в. исчерпаны и возможности развития общественных наук, в том числе и историографии.

При анализе немарксистской историографии Великобритании мы исходили из того, что необходим дифференцированный подход, учитывающий наличие в ней разных, существенно различающихся направлений. Необходимо учитывать и то, что немарксистская историография, как и историческая наука в целом, состоит из нескольких основополагающих компонентов: 1) структура и тематика исторических знаний; 2) теория исторического развития; 3) теория исторического познания; 4) конкретные исследовательские методы; 5) исторические концепции; 6) техника изучения источников. Кризисные явления в теории исторического развития могут совпадать с прогрессом в развитии исследовательских методов. Так случилось с современной немарксистской историографией: все ее направления быстрее и полнее, чем мы, овладели междисциплинарной методологией. Обогатилась структура и тематика современной немарксистской историографии. В целом современная немарксистская историография расширяет свои горизонты, вскрывая неизвестные ранее пласты коллективного и индивидуального исторического опыта людей.

Для современной немарксистской историографии характерны и кризисные явления, которые мы стремились всесторонне проанализировать на британском материале. Но в отличие от типичных трудов, посвященных критике немарксистской историографии в предшествующий период, наша монография строится на признании возможности и необходимости творческого диалога с зарубежной исторической наукой, что предполагает полное выявление и всех присущих ей позитивных тенденций. Среди таких тенденций современной исторической науки Великобритании особенно выделено и охарактеризовано развитие направления социальной истории. Социальная история поистине превратилась в последние два десятилетия из золушки в королеву британской историографии. В ней доминируют два направления — историко-социологическое, сосредоточившееся на движении разнообразных социальных структур, развертывающихся на протяжении большой исторической длительности, и историко-антропологическое, изучающее умонстроения, психологию, морально-этические нормы, или, как принято говорить в среде зарубежных историков, культуру и менталитет самых разнообразных слоев, но прежде всего, и это особенно важно подчеркнуть, народных низов.

На первый взгляд между современной немарксистской и марксистской социальной историей налицо серьезные противоречия, являющиеся почвой не для диалога и сотрудничества, а для конфронтации. Действительно, марксистская социальная история сосредоточивается на классах и классовом самосознании, а немарксистская социальная история — на этнических и религиозных группах, соседских деревенских и городских общинах, семье и браке, женщинах и женском движении, маргинальных слоях общества и мире обыденного сознания людей. Однако при более внимательном и самокритичном сравнении марксистской и немарксистской социальной истории мы должны будем признать, что между ними крайне актуален и необходим именно творческий диалог, что каждой из них присуща односторонность в изучении социальной истории, преодоление которой возможно лишь на основе научного взаимодействия. Социальная история не существовала без классовых отношений и конфликтов, но она никогда не сводилась только к ним. История человечества знала гораздо большее число социальных сообществ, ячеек и движений, при этом этнические и религиозные группы, семья, соседские общины, их взаимоотношения и противоречия имели в жизни многих и многих обществ в различные исторические периоды огромное реальное значение. В постижении истории внеклассовых социальных общностей немарксистская социальная история добилась существенных научных результатов, которые заслуживают самого пристального внимания, изучения и творческого освоения.

Большая часть нашей монографии посвящена современной британской историографии важных тем национальной истории. Она раскрывает, как теоретические, методологические и миро-

воззренческие позиции различных научных направлений проявляются в конкретной исследовательской практике. Мы попытались сосредоточить внимание на тех проблемах истории Великобритании, которые находятся в центре современных историографических дискуссий, определяют развитие британской исторической мысли, в наибольшей степени выявляют «соотношение сил» между различными научными направлениями. Всесторонний анализ современного состояния научной разработки центральных проблем истории Великобритании, на наш взгляд, крайне важен и полезен и для формирования исследовательских интересов советской историографии британской истории.

ОРГАНИЗАЦИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Социально-политические сдвиги в мире в результате второй мировой войны не могли не оказать определяющего воздействия на развитие британской исторической науки в послевоенный период. Значительную роль в возникновении новых теоретико-методологических подходов и исторических концепций играли развертывавшаяся научно-техническая революция и распространение государственно-монополистических методов регулирования экономики и социальных отношений. Формирование новых тенденций в британской исторической науке в большой степени было связано с ростом идейного влияния марксизма и процессами радикализации сознания интеллигенции*.

Динамика послевоенной исторической науки во многом определялась идейно-политическим противоборством различных направлений британской историографии. В 40—60-е годы ведущие либеральные историки (Э. Карр, Дж. Пламб, Дж. Барраклоу, С. Поллард), извлекая уроки из консервативной критики вигской концепции истории, стремились ее обновить и возродить идею прогресса. Это понятие связывалось с возможностями развития человеческого разума, научно-техническим и хозяйственным ростом, совершенствованием экономических и социальных отношений. Возрождение идеи прогресса происходило на базе усвоения социологических теорий *индустриального общества* и *модернизации*. Преодоление кризисных явлений в теории и методологии либеральные историки видели на путях возвращения к принципам ортодоксального позитивизма, социологизации истории и многофакторного объяснения исторического процесса. Полемизируя с марксистскими историками-профессионалами, либеральная историография использовала реформистские политические теории и в то же время частично заимствовала марксистскую терминологию, убирая из нее материалистическое содержание. Историки

консервативного направления, принимавшие активное участие в идейной полемике, по-прежнему отдавали предпочтение индивидуализирующему методу в противовес распространению генерализирующей историографии. Продолжая линию, намеченную Л. Нэмиром и Г. Баттерфилдом, консервативная историография середины XX в. (Х. Тревор-Роуиер, Дж. Элтон, Дж. Китсон Кларк и др.) выступала против превращения истории в разновидность социальной науки, утверждала идею «автономии истории» и уникальности исторического метода². В процессе дискуссий в историографии упрочилась тенденция к сближению леволиберального крыла с историками-социалистами и левыми радикалами, что способствовало организационному оформлению демократического течения в британской исторической науке.

В 70—80-е годы, используя известное разочарование части либеральных историков в возможностях социоисторизма, консервативная историография заняла наступательные позиции. Ее поддержали некоторые представители умеренно-либерального крыла. Опасаясь процесса радикализации немарксистской историографии, они предпочитали отказаться от экспериментов с социологизацией истории и вернуться в испытанное русло «чистой» истории. Постепенно изменялся и язык их исторических трудов. Вместо широко использовавшихся понятий *революция* и *социальный конфликт* на первый план выдвинулись *преемственность* и *стабильность*. На теоретико-методологической почве происходило сближение идейных позиций умеренно-либеральных и консервативных историков. Охранительная идея, обусловившая этот консенсус, проводилась под флагом восстановления традиционной «чистоты» и академизма истории. Тем не менее в историографии, претендовавшей на автономность от политики, заметно проявлялась идеологизация исторического знания. Призывы деятелей консервативной партии к историкам о необходимости создания «новой патриотической истории», национальной истории в духе континуитета нашли отклик у представителей консервативной и умеренно-либеральной историографии. Это выразилось в повышении научного интереса к «уникальному» историческому опыту Британии, истории институтов государства и права, имперским сюжетам. Тенденция возвращения в историографии к мифологизированным викторианским ценностям выразилась в реабилитации и новой трансформации вигской концепции истории³.

Отношения между ведущими идейно-политическими направлениями британской историографии отражали более общие процессы в послевоенной исторической науке, и прежде всего особенности формирования и развития важнейших подсистем научного истори-

¹ Butterfield H. The Present State of Historical Scholarship. Cambridge, 1965. P. 3; Changing Views on British History: Essays on History Writing since 1939. Cambridge (Mass.), 1966. P. 55-58.

- См. подробнее: Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография. М., 1984. С. 10-32, 60-88.

³ What is History? // History Today. 1984. Vol. 34, N 5. P. 5-9; Canmidine D. Change and Continuity in British History // History Today. 1985. Vol. 35, N 4. P. 4-5; Idem. British History: Past, Present and Future // Past and Present. 1987. N 116. Aug. P. 171-175.

ческого анания и деятельности — «старой» и «новой» исторической науки. Различные подходы историков к изучению прошлого обуславливали в новое и новейшее время сосуществование в диалектическом единстве разнородных элементов: любительской и профессиональной истории, сциентизма и антисциентизма и пр. На разных этапах развития научного исторического знания в сообществе историков неизменно наблюдалось противопоставление «старой» и «новой истории» — традиционных и новаторских подходов. В соответствии с этим строились видимые организационные структуры, объединявшие однородные группы, возникали и крепили невидимые (неформальные) узы, соединявшие единомышленников.

В рамках современной организации исторической науки Великобритании, сложившейся в 60—80-е годы, существуют подсистемы, ориентированные на традиционную, «старую» и «новую историческую науку». Они различаются предметом исследования (ракурсом рассмотрения объекта изучения), определением самостоятельных предметных полей на основе «своих» теорий исторического процесса, основных методов изучения и конкретных методических приемов и процедур, а также конструированием разных концепций исторического прошлого. На практике оказывается трудно провести жесткую границу между организационным оформлением традиционной и «новой истории», тем более что между ними имеется буферное пространство, на котором постоянно работают представители разных типов исторического мышления. Взаимоотношения между этими подсистемами обуславливаются различием не только идейно-политических позиций, но и теоретико-методологических принципов, разным определением социальных функций истории и возможностей исторического познания. Традиционная историческая наука, с ее приверженностью дисциплинарное™, с присущими ей пуризмом социальной функции (история ради нее самой), идиографизмом, индивидуализирующим методом, в настоящее время активно противостоит «новой исторической науке», базирующейся на междисциплинарности, признании важности общественной функции истории и значимостее изучения для осмысления современности, генерализации исторического процесса. Причина жизнеспособности традиционной истории заключается в том, что она представляет собой саморазвивающуюся историографическую подсистему, обладающую внутренней целостностью научного знания и выражающую себя институционально. Она не ограничивается политической историографией и использует элементы новаторских междисциплинарных методик. «Новая история», выражающая себя прежде всего в экономической и социальной истории и в психоистории, тоже характеризуется известным единством при всем многообразии, богатстве, противоречивости составных ее частей. Идея соединения, интеграции разрозненных частей научного исторического знания, достижения «нового исторического синтеза», свойственная ведущим представителям и организациям «новой истории», стимулирует интенсив-

ную разработку проблем на переднем крае науки и способствует генерации приоритетных исследовательских областей¹.

Тенденции развития послевоенной британской историографии способствовали разрастанию объема и изменению структуры научного исторического знания. Прошедшие перемены затронули и форму и содержание «квадривиума», сложившегося к середине XX в. (политическая, экономическая, социальная, культурная история). В 50—80-е годы внутри этой открытой системы под воздействием различных факторов (внутренних и внешних для исторической науки) непрерывно совершались структурные и «содержательные» изменения. Умирали, изживали себя или качественно преобразовывались старые, традиционные компоненты, рождались и множились принципиально новые элементы исторической науки. Изменялось внутреннее соотношение между частями целого — как в самом знании, так и в научной деятельности. Перемены произошли и в «одежде» организационной системы исторической науки — в языке научного знания (понятийно-категориальном аппарате) и во внешнем облике деятельностных форм науки⁵.

Появление множества субдисциплин и бурно развивающийся на междисциплинарной основе передний край науки требовали соответствующего организационного оформления. На организационное строение современной науки в значительной степени влияет идеологизация историографии (ее деление на марксистскую и немарксистскую) и дальнейшее повышение роли государства в определении приоритетных направлений научной деятельности, в воспроизводстве кадров и пр. Таким образом, в современных условиях историческая наука в Великобритании приобрела черты развитой, высоко институционализированной науки, политизированной и связанной с потребностями государства. В организации деятельности ученых ведущее положение занимает научное сообщество историков-профессионалов. Подготовка кадров научного сообщества осуществляется через университеты, политехнические институты и высшие колледжи. Историческая наука страны располагает разветвленной сетью обществ и средств коммуникаций.

Несмотря на серьезные качественные перемены в организационном строении исторической науки по сравнению с первой половиной XX в. и в наше время, ее ядром, сердцевинной по-прежнему остаются высшие учебные заведения, в первую очередь университеты. Историческая наука в Великобритании в значительной мере

⁴ Butterfield H. Narrative History and the Spade-work behind it // History. 1968. Vol. 53, N 178. P. 165—166; Heater D. History and the Social Sciences // New Movements in the Study and Teaching of History. L., 1971. P. 134-141; Sutcliffe A. A New Historical Positivism // History Today. 1984. Vol. 34, N 11. P. 3—4; Himmelfarb G. The New History and the Old. Cambridge (Mass.), 1987. P. 33-36.

⁵ См.: Tosh L The Pursuit of History: Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History. L.; N. Y., 1984. P. 23-24, 66-76; Himmelfarb G. Op. o it, P. 13-32, 94-106; Lloyd D. The Explanation of Social History. L.. 1987. P. 1 — 10, 14-24.

сохранила статус университетской науки. Университеты к концу XX в. стали более разнообразны по типам и видам обучения, обросли факультетами, школами, научными исследовательскими центрами и обществами и таким образом упрочили свое ведущее положение в научных исторических исследованиях и подготовке кадров историков.

После второй мировой войны система высшего образования в стране была существенно реформирована. Назревший кризис высшей школы, которая не соответствовала растущим нуждам научно-технической революции, побудил правительство увеличить численность университетов и поставить их под свой контроль. В 50-е годы статус университетов получил ряд университетских колледжей (Саутгемптон, Гулль, Эксетер, Лестер). В 60-е годы в результате работы специальной комиссии под главенством лорда Робинса в Киле, Эссексе, Йорке, Сассексе, Ланкастере, Кенте, Уорике, Восточной Англии, Стирлинге были открыты новые университеты. В тот же период ведущие технологические колледжи были преобразованы в университеты, составив группу так называемых технологических университетов (Ват, Брадфорд, Бранел, Сэррей, Сэлфорд и др.). К началу 80-х годов в Великобритании насчитывалось уже около 50 университетов. Ряд новых университетов отказался от системы колледжей, а вместо гуманитарных факультетов при них были образованы специализированные школы. Главная же особенность двух новых типов университетов состояла в том, что такие вузы оказались более доступны представителям широких слоев британского общества, чем старые английские, шотландские и даже «городские» университеты. В отличие от «городских» университетов новые и технологические получили право самим определять перечень изучаемых предметов, вводить экспериментальные методы обучения и реформировать по своему усмотрению порядок проведения экзаменов⁷.

В зависимости от типа университета (Оксфорд и Кембридж, шотландские университеты, «городские», новые, технологические и др.) варьируются формы и методы гуманитарного, в частности исторического, образования. Традиционной формой остается специализированная система обучения, которая предполагает углубленное изучение одного-двух предметов. В 60—70-е годы во многих университетах стали вводиться комбинированные курсы, предусматривающие сочетание гуманитарных дисциплин в различных вариантах. В новых и технологических университетах распространилась система преподавания родственных предметов, стало практиковаться обучение истории на междисциплинарной основе. На исторических и гуманитарных факультетах, отделениях, в вузовских школах студентам на выбор предлагается множество разно-

образных общих и специальных курсов, обязательных и факультативных. Этим достигается соединение общеисторической подготовки и специализации. В 60—70-е годы в связи со сближением истории с социальными науками и развитием междисциплинарных методов в академических кругах нередко звучало опасение по поводу исчезновения «чистой» истории и ее растворения в широких гуманитарных и социальных курсах. Споры о содержании истории как академической дисциплины, соотношении общей и специальной подготовки студентов-историков остаются актуальными и в настоящее время. В процессе этих дискуссий к началу 80-х годов определились подходы, трактовавшиеся как новые, однако во многом строившиеся на использовании университетского опыта начала XX в. В последние годы в системе университетского исторического обучения повысилась внимание к критическому анализу оригинальных источников, упрочились контакты факультетов и кафедр с архивами и музеями, возросла значимость подготовки к выпускным экзаменам⁷.

На направление исторического обучения в университетах, постановку исследовательских программ и объем научных разработок заметное воздействие оказывает британское государство. В 60—80-е годы значительно выросла финансовая зависимость университетских отделений и кафедр от правительственных организаций, ведающих распределением средств на нужды высшей школы и, в частности, на исследовательскую работу. Государство финансирует университетские научные исследования и подготовку специалистов в гуманитарной и социальной сферах главным образом через Комитет университетских субсидий при министерстве образования и науки Великобритании и Исследовательский совет социальных наук. Последний был создан в 1965 г., в период бурного развития этой области научного знания, с целью содействовать разрешению насущных, актуальных проблем современного британского общества. Тогда же в совете образовался подкомитет экономической и социальной истории (по принятой в Великобритании научной классификации, обе эти дисциплины продолжают входить в разряд социальных наук в отличие от собственно истории). К началу 70-х годов Исследовательский совет социальных наук стал выполнять функции ведущего фонда, поощрявшего развитие научных исследований и подготовку докторских диссертаций по актуальным проблемам истории в высшей школе. В период правления лейбористской партии сотрудники совета **содействовали** постановке университетскими преподавателями инициативных исследовательских программ и вместе с тем стимулировали выполнение заказных работ. Деятельность Исследовательского совета способствовала формированию в новых, «городских» и тех-

го // *M. The Plateglass Universities*. New Jersey, 1970. P. 19 - 21; *Perkin H. New Universities in the United Kingdom*. I., 1969. P. 25—33; *Scott P. The state of the Academic Profession in Britain//European Journal of Education*. 1983. Vol. 18, N 3. P. 245-248.

⁷ *Blows P. History at the Universities*. L., 1971. P. 6. 171—173; *MacCallum Scott J. Dons and Students, British Universities Today*. L., 1973. P. 50-51; *Educational Research and Development in Britain, 1970 —1980 / Ed. L. Cohen et al. Oxford, 1982. P. 340-352; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1-2. L., 1989. Vol. 1. P. 269-271.*

нологических университетах научных коллективов и школ леволиберального и радикального направлений, которые в качестве приоритетных разработок выдвигали проблемы экономической и социальной истории.

Возрастание роли государства в регулировании научно-исследовательского процесса и переход правительств к систематической политике в отношении науки усилили зависимость научных разработок в области истории от колебаний политической конъюнктуры, и прежде всего от смены правящих политических партий. В начале 70-х годов, в период пребывания консерваторов у власти, в правительственных и парламентских кругах открыто высказывалось недовольство направлением научной гуманитарно-социальной деятельности в университетах. Эта линия была закреплена после прихода к власти консерваторов в 1979 г. В настоящее время, проводя курс «жесткой экономии», консервативное правительство резко сократило размеры субсидий на гуманитарное образование, свернуло научно-исследовательские программы в области истории, которые расходятся с его представлениями об актуальности и научной значимости. Исследовательский совет социальных наук, постоянно подвергавшийся нападкам за левую ориентацию, был существенно реорганизован. По рекомендации лорда Ротшильда, специально занимавшегося по поручению правительства изучением работы совета, в 1981 г. был упразднен подкомитет экономической и социальной истории и усилено внимание к разработке прикладных социальных исследований за счет сокращения «исторических» программ. В соответствии с этой прагматической политикой руководством консервативной партии неоднократно высказывалось пожелание снять из названия Исследовательского совета слово *наука* и именовать его Советом экономических и социальных исследований⁸.

Особенности процесса институционализации ведущих направлений британской исторической науки в 50—80-е годы во многом обусловлены динамикой высшей школы. В последние десятилетия монопольное положение университетов в профессиональной исторической науке стало оспариваться многочисленными политехническими институтами и технологическими колледжами, где преподавание и изучение истории заняло значительное место в учебных планах и исследовательских программах (Портсмут, Уолверхэмптон, Сандерленд, Ливерпуль, Манчестер, Плимут, Бристоль, Бирмингем, Пейсли, Глазго и многие другие). Заметная роль в организационном строении современной исторической науки принадлежит также научно-исследовательским центрам и институтам, возникновение которых в 60—80-е годы (при университетах и автономно) тесно связано с активизацией научной политики

британского государства. 15 конечном счете именно высшая школа и научно-исследовательские учреждения страны сосредоточили вокруг себя ведущие формы производства научного исторического знания и обеспечивают основную подготовку кадров профессионалов.

Новым явлением в развитии послевоенной британской исторической науки стало создание и функционирование в системе гуманитарного знания региональных и страноведческих центров при высших учебных заведениях и научных институтах. Одно из важнейших направлений научных изысканий и подготовки кадров — европейские исследования в настоящее время представлены в шотландских, «городских», новых и технологических университетах (Эдинбург, Данди, Кардифф, Кент, Уорик, Сассекс, Серрей, Бадфорд и пр.), а также в политехнических институтах (Манчестер, Шеффилд, Лидс и др.). Они осуществляются как на гуманитарных факультетах и исторических отделениях, так и на отделениях политологии. При Бадфордском, Гульском, Эдинбургском университетах действуют научные институты европейских исследований. В ряде университетов и учебных институтов страны в 60—70-е годы были открыты специализации по истории и культуре Скандинавских стран (Кембридж, Лондон, Абердин, Гуль, Шеффилд, Ньюкасл, Ливерпуль и др.). В 12 университетах (Бристоль, Гуль, Лидс, Манчестер, Сент-Эндрюс, Глазго, Стирлинг и др.) и нескольких политехнических институтах ведутся научные разработки по проблемам испанской истории и культуры э.

Самостоятельное значение в послевоенный период приобрело преподавание и исследование истории славянских народов, Балканских стран, а также русской и советской истории. Традиции изучения истории славянских народов были заложены еще в конце XIX в. (в Оксфорде). После второй мировой войны эти исследования приобрели ярко выраженный политологический характер. Преобразование изучения и преподавания славистики произошло после того, как в 1947 г. правительственная комиссия лорда Скарборо, проанализировав состояние славянских, восточноевропейских, восточных и африканских исследований в Великобритании, рекомендовала безотлагательно создать при главных университетах страны центры для разработки этой тематики. В 1961 г. новая комиссия, возглавляемая У. Хейером, рассмотрела вопросы становления научных центров советологических исследований и указала на необходимость их всемерного развития. В настоящее время проблемы славяноведения изучаются в Оксфорде, Кембридже, Лондоне, Манчестере, Ноттингеме, Шеффилде, Суонси, Глазго. В Бадфордском университете работает аспирантская школа югос-

к Kogan M., Kogan D. The Attack on Higher Education. L., 1983. P. 51, 65—66, 115 — 118; Thomas P. Social Research and Government Policy // Future. Guilford, 1982. Vol. 14, N 1. P. 3—6; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1. P. 266—268, 271—273.

► The Student Book 1985/86: The Applicant's Guide to Universities, Polytechnics and Colleges of the United Kingdom / Ed. K. Boehm et al., L., 1986. P. 376, 394, 401; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1. P. 269, 271, 276, 419, 441, 464, 483.

лавных исследований. Изучение русской и советской истории осуществляется примерно в 15—17 университетах (Кембридж, Лондон, Абердин, Глазго, Эдинбург, Бирмингем, Сент-Эндрюс, Белфаст, Брайфорд, Серрей, Сассекс, Манчестер и др.) и ряде политических институтов¹⁰.

Так, Школа славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете в 60—70-е годы превратилась в один из крупнейших советологических центров Великобритании. Подготовка студентов (их численность составляет около «370 человек») ведется как на обычном, так и на аспирантском уровне. Получение степени по истории предполагает изучение студентами основ истории стран Европы, права, политологии, специальных дисциплин. В штате профессоров и преподавателей школы более 40 человек. Они, как правило, сочетают преподавательскую работу с научно-исследовательской деятельностью. Школа имеет право на присуждение докторской степени философии лицам, подготовившим диссертации. Школа издает свой научный журнал «Славоник энд истэрн юэрэпизн ривью» («Славянское и восточноевропейское обозрение») и выпускает серии монографий по истории СССР и других восточноевропейских стран и. В 1963 г. при Глазговском университете был создан учебный и научный центр по изучению истории СССР и других социалистических стран, получивший название Института советских и восточноевропейских исследований. В 70—80-е годы он выдвинулся в разряд ведущих британских советологических центров, где, помимо истории, изучаются экономика, демография, политическая система, право, философия, внешняя политика социалистического общества. Центр издает свой журнал «Совет стадиэ» («Советские исследования»). Крупными советологическими центрами являются также Бирмингемский университет (научные изыскания), Серрейский (гуманитарный факультет), Кильский (отделения гуманитарных наук и политологии) и ряд других новых университетов¹².

После второй мировой войны в академической исторической науке резко повысилось внимание к американской и латиноамериканской проблематике. В 60—80-е годы в ведущих университетах страны была открыта специализация американистики (Кембридж, Бирмингем, Данди, Восточная Англия, Гуль, Киль, Кент, Лестер, Манчестер, Ольстер, Сассекс, Суонси, Эдинбург и др.). При Даремском университете с середины 50-х годов работает научное объединение — Британская ассоциация американских исследователей, выпускающая специализированный журнал «Джорнэл оф америкэн стадиэ» («Журнал американских исследований») и серии монографий. Фактически эта организация выполняет функции координатора научных разработок, которые ведутся в британских

университетах и других высших учебных заведениях, а также отдельными историками. С 1965 г. при Лондонском университете действует Институт США, осуществляющий научную работу, аналогичную таковой в Даремском центре¹³.

Феноменом послевоенного периода является и активизация латиноамериканских исследований, комплексно разрабатываемых более чем в 30 университетах страны (Кембридж, Лондон, Шеффилд, Бристоль, Эссекс, Глазго, Манчестер, Сассекс, Ливерпуль и др.). Основное внимание в исследованиях уделяется истории, географии, социально-экономическим проблемам, политике и социологии. Известным стимулом для научного изучения истории стран Латинской Америки послужили Кубинская революция и развитие политической самостоятельности латиноамериканских государств. В 1964—1966 гг. в стране было открыто сразу несколько университетских научных центров и институтов (институты латиноамериканских исследований в Лондоне и Глазго, центры латиноамериканистики в Оксфорде и Кембридже, Латиноамериканское общество в Йорке). С середины 60-х годов в стране издается «Джорнэл оф лэтин америкэн стадиэ» («Журнал латиноамериканских исследований»), а также многочисленные монографии, выпускаемые издательствами Оксфордского и Кембриджского университетов¹⁴.

Крушение системы колониализма и обретение политической независимости многими странами Азии и Африки, распад Британской колониальной империи и трансформация имперского Содружества — все это способствовало преодолению евро- и англоцентризма в исторической науке Великобритании. Азиатские исследования и соответствующая специализация по истории и культуре стали осуществляться в Оксфордском, Кембриджском, Лондонском, Пейффилдском, Ливерпульском, Манчестерском и многих других университетах. Исследование проблем истории Африки ведется в университетах Лондона, Бирмингема, Кента, Сассекса, Йорка. С 1962 г. действуют Гульский центр изучения стран Юго-Восточной Азии и Даремский центр исследований Среднего Востока и исламистики. В 60-е годы в дополнение к Королевскому африканскому обществу (основанному еще в 1901 г.) в Лондоне была создана Британская ассоциация африканских исследований. В тот же период начали свою работу университетские центры африканистики в Абердине, Эдинбурге и Бирмингеме. Результаты научных изысканий обобщаются в монографических работах и публикуются на страницах журнала «Африкэн аффэрз» («Африканские дела»). Более общие проблемы истории, культуры, современного положения афро-азиатских государств являются предметом исследования в научных институтах по про-

¹⁰ In The Student Book 1985/86. P. 427, 429.

¹¹ Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1. P. 682—683.

¹² Research in British Universities, Polytechnics and Colleges. Vol. 3. Social Sciences. L., 1984. P. 38—39, 51—52; World Directory of Social Science Institutions. P., 1985. P. 712.

¹³ World Directory of Social Science Institutions. P. 688; The Student Book 1985/86. P. 372; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1. P. 679—680.

¹⁴ Долженков Н. В. Состояние латиноамериканистики в Великобритании // Латиноамериканистика в США, странах Западной Европы и Японии. М., 1982; World Directory of Social Science Institutions. P. 699, 710—711, 744; 7-24:—.....

блемам развивающихся стран в Сассекском и Стрэтклайдском университетах¹⁵.

Среди университетских исторических центров, занимающихся афро-азиатскими проблемами, по-прежнему приоритетное положение принадлежит Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. В послевоенный период гуманитарная подготовка студентов в этой школе стала осуществляться, помимо исторического отделения, на факультетах права и антропологии. В учебных планах оказались широко представлены проблемы истории стран Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Дальнего Востока, Африки. В начале 60-х годов школа испытала временные трудности с финансированием и притоком новых студентов. Это во многом объяснялось кризисом британского колониализма. Однако в последующий период деятельность школы вновь активизировалась. К традиционно изучаемым предметам добавились география, экономика, социология, политология. Студентам предлагаются курсы по сравнительному изучению истории европейских стран и стран Азии и Африки. Для лучших студентов трехгодичное обучение в школе продлено еще на год, введена аспирантская подготовка. Эта школа получает финансовую поддержку от различных благотворительных фондов. В настоящее время в школе обучается около тысячи студентов, численность преподавателей составляет более 160 человек. При этом университетском подразделении в 1968 г. был открыт крупный центр — Институт по изучению современного Китая. Научная работа сочетается здесь с подготовкой аспирантов и стажеров. Школа восточных и африканских исследований обладает мощной издательской базой и организует выпуск научных журналов («Джорнэл оф африкэн хистори» и др.) и серий монографий совместно с другими востоковедческими центрами страны¹⁶.

Становление и развитие в Великобритании научных центров и вузовских подразделений, занимающихся систематическим изучением истории крупных регионов мира и отдельных стран и народов, способствовали выдвижению проблем всемирной истории в разряд интенсивно разрабатываемых направлений современной науки. В послевоенный период в ряде университетов сформировались специализированные центры библистики (Кембридж, Лондон, Кардифф, Абердин, Глазго, Манчестер, Стирлинг и др.), кельтологии (Кембридж, Манчестер, Эдинбург, Глазго, Абердин, Белфаст и др.), византиноведения (Бирмингем). Однако, как и прежде, основное положение в системе вузовского исторического образования и в работе научно-исследовательских центров занимает отечественная история. В настоящее время так называемая общая история изучается более чем в 40 университетах, 25 поли-

технических институтах и 30 высших колледжах страны. Во многих вузах имеется специализация по истории древнего мира (Кембридж, Оксфорд, Лондон, Сент-Эндрюс, Белфаст, Манчестер, Лестер и др.) и по истории средних веков (Оксфорд, Кембридж, Эдинбург, Манчестер, Бирмингем, Ланкастер, Эксетер, Сент-Эндрюс), которая осуществляется главным образом на гуманитарных и исторических факультетах и отделениях. Наиболее заметно вырос объем изучения и преподавания новой и новейшей (современной) истории. Подготовка студентов и аспирантов по этим дисциплинам ведется как на исторических отделениях, так и на отделениях и кафедрах политологии¹⁷.

В 70—80-е годы история XX в., в том числе и современная (послевоенная), стала рассматриваться в академических кругах как неотъемлемая составная часть развивающейся исторической науки. Она специально изучается не только в новых и «городских», но и в старых британских университетах, славящихся своей приверженностью традиции (Оксфорд, Кембридж, Глазго, Сент-Эндрюс и др.). Так, в Манчестерском университете, где сохраняется традиция изучения средневековой истории и начала нового времени, преимущественные позиции на открытом после второй мировой войны факультете экономических и социальных исследований заняла новая и современная история. Ее преподавание осуществляется на отделениях политического управления, социологии, социальной антропологии, экономической истории. При отделении политического управления с 1950 г. работает центр по исследованию современных политических проблем — Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства. Его сотрудники занимаются научной разработкой вопросов, связанных с политикой и современной историей не только Великобритании, но и других стран Европы, Америки, Азии и Африки. Тесная связь политологии с современной историей прослеживается в деятельности политологических отделений университетов Лидса, Ноттингема, Ридинга, Саутгемптона, Гуллы, Бристоля, Килы, Ливерпуля, Йорка, исторического отделения Стирлингского университета, гуманитарных отделений и школ политехнических институтов Лондона, Лидса, Ланкастера и многих других высших учебных заведений страны.

При некоторых британских университетах в 60—70-е годы открылись научно-исследовательские центры, в которых политология и современная история оказались переплетенными друг с другом: Центр изучения конфликтов (Кент), Школа исследований проблем мира (Брадфорд), Центр исследования контроля над вооружениями и международной безопасности и Институт Ричардсона по проблемам конфликтов и мира (Ланкастер) и др.¹⁸ Определенную академическую респектабельность изучению проблематики современной истории придало открытие в сере-

¹⁵ The Student Book 1985/86. P. 374, 418; Phillips C. The School of Oriental and African Studies, University of London, 1917—1967. L., 1968. P. 48—66; World Directory of Social Sciences Institutions. P. 695—700, 686 — 687, 709.

¹⁶ Phillips C. Op. cit. P. 48-66; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol 1. P. 648-651.

¹⁷ Student Book 1985/86. P. 403, 423-424, 414.

¹⁸ World Directory of Social Science. Institutions. P. 697, 720, 723.

дине (i()-х годов Института современной истории, в котором сосредоточились кадры профессионалов. Институт начал издавать «Джорнэл оф модерн хистори» («Журнал современной истории») и координировать научную деятельность «новейших» историков страны. В 1967 г. на базе Лондонской школы экономики и политической науки была создана Ассоциация современных историков, задачей которой провозглашалось всестороннее исследование проблем истории XX в. Несмотря на относительную малочисленность (около 150 членов), это общество в 70—80-е годы приобрело научный авторитет среди британских исторических обществ.

В конце 50-х—80-е годы в Великобритании возникла сеть автономных от университетов, специализированных научно-исследовательских институтов, основные направления деятельности которых определяются в первую очередь потребностями государства. В большинстве своем эти институты (Международный институт стратегических исследований (с 1958 г.), Институт расовых отношений (с 1958 г.), Институт изучения конфликтов (с 1970 г.), Институт политических исследований (с 1978 г.) и др.) занимаются разработкой прикладных политологических, экономических и социальных исследований по проблемам современности. Собственно история в научных программах подобных центров представлена слабо. Тем не менее их работа оказывает важное воздействие на направление развития проблематики современной истории.

В изучении и преподавании общей британской истории в 60—80-е годы прослеживается не только изменение соотношения между древней, средневековой, новой и новейшей историей в пользу последних. По-иному представляется и институционально выражается в исторической науке сама британская история как целое. Изменение места Великобритании в послевоенном мире, распад колониальной системы, развитие национальных движений внутри британского государства — все это опосредованно повлияло на формирование нового представления о британской истории как таковой. В XIX—первой половине XX в. это понятие однозначно отождествлялось с английской историей. В 50—60-е годы XX в. постепенно начало складываться иное понимание британской истории — как истории разных народов Британских островов, чьи исторические судьбы в конечном счете соединились в одном государстве. Концептуальное оформление этого взгляда во многом объясняется процессами в современной историографии, в первую очередь развитием в британской исторической науке национальных историографических школ — в Англии, Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии.

Несмотря на то что далеко не все английские историки (в особенности историки консервативного направления) признают существование таких школ, историческая наука объективно развивается с учетом этого явления. Его отражением служит факт складывания (помимо общебританского объединения) национальных научных сообществ историков, которые, тесно взаимодействуя

друг с другом, тем не менее существенно различаются в определении проблемных полей исследования и выработке концепции британской истории. Эти сообщества действуют в вузовской академической науке (в английских, шотландских, уэльских университетах и институтах), в системе исследовательских центров и исторических обществ, а также в сети научных коммуникаций. Показателем этих историографических процессов является известное разграничение функций таких обзорных исторических журналов, как «Инглиш историкэл ривью», «Скоттиш историкэл ривью», «Уэлш историкэл ривью» (последний начал издаваться с 1974 г.). Кроме того, в связи с активизацией деятельности местных исторических обществ в 60—70-е годы в ведущих регионах страны появились журналы, тематика которых не выходит за пределы локальной истории («Нозерн Скотланд» в Абердине, «Мидленд хистори» в Бирмингеме, «Саузерн хистори» в Саутгемптоне и многие другие). Тому же способствует публикаторская деятельность университетов и местных обществ.

В послевоенный период в британских университетах выросла специализация по истории национальных районов страны. В 70—80-е годы ведущими центрами исследования истории Шотландии стали Эдинбург, Глазго, Сент-Эндрюс, Абердин, Стирлинг. История Уэльса специально изучается во всех университетах этого региона, а также в Манчестерском университете. Ирландская история представлена в университетах Ольстера, Эдинбурга, Глазго, Аберистуита (Уэльс) и Манчестера¹⁹. В этих вузах сложились мощные научные центры по изучению средневековой и новой истории национальных районов Великобритании. Укрепление национальных историографических школ выражается в публикации серий монографий, в которых формулируется новая концепция британской истории как истории складывания и развития многонационального государства. В 60—80-е годы шотландская история трижды переписывалась в разных сериях «новой истории» (под редакцией У. Дикинсона в начале 60-х годов, под редакцией А. Данкена в 60—70-е годы, наконец, под общей редакцией Дж. Бэрроу в конце 70-х—80-е годы). Аналогично пересматривалась в новых редакциях история Уэльса и Ирландии. С середины 70-х годов началось издание монографий в серии «Новая история Англии» (главные редакторы А. Диккенс и Н. Гэш). Его цели сходны с задачами, которые ставятся шотландскими и уэльскими историками: на современном уровне исторической науки дать более полное, объемное отображение истории народов, входящих в состав Соединенного Королевства.

Переосмысление исторического прошлого с позиций отказа от англоцентризма с трудом дается историкам, представляющим английскую историографическую традицию. Тем не менее этот процесс продолжается. Свидетельством тому является укрепление научного сотрудничества и кооперирование сил историков уиверси-

тетов Англии, Шотландии, Уэльса. Важным рубежом в этой связи стал совместный выпуск в 80-е годы монографий в серии «Основы новой Британии» (главный редактор Дж. Холмс). Цель этого издания — проследить пути создания единого британского государства, избегая при этом англоцентризма²⁰.

В условиях растущей интеграции научного исторического знания ведущие университеты страны выступают в роли главных поставщиков кадров профессионалов во все районы британского государства. Основными центрами, поставляющими новые кадры историков, по-прежнему остаются наиболее престижные университеты Великобритании — Оксфорд и Кембридж. В послевоенный период их значимость в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов успешно оспаривает Лондонский университет, и в особенности действующий при нем Институт исторических исследований, выполняющий функции крупнейшего центра по подготовке исторических кадров высшей квалификации. Ежегодно около тысячи историков из других стран стажировались в институте для получения более высоких научных степеней (магистра искусств или доктора философии). Для них сотрудники института проводят лекции и семинары по наиболее актуальным проблемам развития исторической науки, а также организуют занятия по вспомогательным историческим дисциплинам. Библиотека института предоставляет стажерам необходимые копии печатного материала и библиографию.

Институт исторических исследований осуществляет несколько крупных исследовательских программ, в выполнении которых принимают участие историки британских университетов и исторических обществ. К числу главных программ относится подготовка и издание многотомной «Викторианской истории графств Англии», которая в настоящее время приобрела черты гигантской исторической энциклопедии, основанной на тщательном изучении локальных источников. Это издание, начавшееся в конце XIX в., еще далеко от завершения. С 1964 г. сотрудники института возглавили вторую исследовательскую программу, связанную с составлением подробного перечня служителей церкви в Англии и Уэльсе со времен норманнского завоевания до середины XIX в. Оба издания финансируются муниципальными и общественными организациями и частными благотворительными фондами.

Институт исторических исследований ведет систематическую работу по составлению различного рода библиографий, перечней, каталогов и справочников, призванных отражать современное состояние исторической науки в Великобритании и важнейшие этапы историографии. Совместно с Королевским историческим обществом сотрудники института продолжают серийный выпуск библиографий, отражающих накопление научного исторического

знания в Великобритании в XX в., — «Труды по британской истории» (начиная с 1987 г. он осуществляется под названием «Ежегодная библиография британской и ирландской истории»). Библиотекой института периодически издается серия «Библиография исторических трудов, вышедших в Великобритании». Самостоятельное значение приобрело также издание научной справочной литературы по истории. В 1969 г. институтом был выпущен «Справочник публикаций исторических и археологических обществ Англии и Уэльса за 1901—1933 гг.» Институт дважды (1956, 1968 гг.) предпринимал издание перечня британских исторических и археологических обществ.

Институт исторических исследований ведет работу по координации направлений научной работы профессионалов и регистрирует тематику завершенных диссертаций и других значительных трудов в области истории. В 1976 и 1984 гг. сотрудниками института были составлены перечни научных работ по исторической проблематике, представленных в британских университетах на соискание ученых степеней в период 1901—1970 и 1971—1980 гг.²¹ В послевоенный период деятельность и развитие Института исторических исследований связаны с именами многих видных британских историков (А. Милн, В. Гэлбрейт, Г. Парслоу, Дж. Эдварде, Е. Маллинз, А. Диккенс, С. Биндоф, Р. Пью, Ф. Томпсон и др.).

Координирующие функции в исторической науке выполняет и Британская академия, как одно из наиболее авторитетных сообществ ученых-гуманитариев. Из 16 секций академии 10 непосредственно связаны с историей — древней, средневековой, новой и новейшей. Члены Британской академии поддерживают постоянные научные контакты с национальными и местными историческими обществами, с университетами, институтами, научными центрами страны, а также с академическими учреждениями других стран. В своем «Академическом ежегоднике» члены академии публикуют перечень основных исследовательских проектов, в том числе по истории. Это позволяет корректировать выработку и проведение в жизнь конкретных исследовательских программ. Британская академия сохраняет статус независимой организации, однако в последние годы ее связи с государством (и такими его учреждениями, как Исследовательский совет социальных наук) значительно выросли.

Разрастание объема знания в исторической науке и внутренние изменения в его структуре обуславливают соответствующие перемены в институциональном облике историографии. В частности, главная для британской исторической науки отрасль — политическая история в современных условиях выражает себя в чистой

²⁰ Foundations of Modern Britain // Gen. ed. G. Holmes. Vol. 1. *Thompson J* The Transformation of Medieval England, 1370-1529. L., 1983. Introduction by G. Holmes. P. GX—X.

²¹ *Milne A* Twenty-Five Years at the Institute, 1946-1971 // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 1971. Vol. 49. P. 284-292; *History Theses, 1901-1970 / Compl. P. Jacobs*. L., 1976; *History Theses, 1971-1980 / Compl. J. Horn*. L., 1984.

истории, претендующей усилиями историков консервативного и умеренно-либерального направлений на интегрирующее начало разрозненного исторического знания, и в идеологизированной новой и новейшей истории, прочно связанной с запросами и потребностями государства²².

В соответствии с этим одна структурная часть политической истории развивается преимущественно в русле университетской (вузовской) науки, а другая, не ограничиваясь ее рамками, сосредоточивается в научно-исследовательских центрах и институтах, работающих по государственным заказам. Политическая история изучается на исторических и политологических отделениях университетов Оксфорда, Кембриджа, Абердина, Эдинбурга, Глазго, Данди, Стрэтклайда, Манчестера, Бирмингема, Лондона, Бристоля, Ливерпуля, Лидса, Ланкастера, Киля, Гулля и многих других. В послевоенный период получили развитие такие отрасли политической истории, как дипломатическая история и история международных отношений. В них институционально закрепились традиции сотрудничества академических историков с государством, истоки которой восходят к началу XX в. Внешнеполитическая проблематика разрабатывается в университетах Лондона (Школа экономики и политической науки. Институт по изучению Содружества), Кембриджа, Оксфорда (Институт Содружества наций), Эдинбурга, Сент-Эндрюса, Стирлинга (Центр исследований Содружества), Абердина, Сассекса (проблемная группа изучения международных отношений), Киля, Манчестера, Брайста и в ряде других вузов страны²⁵. Среди английских университетов ведущее место в исследовании политической проблематики принадлежит Оксфорду и Кембриджу. В Оксфордском университете в ряде колледжей (Наффилдский, Куинз-колледж, Сент-Энтони-колледж и др.) успешно применяются при изучении политической истории междисциплинарные подходы. Университет объединяет многих видных историков, специализирующихся в области политической истории (М. Ховард, Д. Платт, С. Холмс, А. Макинтайр, К. Морган, П. Слэк, Дж. Поул и др.). В Кембридже политическая проблематика разрабатывается профессорами и преподавателями Крайст-колледжа (Дж. Пламб, К. Скиннер), Клер-колледжа (Дж. Элтон), Питер-хауса (М. Коулинг, Х. Чедвик, Дж. Перри) и др.²¹ Традиционную приверженность чистой политической (и конституционной) истории проявляют старые британские университеты.

Важные функции объединения научных усилий историков Оксфорда и Кембриджа, ориентирующихся на политическую проблематику, выполняет «Хисторикэл джорнэл», который до

1978 г. носил название «Кембридж хисторикэл джорнэл». Вокруг него в разные годы группировались Г. Баттерфилд, Дж. Пламб, Дж. Батлер, Ф. Хинсли, Э. Стоукс, Кр. Эндрю, Г. Пеллинг и другие известные историки. В настоящее время этот журнал является одним из наиболее авторитетных научных периодических изданий по истории, выходящих в Великобритании. Основное внимание в нем уделяется рассмотрению проблем партийно-политической истории, истории международных отношений, колониальной политики и истории общественной мысли Великобритании и стран Западной Европы эпохи средневековья и нового времени. В 70—80-е годы тематика статей и сообщений, помещенных в журнале, стала значительно разнообразнее. В нем регулярно появляются материалы по новейшей истории Великобритании, преодолено монопольное положение британской проблематики: регулярно печатаются статьи по истории континентальных европейских стран и государств Америки.

Одним из крупнейших центров преподавания и изучения современной политической истории остается Лондонский университет. В 70—80-е годы приоритетные позиции политической истории в колледжах университета были потеснены развитием экономической и социальной истории. Однако политическая история продолжает быть важным направлением научных изысканий преподавателей и аспирантов Королевского, Университетского, Имперского и других колледжей, а также Лондонской школы экономики и политической науки, где работают известные историки и политологи (Е. Кедури, К. Миног, К. Бори, И. Ниш, Д. Уатт, М. Докрилл и др.)²³.

Политическая история новейшего времени, связанная с политологией, широко представлена в новых, «городских» и технологических университетах (Шеффилд, Ньюкасл, Сэлфорд и многие другие). Типичным примером служит организация преподавания и изучение политизированной политической истории в университете Стрэтклайда. Ведущее положение на гуманитарном факультете этого университета занимает отделение политологии, при котором действует научный центр по исследованию общественной политики в современной Великобритании. Его возглавляет видный политолог Р. Роуз. Сотрудники этого центра совместно с преподавателями политологического отделения занимаются изучением британского электората и прогнозированием электорального поведения, проводят сравнительные аналитические исследования социально-политических сдвигов в странах Запада и пр. В 1973 г. при Стрэтклайдском университете возник научно-исследовательский институт имени Д. Ливингстона, в котором рассматриваются социально-политические проблемы современных развивающихся стран. В 70-е годы этот университет стал выполнять функции крупного центра в области исследования социально-политических проблем шотландского региона (научное объедине-

22 Research in British Universities. . . P. 183-199; Student Book 1985/86. P. 426-427.

21 What is Political History?//History Today. 1985. Vol. 35. N 1. P. 10—18.

23 Commonwealth Universities. . . Vol. 1. P. 743—747, 755, 374-375, 383-387; Chester N. Economics, Politics and Social Studies in Oxford 1900—1985 L 1986 P. 172-179.

24 Commonwealth Universities. . . Vol. 1. P. 590—594.

ние по изучению национальных движений во главе с Дж. Брэндом и пр.)²⁶.

В 50—80-е годы в Великобритании сложилась сеть научно-исследовательских институтов, центров, групп, занимающихся теоретическими проблемами войны и мира, вопросами истории ядерных вооружений и разоружения, внешней политики Великобритании в новое и новейшее время. Помимо Королевского института международных отношений, эта тематика изучается в Международном институте стратегических исследований, Институте проблем оборонительной политики, Европейском центре политических исследований и в других организациях, которые субсидируются государством, благотворительными фондами и обладают большими издательскими возможностями²¹.

В послевоенные годы в системе научного исторического знания произошли серьезные перемены во взаимоотношениях экономической и социальной истории. В первые полтора десятилетия после окончания второй мировой войны одновременно с пересмотром предмета социальной истории и ее постепенным высвобождением из зависимости от экономической истории в британской историографии развивался процесс переосмысления содержания экономической истории. В 60—70-е годы социальная история все чаще стала интерпретироваться расширительно — как структура, призванная объединять вокруг себя не только основные части исторического знания, но и некоторые разделы других гуманитарных дисциплин. В этот период часть экономической истории, которая сформировалась в первой трети XX в. и имела объектом изучения общество в его историческом развитии (на базе политэкономии), включилась в сферу новой социальной истории и заняла по отношению к ней подчиненное положение. В то же время все более отчетливо стала заявлять о себе новая экономическая история, претендовавшая на известную самостоятельность в структуре исторического знания и на близость к современной экономической науке. В ней прослеживалось определенное генетическое родство с исторической экономикой конца XIX — начала XX в. (как в предмете, так и в методах исследования). В 70—80-е годы в рамках новой экономической истории оформились две основные отрасли — количественная история и история бизнеса, с присущим им исследовательским инструментарием и понятийным аппаратом. В разработку проблематики новой экономической истории активно включились и экономисты²⁸.

Особенности развития экономической и социальной истории в послевоенный период предопределили и основные направления

²¹ Research in British Universities. . . Vol. 3. P. 5—6, 12, 47—49, 55.

²⁷ World Directory of Social Sciences Institutions. P. 705-706, 721-722; The Student Book 1985/86. P. 426-427.

²⁸ Mathias P. Economic History—Direct and Oblique // New Movements. . . P. 76 — 91; What is Economic History? // History Today. 1985. Vol. 35, N 2. P. 35-36; Prude J. Trouble with Economic History // Comparative Studies in Society and History. 1985. Vol. 27, N 4. P. 744 -754.

институционализации этих областей научного исторического знания в Великобритании. В настоящее время специализация по экономической истории осуществляется примерно в 40 университетах и во многих высших колледжах страны. Социальная история изучается в 25 университетах и большинстве политехнических институтов и колледжей. Чаще всего академическое преподавание и изучение этих предметов ведется комплексно на факультетах, отделениях и в школах экономических и социальных исследований (Бристоль, Гуль, Глазго, Восточная Англия и др.). Вместе с тем в некоторых университетах и институтах имеются факультеты и отделения, где безусловное предпочтение отдается только экономической истории (отделения экономической истории Манчестерского, Даремского, Эксетерского, Лестерского, Ливерпульского и других университетов, политехнических институтов Портсмута, Манчестера, Уолверхэмптона и пр.)²².

В ряде ведущих британских университетов вместе со специализацией по экономической истории осуществляется подготовка по истории бизнеса (на обычном и аспирантском уровнях). Характерным примером служит Лондонская школа экономики и политической науки, в которой обучается 3,7 тыс. студентов, а штат преподавателей насчитывает около 300 человек. В 1974 г. Лондонская школа пополнилась научно-исследовательским центром, занимающимся разработкой проблем труда и занятости. Формирование истории бизнеса как субдисциплины новой экономической истории в школе экономики обусловило открытие в 1978 г. специального научного Центра по изучению истории бизнеса. Аналогично образовался в 1988 г. на базе отделения экономической истории Глазговского университета Центр исследования истории бизнеса. В обоих случаях создание центров стимулировалось частными дотациями. Крупные промышленные компании и фирмы зачастую выступают также инициаторами систематизации и упорядочения хранения документов и материалов по истории бизнеса²³.

Превращение экономической истории в одну из ведущих отраслей британской исторической науки нашло отражение в деятельности Общества экономической истории. С 60-х годов в различных университетах страны при содействии общества стали проводиться научные конференции, собиравшие нередко до 250 участников. В 1970 г. число индивидуальных членов общества составляло 2,6 тыс. человек. Однако в 70-е годы приток новых членов приостановился. Это было связано с переориентацией руководства общества на изучение новой экономической истории, и прежде всего количественной истории. Сужение обществом проблемных полей исследования, использование специфического языка повлекли за собой ограничение контактов с представителями других областей

²² The Student Book 1985/86. P. 389, 430.

²³ The World of Learning. 1988. P. 1387, 1399-1400; Payne P. Business Archives and Economic History // Archives. 1963. Vol. 6, N 29. P. 21-29; Commonwealth Universities Yearbook 1989. Vol. 1. P. 620-624.

исторического знания. В начале 80-х годов в деятельности общества стали заметны попытки вернуться к более широкой трактовке экономической истории и задач общества. В настоящее время в него входит более 2,5 тыс. индивидуальных членов. В составе руководства общества находятся известные историки Т. Баркер, Дж. Терек, П. Матиас, Р. С. Флауд, Д. Коулмен. Э. Хобсбоум и др.³¹

Общество издает журнал «Экономик-хистори ривью» («Экономико-историческое обозрение»), который публикует статьи по различным направлениям экономической истории, организует дискуссии, печатает историографические обзоры. В разделе рецензий рассматриваются работы как по экономической, так и по социальной истории. С 1946 г. в журнале регулярно публикуется библиография работ по экономической истории, издаваемых в Великобритании и Ирландии. Журнал откликается на новые научные подходы и методы, он немало способствовал популяризации количественных методов. В 70—80-е годы журнал стал выступать проводником взглядов «новых» экономических историков. Увеличилось число публикаций, посвященных истории XX в. Среди наиболее актуальных тем — причины экономического отставания Великобритании. В последние годы вновь возросло внимание журнала к аграрной истории.

Среди серийных изданий общества наиболее известны «Исследования по экономической истории», выходящие с 1968 г. Задача этой серии — дать специалистам общее представление о современной интерпретации крупных проблем экономической истории. Обществом были изданы «Очерки по количественной экономической истории» (под редакцией Р. С. Флауда) и «Очерки по европейской экономической истории». Долгое время социально-историческая проблематика разрабатывалась в этом обществе как подчиненная ведущим тенденциям развития экономической истории. В 70—80-е годы на конференциях общества и страницах его журнала стали широко обсуждаться темы по демографической и семейной истории XVIII—XIX вв., социальной истории эпохи промышленного переворота и т. п. С 1975 г. общество организовало издание книг в серии «Исследования по социальной истории». В тот же период выросло творческое сотрудничество его членов с Обществом социальной истории и Обществом изучения истории рабочего класса³².

Расширение структуры исторического знания в послевоенный период выразилось в укреплении позиций социальной истории в британской академической науке, заметно повлияло на систему преподавания и подготовки кадров в университетах и политических институтах. Это проявилось не только в увеличении объема

учебных курсов по социальной истории и во введении новых специализаций, но и в создании при высших учебных заведениях новых научных центров и объединений. В (И) -80-е годы положение ведущих центров по изучению новой социальной истории приобрели исследовательские объединения при университетах Кембриджа, Оксфорда, Уорика, Ланкастера, Сассекса, Эссекса, Гуллы, Лестера, Бирмингема.

Создание в 1964 г. в Кембриджском университете исследовательской группы по изучению народонаселения и социальной структуры преимущественно доиндустриального общества, в которую вошли историки, социологи, демографы, географы (П. Ласлетт, Р. Скофилд, К. Ригли и др.), отражало факт возросшего интереса британских историков к междисциплинарным исследованиям, в частности к возможностям использования данных демографии и количественных методов для разработки сюжетов новой социальной истории. Члены группы находились под сильным влиянием школы Анналов и использовали ее методики в области исторической демографии применительно к изучению английской истории. Заимствование методов социологии и социальной антропологии, введение в научный оборот свидетельств местных источников обуславливались стремлением членов Кембриджской группы сосредоточить внимание на изучении базовых социальных структур и институтов и анализе их изменений в XVII—XIX вв. В основу ее исследовательской программы была положена разработка проблематики истории семьи и многообразных родственных и личных связей в малых социальных и профессиональных группах. Это объединение поставило задачу координации усилий сотен историков любителей и профессионалов по сбору и первичной систематизации данных местных источников, которые затем обобщались, проходя компьютерную обработку в Кембриджском университете. Членами группы был основан журнал «Локал популэйшн стадиэз».

В Кембридже стали проводиться периодические семинары и симпозиумы с приглашением историков из других университетов. Основные установки этого научного центра были сформулированы в 1966 г. в работе П. Ласлетта «Мир, который мы потеряли» и в коллективном издании «Введение в английскую историческую демографию», вышедшем под редакцией К. Ригли. В 70—80-е годы члены Кембриджской группы опубликовали ряд работ, в которых рассматривается динамика народонаселения Великобритании в новое время в связи с экономическим развитием страны и социальными сдвигами. Деятельность этой группы стимулировала аналогичные научные разработки в других университетских центрах страны и заложила основы систематического изучения предмета и проблематики демографической истории как части новой социальной истории в британской историографии³³.

*» The World of Learning, 1988. P. 1329; What is Economic History? P. 35—43; Coleman D. History and the Economic Past. Oxford, 1988. P. 123—135.

¹² Essays in quantitative Economic History / Ed. R. Floud. Oxford, 1974; Essays in European Economic History, 1789—1914 / Ed. F. Crouzet et al. L., 1974; Essays in Social History / Ed. M. Flinn et al. Oxford, 1975. Vol. 1 — 2.

*» Laslett P. The World We Have Lost. N. Y., 1966; An Introduction to English Historical Demography / Ed. E. Wrigley. L., 1966; Household and Family in Past Ti-

Подобные тенденции получили развитие и в Оксфорде. В 60—80-е годы ведущие позиции в изучении проблем социальной истории приобрел Раскин-колледж — учебное заведение, созданное на профсоюзные средства для повышения общеобразовательной подготовки рабочих-активистов. В 1967 г. на основе практических занятий, которые проводились с учащимися видным прогрессивным историком Р. Сэмюэлем, возникло объединение историков профессионалов и любителей «Историческая мастерская». Его название было заимствовано у экспериментальной студии «Театральная мастерская», работавшей в 40—50-е годы. Замысел создателей «Исторической мастерской» сводится к тому, чтобы в стенах колледжа создать благоприятные условия для неформального творческого общения профессиональных историков и любителей, не стесненного рамками академической исторической науки. Центральной темой изысканий стали проблемы истории британского рабочего движения, рассмотрение их с позиций трудящихся классов, истории снизу.

Начало практической деятельности «Исторической мастерской» было положено студенческими научными работами, подготовленными на рубеже 60-х и 70-х годов по локальным вопросам рабочей истории Великобритании XIX—XX вв. Основу этой организации составили историки радикально-демократической и марксистской ориентации. Участники объединения декларировали свою приверженность диалектико-материалистическому методу исследования. Тяготение к созданию народной истории, истории снизу побуждало их привлекать новые, ранее не использованные местные источники, обращаться к изустной истории, к материалам, характеризующим не столько производственную деятельность и общественно-политические организации пролетариата, сколько повседневную жизнь рабочих, обыденное сознание, формы стихийного социального протеста. В конце 60-х годов в «Историческую мастерскую» вступила группа участниц феминистского движения. Это обусловило расширение изучаемой исторической проблематики. В 70—80-е годы в объединении активизировалась разработка истории социальных групп и национальных общин, представляющих различные категории трудящихся классов, началось интенсивное изучение проблем истории семьи, детства, женщин, народной культуры и т. д. Значительное влияние на направления деятельности «Исторической мастерской» оказали достижения в области микросоциологии, исторической демографии, социальной и культурной антропологии.

me / Ed. P. Laslett, R. Wall. Cambridge, 1972; Family Life and Illicit Love in Earlier Centuries / Ed. P. Laslett. Cambridge, 1977; Wrigley E. Nineteenth-Century: Essays in the Use of Quantitative Methods for the Study of Social Data. Cambridge, 1972; Wachter K., Hammel E. The Genesis of Experimental History // The World We Have Gained / Ed. L. Bonfield et al. Oxford, 1986. P. 388-406; Houston R., Smith R. A. A New approach to Family History // History Workshop Journal. 1982. N 14. P. 120-131.

Выдвижение участниками объединения лозунга «Назад к источнику» обуславливалось их стремлением утвердить свое право на написание событийной, эмоционально окрашенной истории, которая выходила бы за рамки историко-социологической схемы и противостояла статистическим выкладкам приверженцев количественных методов исторического исследования, была бы доступна широким массам читателей («история, которая пишется рабочими и для рабочих»). Обращение историков к темам и фактам, скрытым от истории, изучение ими опыта реальной жизни и акцентирование внимания на самобытном, конкретном, попытки воссоздания индивидуальной мотивации, личностного поведения и т. д. — все это пробуждало общественный интерес к деятельности «Исторической мастерской».

Росту популярности объединения содействовало образование в 1975 г. периодического издания «Хистори уоркшоп джорнэл», которое стало выходить дважды в год. Редакция определила его политическое направление как социалистическое. С 1982 г. у него появился подзаголовок «Журнал историков-социалистов и феминистов». В состав редколлегии вошли преподаватели Оксфорда и других британских университетов (Р. Сэмюэль, Г. Стэдмай Джоунс, Т. Мэйсон и др.), а также активистки феминистского движения (С. Александер, А. Дейвин, Б. Тейлор и др.). Не замыкаясь на локальных исследованиях, журнал публикует статьи по общим методологическим проблемам исторической науки. Работа «Исторической мастерской» и издание журнала получили поддержку многих британских историков леволиберального, радикально-демократического, марксистского направлений^{3/}.

В 80-е годы участники объединения расширили контакты с ведущими историческими обществами страны, академической исторической наукой и в то же время упрочили связи со школьными учителями и историками-любителями. Монографические и коллективные работы, выходящие в серии «Исторической мастерской», получили признание историков-профессионалов. С 1984 г. в Оксфорде объединение приступило к изданию серии научно-популярной и публицистической литературы, предназначенной для средней школы («Английский патриотизм», «Историография и историческое воображение», «Преподавание истории в Великобритании в XIX в.» и др.). Со временем «Историческая мастерская» обрела положение научного и исторического центра, институализация которого была завершена в 1984 г., когда члены объединения официально объявили об образовании на базе «Исторической мастерской» Центра по изучению социальной истории. В состав рабочей группы центра вошли Р. Сэмюэль, К. Хилл, П. Берк, Г. Джонс и др. Среди его попечителей оказались Э. Бриггс, Э. Хобсбоум, Дж. Терек, Э. П. Томпсон, С. Холл

3/. Editorial: Ten Years After // History Workshop Journal. 1985. N 2. P. 1—4; Samuel R. History Workshop, 1966-1980 // People's History and Socialist Theory. L., 1981. P. 410-416.

и др. Численность общества превысила 200 человек. В программном манифесте центра подчеркивалось стремление его членов разрабатывать целостную, тотальную историю, противостоящую традиционной дисциплине, поборники которой выступают в пользу истории ради нее самой³⁷

«Историческая мастерская» Оксфорда видит свои задачи в кооперировании научных усилий профессиональных исследователей и историков-любителей по проблемам социальной (прежде всего рабочей) истории, в популяризации научного исторического знания среди рабочих и в средней школе. Ее участники предполагают вести изыскания в области изустной и локальной истории, истории семьи и дома, используя подходы, разрабатываемые в социальной антропологии, социологии, лингвистике, географии, истории материальной культуры. Оформление оксфордского центра «Исторической мастерской» послужило стимулом к образованию подобных «мастерских» в других университетских городах Великобритании. К 1984—1985 гг. аналогичные организации возникли в Лондоне, Манчестере, Лестере и ряде других мест. Члены Лондонского центра поставили целью активизировать изучение истории этого города и его жителей и в связи с этим создать в отдельных районах столицы группы историков-любителей, ведущих локальные исследования. При Лондонском центре были созданы школа популяризации исторических знаний и небольшой архив изустной истории^ж.

Значительное влияние на направление развития новой социальной истории оказывают исследования, осуществляемые в университете Уорика. В 1968 г. в нем был открыт Центр социальной истории. Его основателем и первым директором был Э. П. Томпсон — крупнейший исследователь истории английского рабочего класса, представляющий в академической исторической науке Великобритании марксистское направление. Первоначально сотрудники этого центра сконцентрировали усилия на изучении главным образом рабочей истории. С 1973 г. он получил поддержку другого объединения — Центра по выявлению новых источников, созданного при университетской библиотеке Уорика. Его работники организовали сбор и первичную обработку документальных материалов по истории рабочего класса, снабжая Центр по изучению социальной истории необходимой исторической информацией. Труды Э. П. Томпсона по истории английского рабочего класса и коллективные работы сотрудников по проблемам социальной борьбы народных масс в XVIII—XIX вв., введение в научный оборот нетрадиционных источников и новое прочтение известных документов привлекли к этому объединению внимание многих академических историков либерального и радикально-демократического направлений.

Научные разработки Уорикского центра способствовали пробуждению интереса «новых» историков к тем сторонам истории грудящихся классов Великобритании, которые прежде оставались ипе сферы исследования традиционной историографии. Со второй половины 70-х годов, когда Центр по изучению социальной истории в Уорике возглавил Р. Харрисон (также принадлежащий ит марксистскому направлению в британской историографии), деятельность этого объединения стала более разнообразной. В настоящее время, помимо проблематики собственно рабочей истории, и центре разрабатываются общетеоретические и методологические вопросы социальной истории. Сотрудники центра расширили научные связи с академическими объединениями и историческими обществами, занимающимися сходными проблемами^а.

В 60-е годы на отделении экономической и социальной истории Гулльского университета образовалась группа историков, занимающихся преимущественно рабочей историей. В нее вошли представители радикально-демократического направления, историки-марксисты. В 1972 г. члены Гулльской группы приступили к изданию многотомного «Словаря рабочей биографии» (составители Дж. Сэвил и Дж. Беллами). Дальнейшая разработка историками Гулля проблем британского рабочего движения XIX—XX вв. осуществлялась под влиянием растущего авторитета новой социальной истории, в орбиту которой оказалась вовлеченной значительная часть рабочей истории. В Гулльском университете это проявилось в создании специализированного научного журнала «Сошел хистори», организатором которого были радикальные историки К. Нилд и Дж. Блэкмен. Журнал, издаваемый с 1976 г., помимо дискуссионных теоретико-методологических вопросов, уделяет первостепенное внимание проблематике рабочей истории. Журнал объединяет вокруг себя многих видных историков, принадлежащих к демократическому течению британской историографии (Дж. Кроссик, Д. Фостер, Р. Грей, Д. Томпсон и др.). В нем печатаются статьи историков-профессионалов не только из Великобритании, но и из других стран (прежде всего из США)³⁸.

В новом университете Эссекса до середины 70-х годов история была слабо представлена в учебных программах. Тем не менее здесь сформировалась (на базе школы социальных исследований) небольшая группа радикально-демократических историков, специализирующихся в области социальной истории. В 1971 г. в Эссексе были основаны журнал «Орал хистори» и общество с аналогичным названием. Инициатор их создания — преподаватель социальной истории П. Томпсон. Он организовал в рамках Общества изустной истории совместную деятельность историков, которые занимались собиранием словесных свидетельств и разработкой методик устных опросов очевидцев исторических событий. Первоначально

Draft Manifesto of the History Workshop Centre for Social History//History Workshop Journal. 1983. N 16. P. 196—202.

London History Workshop Center // History Workshop Journal. 1984. N 17.

Perkin H. Op. cit. P. 124-125; Beloff At. Op. cit. P. 140-147; Research in British Universities. . . Vol. 3. P. 55.

•» Beloff At. Op. cit. P. 112-121; Social History. Hull, 1976.

тематика социально-исторических исследований общества ограничивалась сюжетами рабочей истории, однако к концу 70-х годов в связи с развитием в «новой истории» социокультурного и психоаналитического подходов интересы историков расширились. Изучение проблематики массового сознания и народной культуры побуждало членов общества активно использовать фольклорный материал и разнообразия аудиовизуальные источники. Общество изустной истории выступило в роли организатора национальных конференций, в которых стали регулярно участвовать историки из «Исторической мастерской» Оксфорда и аналогичных объединений из других университетов, представители центров социальной истории Уорика и Ланкастера, а также преподаватели отделений и кафедр социальной истории Кента, Манчестера, Ньюкасла и других городов^Ж.

Среди «городских» университетов, разрабатывающих проблематику социальной истории, заметно выделяется Бирмингемский. Социальная история в этом университете изучается на отделениях экономической и социальной истории, социологии, в центрах советологии и «городских» исследований. В 1964 г. при университете был образован Центр исследований современной культуры, представляющий собой одновременно учебное заведение по подготовке аспирантов и научный институт. В 70—80-е годы в нем сосредоточилась деятельность видных историков и социологов радикально-демократического направления (С. Холл, Р. Джонсон, М. Грин, С. Гриффин, М. Макнейл, Дж. Макленнон и др.). Сотрудники центра специализируются на изучении современной культуры (с конца XIX в. по настоящее время) и ее соотношения с материальным (экономическим) и социальным развитием общества. В рамках этой исследовательской программы в центре ведутся историко-социологические и социокультурные изыскания по проблемам *индивидуум и общество, народная культура, народная память*. Значительное внимание уделяется исследованию духовной жизни рабочего класса в целом и отдельных его категорий (женщин, расовых и национальных меньшинств и т. п.). Особое место в научной деятельности сотрудников Бирмингемского центра занимает разработка теоретико-методологических проблем исторической науки, которая ведется с позиций плюрализма и обновления марксизма. Используя элементы различных социокультурных и культурологических теорий и концепций (А. Грамши, Р. Уильямса), работники Центра исследований современной культуры оригинально интерпретируют марксистскую теорию общественно-экономических формаций. Бирмингемский центр тесно сотрудничает с «Исторической мастерской» Оксфорда и многими леворадикальными организациями и журналами⁴⁰.

К числу наиболее крупных центров повои социальной истории принадлежит исследовательское объединение при Сассекском университете. Оно сложилось на базе школы социальных исследований, использующей экспериментальные методы гуманитарного обучения и новые формы научной работы. В 60-е — начале 70-х годов, когда ее возглавлял один из родоначальников новой социальной истории — Э. Бриггс, там сложился мощный научный центр, в котором были объединены научные усилия экономистов, социологов, психологов, антропологов, географов, политологов, юристов. Главным направлением работы преподавателей и сотрудников Сассекской школы стала разработка различных методик междисциплинарных изысканий по проблематике истории Великобритании, стран континентальной Европы, а также Америки. Стремясь к воплощению идеи «нового синтеза», работники школы развернули деятельность по координации и кооперированию социально-исторических исследований либеральных и радикально-демократических историков. Особую активность сотрудники Сассекской школы проявляют в подготовке и издании сводных трудов по социальной истории Великобритании, обобщающих результаты работы специалистов из разных университетов страны «.

Тесные связи с этой школой поддерживает Ланкастерский университет. В середине 70-х годов в нем сформировался Центр социальной истории. Обучение и профессиональная подготовка аспирантов сочетаются здесь с научной работой преподавателей различных отделений самого университета (истории, экономики, советологии, германистики, религиоведения и пр.), объединившихся для выполнения исследовательских программ по социальной истории. Ланкастерский центр возглавил Г. Перкин, первым среди университетских преподавателей получивший в Великобритании должность профессора социальной истории. За короткий срок Центр социальной истории в Ланкастере занял положение одного из ведущих научных объединений, которые представляют радикально-демократическое крыло новой историографии. Внутри этого центра сложилось несколько направлений исследования социально-исторической проблематики. Они ведутся в области локальной британской истории, изустной истории, рабочей истории, истории образования и народной культуры. Отличительной особенностью изысканий, осуществляемых в Ланкастерском центре, является их широкий географический диапазон. Помимо британской истории, участники объединения изучают проблемы социальной истории континентальных европейских стран, России, США, государств Африки и пр.

ry//History Workshop Journal. 1978. N 6. P. 79-106; Making Histories / Ed. R. Johnson et al. L., 1982.

^Ж Perkin H. The Structured Crowd. P. 215; Beloff M. Op. cit. P. 79-94; The Sussex Opportunity: a New University and the Future / Ed. R. Plin-Stoyle. Brighton, 1986.

⁴⁰ Perkin H. The Structured Crowd: Essays in English Social History. Sussex, 1981. P. 219-220; Briggs A. Collected Essays. Urbana, 1985. Vol. 2. P. 282-284; Thompson P. Oral History. L., 1987.

⁴⁰ Johnson B. Edward Thompson, Eugene Genovese and Socialist Humanist Histo-

Историки Ланкастера активно участвуют в издании серий монографических работ по социальной истории («Исследования по социальной истории», «История городов и графств»). В 1976 г. университетскими историками на базе Ланкастерского центра было создано Общество социальной истории. Его председателем был избран Г. Перкин, президентом — Э. Бриггс. Привлечение в актив общества видных академических историков и социологов Великобритании способствовало тому, что это региональное объединение получило статус национальной исторической организации, ведущей исследования на междисциплинарной основе. В ежегодных конференциях, проводимых Обществом социальной истории в Ланкастере, стали принимать участие представители различных университетских центров социальной истории и обществ, специализирующихся на изучении социальной проблематики. Ведущее место в его исследовательских программах занимают вопросы формирования и развития структуры британского общества, истории социального протеста, массовой культуры и т. н. Ланкастерский центр вместе с Обществом социальной истории вносит важный вклад в разработку социально-исторической проблематики, осуществляя ее с теоретико-методологических позиций новой историографии⁴³.

В конце 40-х годов, когда в Великобритании была учреждена Постоянная конференция по изучению локальной истории с центром в Лондоне, в Лестерском университете образовалось отделение английской локальной истории. На нем впервые в стране было введено преподавание локальной истории как самостоятельной области академической истории. При университете началось издание журнала «Локал хисториэн». После открытия в 1964 г. в Лестере первой кафедры локальной истории эта субдисциплина стала развиваться, постепенно включаясь в структуру новой социальной истории. В 60—70-е годы вокруг кафедры сформировался крупный научный центр. Ведущими исследователями в нем были либеральные историки У. Хоскинс, Г. Финберг, А. Эверитт. Они заложили основы Лестерской школы локальной социальной истории. Эта школа отошла от антиквариантства традиционной локальной истории. Внимание лестерских историков сосредоточилось не столько на краеведении, сколько на изучении истории местного общества в отдельные периоды британской истории. Члены Лестерской школы приложили немало усилий к улучшению организации работы архивов графств и городов, выявлению и публикации новых местных источников. Подход историков к локальной истории как части новой социальной истории и привлечение ими результатов исследований по экономической и политической истории позволили существенно расширить ее проблематику.

В 60—80-е годы в Лестерском университете получила новое направление развития и такая историческая субдисциплина, как «городская» история. По мере становления новой социальной

истории изменялось содержание исследовательских программ по истории города, которые осуществлялись на отделении экономической истории университета. Создание сотрудниками этого отделения в 1964 г. Общества «городской» истории закрепило образование в Лестере еще одного научного объединения. Его руководитель Дж. Дайос выступил в роли организатора «Ежегодника городской истории». Важное место в этом периодическом издании отводится материалам конференций специалистов по «городской» социальной истории, ежегодно созываемых в Лестере⁴³.

Социальная история широко представлена также в технологических университетах (Брадфорд, Ват, Серрей, Бранел, Астон, Сэлфорд) и в политехнических институтах (Пейсли, Уолверхэмптон и др.). В этих высших учебных заведениях — менее престижных для людей из общества, чем традиционные английские и шотландские университеты или Лондонский университет, и гораздо в меньшей степени обремененных историографическими традициями — сосредоточились интеллектуальные силы радикально-демократической гуманитарной интеллигенции, выступающей на переднем крае британской исторической науки.

Деятельность историков, занимающихся разработкой новой социальной истории, в большой мере координируется историческими обществами и журналами. Наиболее авторитетное положение среди них занимают общество «Паст энд презент» и Общество изучения истории рабочего класса. Образованию исторического общества «Паст энд презент» предшествовала многолетняя работа историков марксистского, радикально-демократического и либерального направлений, объединившихся в 1952 г. для издания одноименного научного исторического журнала. В организации этого прогрессивного журнала и выработке им изначальной идейно-теоретической платформы огромную роль сыграли представители марксистской историографии (Дж. Моррис, Г. Чайлд, М. Добб, К. Хилл, Р. Хилтон, Э. Хобсбоум). В становлении и развитии журнала «Паст энд презент» участвовали многие либеральные и радикальные историки (Т. Астон, А. Бриггс, Л. Стоун и др.).

В 60—70-е годы теоретические установки журнала претерпели определенную эволюцию. Усиление в нем идейного плюрализма вело к тому, что в последующие годы «Паст энд презент» стал все больше выступать в роли проводника новой историографии. В 1959 г. на основе журнала было образовано историческое общество. Его главной задачей провозглашалось широкое обсуждение актуальных дискуссионных проблем исторической науки, а также популяризация результатов конкретно-исторических исследований по социально-экономической и культурной тематике, организация публикаций этих материалов на страницах журнала и в серии сборников статей, издаваемых под рубрикой «Паст энд презент». В настоящее время в руководстве общества представле-

⁴² Perkin H. The Structured Crowd. F. 218-219; Beloff M. Op. cit. P. 122-130.

⁴³ Finberg H. Local History in the University. Leicester, 1964; Perkin H. The Structured Crowd. P. 213, 219.

ны историки марксистского, леволлиберального и радикально-демократического направлений (К. Хилл, Э. Хобсбоум, Р. Хилтон, П. Слэк, К. Томас, Т. Рэгджер, Д. Кэннедайн и др.).

Историки, объединившиеся вокруг журнала и общества, акцентировали внимание на изучении проблем перехода от феодализма к капитализму, революций XVII в., истоков и содержания промышленного переворота, массовых народных движений и форм протеста эпохи средневековья и нового времени. На конференциях и в журнальных дискуссиях неоднократно ставились вопросы о ведущих тенденциях и перспективах развития современной исторической науки Великобритании, рассматривались ее теоретико-методологические аспекты. Центральное место в деятельности «Паст энд презент» занимает социальная история. На конференциях общества в 70–80-е годы обсуждались такие темы, как «История, социология и социальная антропология», «Труд и досуг», «Социальная мобильность», «Наследование и семья», «Народная религия» и др. Этими историками активно разрабатываются социальные сюжеты промышленного переворота в Великобритании, рабочей истории и народной культуры XVIII–XIX вв. (семья, быт, социальная структура, материальное положение, поведение, сознание, социальный протест трудящихся)

На развитие новой социальной истории в Великобритании серьезное воздействие оказывает также направление работы Общества изучения истории рабочего класса. Оно было создано в Шеффилде в 1960 г. с целью координации научных исследований, преподавания рабочей истории в высшей школе и укрепления ее позиций в британской историографии. Общество возглавил А. Бриггс и профессор Шеффилдского университета С. Поллард. В актив этой организации вошли Э. Хобсбоум, Дж. Сэвил, Дж. Харрисон, Р. Харрисон и другие академические историки — марксисты, социалисты, радикалы и левые либералы. В настоящее время состав руководства общества пополнили Д. Мартин, Р. Сэмюэль, Д. Томпсон, К. Ригли, Р. Челлино и ряд других профессионалов. В 60-е годы Обществу изучению истории рабочего класса удалось создать региональные филиалы-отделения в Шотландии, Уэльсе и ряде промышленных центров Англии.

С 1962 г. началось издание общенационального «Бюллетеня» общества и журналов по рабочей истории в его филиалах. В этих изданиях содержится информация о результатах исследовательской работы членов общества, регулярно публикуются историографические и библиографические обзоры, помещаются подборки литературы по рабочей тематике, приводятся сведения о материалах по истории рабочего класса, хранящиеся в архивах и библиотеках страны. Возникновение этой организации объяснялось из-

вестной неудовлетворенностью прогрессивных британских историков состоянием рабочей историографии. До середины XX в. она ограничивалась в основном изучением истории лейбористской партии и профсоюзов, исследованием институциональных и политических сторон рабочего движения.

Социальные процессы внутри рабочего класса, особенности культурной и духовной жизни отдельных его групп долгое время оставались вне сферы внимания историков-рабочеведов. Члены общества значительно расширили рамки рабочей истории, приступив к систематической разработке социальной истории рабочего класса. Объектом их исследований стали проблемы зарождения и формирования пролетариата, особенности его материального положения и форм протеста на различных этапах развития, внутриклассовые и межгрупповые отношения, быт и культура рабочих. Эти сюжеты стимулировали дальнейшую разработку в марксистской и радикально-демократической историографии концепции рабочей аристократии и концепции гегемонии А. Грамши. На конференциях общества ставились такие проблемы, как «История рабочей семьи», «Влияние миграции рабочей силы», «Ранний этап британского тред-юнионизма», «Религия и народ», «Рабочая история в музеях», «Том Пейн и народный радикализм» и др. В 80-е годы тематика социально-исторических исследований, проводимых членами общества, существенно обогатилась за счет включения в сферу их внимания, помимо истории промышленного пролетариата, малоизученных вопросов, касающихся положения и социальной активности различных отрядов трудящихся Великобритании⁴⁵.

Историческим обществам в современной организационной структуре британской исторической науки принадлежит значительное место. Они различаются по масштабам деятельности (местные, региональные, национальные), задачам (соотношение научных и образовательно-воспитательных функций), направлениям работы и проблематике (археологические, краеведческие, общеисторические, специализированные исторические, публикаторские и др.). Ведущими национальными историческими обществами страны по-прежнему остаются Королевское историческое общество и Историческая ассоциация. В их программах установках и практической деятельности отражаются основные тенденции развития современной британской исторической науки.

Королевское историческое общество представляет собой одно из наиболее престижных объединений историков-профессионалов Великобритании. Оно строится на принципе индивидуального членства и включает в себя прежде всего авторов трудов, чья научная ценность подтверждается экспертами. В состав Королев-

« The Constitution of the Past and Present Society // Past, and Present. 1959. N 15. Apr. P. 91-94; Hobsbawm E. The Social Function of the Past // Past and Present. 1972. N 55. May; Abrams Ph. History, Sociology, Historical Sociology // Past and Present. 1980. N 87. Nov.

•••• Winter J. Labour History and Labour Historians // The Working Class in Modern British History. Cambridge, 1983. P. I-XII; The Teaching of Labour History in British Universities//Bulletin of the Society for the Study of Labour History. Sheffield, 1962. N 4-5; Bulletin of the Society. . . 1978. N 36-37; 1983. N 43.

ского исторического общества входят также ассоциированные члены и библиотеки — подписчики его изданий. В настоящее время общая численность общества составляет около полутора тысяч членов. Совет общества избирает президента только на четырехлетний срок. На этом посту в последние десятилетия находились такие известные историки, как Дж. Элтон, Дж. Хабакук, Дж. Холт, Дж. Эйлер. В Совет общества входят представители некоторых других исторических организаций страны (Общества экономической истории и пр.). Члены общества участвуют в работе Объединенного англо-американского комитета по изданию библиографий по британской истории; комиссии (совместно с Британской академией) по подготовке к изданию англосаксонских хартий; координационной комиссии историков по подготовке нового издания средневековых источников; Британской архивной ассоциации и пр. Выполнение Королевским историческим обществом крупных исследований и прочих программ обычно согласуется с другими историческими организациями, поскольку общество постоянно испытывает финансовые трудности. Его бюджет в основном формируется из ежегодных взносов членов, периодически ему оказывают помощь частные благотворительные фонды Великобритании и США. За послевоенный период ряды общества увеличились более чем на 400 человек. В настоящее время одним из ведущих направлений Королевского исторического общества является организация (пять-шесть раз в год) научных чтений и дискуссий. Их результаты публикуются в ежегодных «Трудах» общества. В 70—80-е годы в практику работы общества вошли научные конференции историков по широким и наиболее актуальным проблемам исторической науки (британской и колониальной истории, социальной истории, теоретико-методологическим вопросам «новой истории» и пр.)⁴⁶.

Дальнейшее развитие в послевоенный период получила издательская деятельность общества. Эта организация продолжает серийную публикацию документов, начало которой было положено Кемденским обществом, вошедшим в состав Королевского исторического общества в начале XX в. В целом членами общества выпущено в свет более 280 томов документов по истории средневековья и нового времени. Результаты научно-исследовательской работы общества периодически освещаются в его «Трудах». Это издание представляет собой ежегодник, в котором публикуются доклады членов общества на его заседаниях и конференциях, а также содержится полная информация о составе и деятельности общества. Значительное место в издательской работе общества отводится сирарочно-библиографической литературе. Серия «Путеводители и справочники» насчитывает более десятка справочных изданий, включая научное описание фондов библиотеки общества. С 1976 г. членами Королевского исторического общества

Humphreys R. The Royal Historical Society. 1868-1968. L., 1969. P. 1-36;
Kenyon J. The History Man. L., 1983. P. 194-195.

предпринято издание новой серии ежегодных библиографий по британской истории. С середины 70-х годов начал осуществляться выпуск монографической серии «Исторические исследования», в которой издаются первые крупные работы молодых ученых. Проявляя в последние годы повышенный интерес к историческому обучению в школе, Королевское историческое общество укрепляет связи с Исторической ассоциацией¹⁷.

Созданная в 1906 г. Историческая ассоциация является второй крупнейшей национальной организацией историков. Согласно уставу, цели организации сводятся к тому, чтобы способствовать «изучению и преподаванию истории на всех уровнях, усиливать общественный интерес ко всем аспектам истории и превратить ее в существенный элемент образования для всех». Эта организация объединяет академических историков и школьных учителей, она открыта для студентов и учащихся старших классов. Как и другие организации такого типа, ассоциация допускает как индивидуальное, так и коллективное членство. Ее численность в настоящее время составляет более 8 тыс. человек. Отделения и филиалы Исторической ассоциации имеются не только в регионах и графствах Соединенного Королевства, но и в Австралии, Новой Зеландии, Африке. Высшим органом ассоциации является ее ежегодный съезд, на котором избираются на трехлетний срок президент и члены постоянных комиссий по проблемам образования, публикаций, внешних сношений, финансов, связей с прессой.

Одним из важных направлений деятельности ассоциации всегда было участие ее членов в разработке учебных курсов и программ по истории для высшей и средней школы. В послевоенный период в практику этого общества вошла организация летних семинаров, школ, конференций для преподавателей вузов и учителей. Так, в 70-е годы ассоциацией было организовано несколько конференций по теме «История в политехнических институтах». В первой половине 80-х годов работали такие семинары, как «Историк и телевидение», «Историк и компьютер», «История для шестнадцати- и восемнадцатилетних» и др. В 1982 г. членами организации была создана рабочая группа по защите истории в университетах. Эта мера была вызвана резким сокращением ассигнований консервативного правительства на университетские нужды. Группа по защите истории стала своего рода центром координации действий университетских историков по сохранению в учебных планах прежнего объема лекционных курсов и других видов занятий, а также сложившихся направлений научно-исследовательской работы на исторических факультетах и отделениях. Члены группы проводят конференции, цель которых — выработать у всех нред-

The World of Learning, 1988. P. 1332; *Humphreys R.* Op. cit. P. 37-43; *Модель Д.* Национальные организации историков Великобритании // Национальные исторические организации в странах Западной Европы и США. М., 1982. С. 49 — 70.

ставителей исторической профессии общность взглядов на задачи исторического образования.

В 70—80-е годы увлечение историков междисциплинарными методами как в высшей, так и в средней школе, социологизация исторического знания обусловили развитие тенденции свертывания «чистой» истории в учебных программах и рассредоточения ее в курсах социальных дисциплин. В соответствии с традицией содержание школьных программ в Великобритании не утверждается министерством просвещения. Изменения в них производятся в результате обсуждений между преподавателями школ, университетов и колледжей, местными властями и различными исследовательскими организациями. В 1983 г. при Исторической ассоциации было создано объединение советников по преподаванию истории в школе. Цель объединения состоит в выработке единых методик преподавания, устранении существующего разнобоя в изучении исторического материала в школе⁴⁸.

В 80-е годы в условиях идеологического наступления консервативной партии на позиции академической исторической науки возросло вмешательство правительства в организацию преподавания британской истории в школе. В 1984 г. на очередном съезде Исторической ассоциации выступил министр по делам образования и науки в консервативном правительстве К. Джозеф, указавший на необходимость кардинального пересмотра преподавания истории в школе в целях воспитания патриотических и гражданских чувств, повышения внимания к национальной истории Британии и ее традиционным ценностям. Эта и другие попытки давления на членов ассоциации вызвали в их рядах противоречивую реакцию и стимулировали развертывание на страницах исторических журналов общественно-политической полемики о содержании и социальной функции истории⁴⁹.

Проблемы методологии истории или ее общественной роли редко выносятся на съезды Исторической ассоциации, хотя на ее семинарах они рассматриваются регулярно. Исключение обычно составляют юбилейные даты. Целый ряд программных докладов прозвучал на съезде в год 50-летия ассоциации (1956). К юбилейному съезду в 1966 г. было приурочено обсуждение методологических проблем («Новые пути в истории»). В 1970 г. комиссия Исторической ассоциации подготовила доклад «Место и назначение истории», развивающий мысль о том, что история — это не только научная дисциплина, но и основа гуманитарных знаний и общественного воспитания. Одобренный на съезде доклад был издан отдельной брошюрой, которая на протяжении 70-х годов неоднократно переиздавалась. К 75-летию ассоциации была приурочена конференция по истории Великобритании эдвардианского периода — времени создания ассоциации.

В 60—80-е годы широко развернулась издательская деятельность Исторической ассоциации. Помимо библиографических материалов, общество издает различные серии научного и научно-методического характера. Так, в Общей серии издаются брошюры объемом до 100 страниц, написанные известными историками и отражающие состояние изучаемых исторических проблем. В настоящее время число выпусков этой серии превысило 100, среди них есть и книги по истории стран Восточной Европы. Серия «Преподавание истории» непосредственно согласована со школьным курсом, серия «В помощь изучающему историю» включает рекомендательную библиографию. Учебно-методические задачи учителей призван решать издаваемый с 1969 г. журнал «Тичинг истории» («Преподавание истории»).

Ведущими периодическими журналами, издаваемыми при участии Исторической ассоциации, являются «Хистори» и «Хистори тудей». Журнал «Хистори» печатает статьи по общим проблемам исторической науки, о профессиональных нуждах историков, историографические обзоры и рецензии (последние занимают свыше половины объема). В нем преобладают статьи по британской истории и историографии.

Научно-популярный иллюстрированный ежемесячный журнал «Хистори тудей» был создан в 1951 г. при прямом содействии Исторической ассоциации, хотя формально он не является органом этой организации. Среди авторов статей, публикуемых журналом, немало известных ученых — членов ассоциации. Журнал помещает статьи по древней, средневековой, новой и новейшей британской истории. Значительное место уделяется в нем сюжетам европейской и американской истории. В 80-е годы в журнале стали периодически появляться серийные тематические подборки статей по актуальным вопросам теории и методологии исторической науки, а также по дискуссионным проблемам всеобщей истории.

В 1984—1986 гг. журнал развернул широкую полемику о структуре и содержании современного исторического знания. В дискуссии принимали участие самые известные историки страны. В ходе обсуждения в журнале были опубликованы статьи под рубриками «Что такое история?», «Что такое экономическая история?», «Что такое социальная история?», «Что такое политическая история?», «Что такое история идей?» и т. п. В 80-е годы в журнале появились новые разделы: «Форум», «Новости мира историков», «Творцы XX века», «Историки и их время» (биографии видных историков прошлого и современности). В последнем разделе, открытом редакцией в 1986 г., опубликованы биографические очерки об У. Кемдене, Фруассаре, Э. Гиббоне, Л. Тейлоре, Ф. Броделе. Журнал часто предоставляет место авторам, которые предлагают новую интерпретацию исторического прошлого той или иной страны. В середине 80-х годов в нем была помещена серия статей британских историков под рубрикой «Пересмотр истории Шотландии», появились подборки статей по темам «Англия в Европе, 1066—1453», «Россия и Европа», «Австралия,

The World of Learning, 1988. P. 1331; The State of History Today: 75 Years of the Historical Association // History Today, 1981. Vol. 31, N 4. P. 5-6.
«What is History? P. 5 — 16.

1788—1988», «Славная революция 1688 года» и ряд других⁵⁰. Журнал систематически публикует историографические обзоры и рецензии на новейшую историческую литературу.

В настоящее время британские историки располагают обширной источниковой базой. Основная масса источников — вещественных, письменных и пр. — сосредоточена в музеях, архивах и библиотеках, выступающих в роли хранителей исторического знания и обеспечивающих потребности исследователей и научных центров в информации.

В послевоенный период в Великобритании значительно выросло число местных архивов. В 50—60-е годы сложилась система передачи на хранение в архивы графств и городов документов местной администрации, судебных органов, промышленных организаций; было упрядочено хранение государственных документов локального происхождения. Фонды местных архивов пополнялись архивными документами тех городских учреждений, которые не имели собственных хранилищ, а также материалами частных и фамильных собраний. Укрепились их связи с местными историческими обществами и отдельными историками-исследователями. Местные архивы начали систематически выступать в роли публикаторов документов. В 50—70-е годы усилиями местных архивистов и членов исторических обществ были составлены ценные путеводители по архивам, описаны различные виды источников по локальной истории, хранящихся в архивах графств и городов (путеводители Л. Редстоуна, Р. Пью, У.Хоскинса, Дж. Уэста, Ф. Эммисона, У. Стефенса и многие другие).

Важное значение для введения в научный оборот новых источников имеет издательская деятельность Постоянной комиссии локальной истории. Начиная с 60-х годов она организует периодический выпуск справочной и информационной литературы по фондам местных архивов. Сходные функции выявления новых источников взял на себя журнал «Эмэте хисториан» («Историк-любитель»), который в 60-е годы получил новое название — «Локал хисториан» («Местный историк»). Широкая публикаторская и информационная деятельность архивов графств и городов, осуществляемая при организационной и финансовой поддержке муниципальных властей, активизировала научную разработку проблематики социальной истории и исторической демографии в британской историографии 60—80-х годов. Однако практическая работа архивов графств и крупных городов остается слабо согласованной с деятельностью центральных архивных учреждений⁵¹.

В настоящее время основная масса архивных документов сосредоточена в Государственном архиве Великобритании (законо-

дательные и правительственные документы ведомств, личные архивы государственных и политических деятелей). До середины 50-х годов документы поступали в Государственный архив зачастую в неудовлетворительном состоянии, их описи составлялись небрежно. По закону 1958 г. был установлен единый (для Англии и Уэльса) порядок отбора и хранения архивных документов. В 60—70-е годы значительно расширилась издательская деятельность Государственного архива. Архив осуществляет три основных типа изданий: сборники документальных материалов и календари; описи и указатели; справочники и путеводители. Серия «Описи и указатели», содержащая описи наиболее используемых классов документов, выходила в свет с 1890 по 1936 г. В начале 60-х годов она была возобновлена сотрудниками Государственного архива. В 1965 г. при архиве образовалось специальное Общество по описям и указателям. Его участники разработали долгосрочную программу опубликования ранее не издававшихся описей и указателей исторических документов. С 1954 г. началось издание серии справочников по отдельным комплексам архивных документов. В 70—80-е годы в Государственном архиве была создана система информационного поиска с применением ЭВМ, позволившая значительно улучшить обслуживание потребителей исторической информации⁵².

Большую ценность для историков представляют документальные материалы, отложившиеся в других крупных архивохранилищах страны, в том числе документы британского парламента, хранящиеся в Архиве палаты лордов. Как самостоятельное учреждение он был основан в 1946 г. Архив содержит материалы XV—XX вв., относящиеся к деятельности обеих палат парламента. Вне Государственного архива хранятся также документы бывшего Управления по делам Индии. Они образуют особый архив, где собраны источники по истории британского колониального управления в Южной и Юго-Восточной Азии. В послевоенный период заметно пополнились фонды Шотландского архива. В соответствии с архивным законодательством 1937 г. и 1948 г. в Шотландию была передана часть исторических документов эпохи средневековья, хранившихся в Государственном архиве. В 1948 г. была учреждена должность главного хранителя шотландских архивных документов. В 1962 г. в Шотландии был принят аналогичный английскому закону 1958 г. закон о передаче и хранении документов в архивах. В результате в Шотландский архив стали регулярно поступать материалы из государственных учреждений и национализированных отраслей региона, усилился приток архивных материалов из различных графств Шотландии⁵³.

⁵² Болдырева Н. Архивохранилища Великобритании // Проблемы британской истории, 1980. М., 1980. С. 282-290; Iredale D. Enjoying Archives. Newton Abbot, 1973. P. 125-136.

⁵³ Imrie J. Modern Scottish Record Office // Scottish Historical Review. 1979. Vol. 53, N 2. P. 194-210.

⁵⁰ History Today. 1984. Vol. 34, N 5; 1985. Vol. 35, N 2-10; 1986. Vol. 36, N 1-11; 1987. Vol. 37, N 3-10; 1988. Vol. 38, N 1-9.

⁵¹ Macfarlane A. A Guide to English Historical Records (1200—1800). Cambridge, 1983. P. 10-14.

Все эти архивы, так же как Государственный архив Северной Ирландии, Национальный киноархив, Центр военных архивов в Лондоне и ряд других ведущих архивных учреждений страны, поддерживают постоянные контакты с Государственным архивом Великобритании. Тем не менее проблема централизации архивного дела остается достаточно острой. В настоящее время вопросы обнаружения распыленных архивных документов и научного использования материалов, хранящихся в различных архивах и частных коллекциях, решаются с помощью Королевской комиссии по историческим рукописям. В современных условиях она превратилась в государственную организацию, в сферу деятельности которой входит выявление всех архивных материалов, кроме документов государственных учреждений. Ее сотрудники собирают необходимые сведения, оказывают помощь в хранении источников и размещении их по архивам. Комиссия дает консультации историкам о составе и содержании документов, хранящихся в различных архивах и частных собраниях.

В 1945 г. при Государственном архиве на базе Комиссии по историческим рукописям был создан центр, получивший название Национального каталога архивов. Аналогичное учреждение образовалось при Шотландском архиве. Национальный каталог архивов занимается сбором и обобщением информации о ранее неизвестных документах, хранящихся в частных коллекциях и местных архивах. Отчеты сотрудников этого центра публикуются в специальном бюллетене. Там же периодически появляются сообщения о выявленных документах и описания отдельных коллекций. Национальный каталог архивов издает также ежегодный «Список новых поступлений в архивохранилища». Сотрудникам центра оказывают помощь историки профессионалы и любители из Британской архивной ассоциации, насчитывающей более тысячи членов. Ее журнал «Акайвз» («Архивы»), выходящий дважды в год, помещает на своих страницах обзоры документов местных архивов и рукописных фондов библиотек, информирует читателей о составе и содержании новых архивных материалов. Полезное содействие Национальному каталогу архивов оказывает Общество архивистов, созданное в Лондоне в 1947 г., и его журнал, а также крупнейшие публикаторские общества Шотландии — Шотландское историческое общество и Шотландское общество текстов. Публикаторская и справочно-информационная работа архивных учреждений и публикаторских обществ позволила существенно обогатить источниковую базу британских исторических исследований, вышедших в свет в 70—80-е годы⁵⁴.

Качественные перемены произошли в послевоенный период в библиотечной и информационной службах Великобритании. Это было связано с увеличением каналов информации и потока научной продукции, с необходимостью ее оперативной фиксации,

Болдырева Н. Указ. соч. С. 258—287; *Iredale D.* Op. cit. P. 171—175; *Foster J., Sheppard J.* British Archives. L., 1983.

систематизации, переработки и распространения. Одновременно с возрастанием объема первичной научной информации (монографий, сборников трудов, статей в общенаучных и специализированных журналах и пр.) повысилась значимость вторичной научной информации (реферативных, обзорных, информационных изданий) и возникла необходимость ее институциализации (создание научно-информационных центров, бюро, институтов, подготовка кадров в области информатики). Огромное влияние на развитие библиотечного дела и информатики оказывают автоматизация и компьютеризация этих служб в современных условиях.

В 50—70-е годы библиотеки Великобритании стали хранилищами не только печатных и рукописных материалов, но и других носителей информации (микрофильмы, пластинки, магнитные и видеоманитные пленки и пр.). Использование машинной технологии и ЭВМ при обработке, хранении и организации информационного поиска изменило систему обслуживания читателей в ведущих библиотеках страны. С помощью новых технических средств осуществляются составление библиографических указателей, выдача библиографических и прочих справок, обработка литературы, организация работы на абонементе, контроль за возвратом литературы по межбиблиотечному абонементу. Все это обусловило перестройку библиотечной системы в стране, в частности стимулировало ее централизацию и создание автоматизированной информационной системы. В середине 60-х годов для организации исследовательской работы в этой области возникло Управление научно-технической информации. Дальнейший процесс централизации управления научной информацией и необходимость сближения библиотек и информационных служб привели к тому, что в 1968 г. на основе объединения Управления научно-технической информации и Отдела библиотек при министерстве просвещения и науки было образовано единое Управление библиотек и информационных систем. Значительное место в его деятельности отводится организации информации в области гуманитарных наук.

Общественная потребность в создании национально-информационных систем на основе документационной, библиотечной и архивной служб обусловила создание Британской национальной библиографии. До начала 50-х годов вся текущая информация о новых печатных изданиях в Великобритании носила коммерческий (книготорговый) характер, полной национальной библиографии, которая регистрировала бы всю печатную продукцию страны, не было.

В 1949 г. был образован Совет Британской национальной библиографии, изучавший состояние службы библиографической информации и каталогизации. В совет вошли представители «Аслиб» и Национальной книжной лиги. В итоге возник единый координационный центр страны по библиотечной информации. Он разместился в библиотеке Британского музея и получил название «Британская национальная библиография». Этот центр стал систематически регистрировать всю печатную продукцию, поступающую

в главную библиотеку страны. Выпуски Британской национальной библиографии начали выходить с 1950 г. В 1966 г. в стране было принято решение об автоматизации служб Британской национальной библиографии. С 1971 г. для составления ее указателей используется электронно-вычислительная техника, позволяющая оперативно обобщать поступающую библиографическую информацию в еженедельные выпуски⁵⁷.

В 1972—1973 гг. из состава Британского музея выделилась Британская библиотека и вобрала в себя фонды трех других крупнейших библиотек — Национальной центральной библиотеки в Лондоне, Национальной справочной библиотеки по естественным наукам, Национальной научно-технической библиотеки. В настоящее время Британская библиотека содержит в своих фондах более 9,5 млн печатных книг, около 75 тыс. рукописей из стран Запада и 30 тыс. восточных рукописей. Библиотека является богатейшим собранием средневековых хартий и свитков (около 100 тыс. единиц хранения), письменных памятников античности (3 тыс. единиц) и Древнего Египта. Помимо выпусков Британской национальной библиографии, она осуществляет ежегодное издание, в котором регистрируются результаты исследовательской работы по отдельным отраслям научного знания, — «Исследования в британских университетах, политехнических институтах, колледжах, правительственных и других учреждениях». Согласно принятой в Великобритании классификации наук (физические, биологические, социальные), в третьем томе каждого ежегодного выпуска регистрируется состояние исследований в области социальной истории, политологии, международных отношений, права, социологии и пр. Таким образом, Британская библиотека не только выполняет функции крупнейшего хранителя общественного знания и обеспечивает информационные потребности своих читателей, но и играет роль административного и методического центра библиографической и информационной системы страны -Ч

Совершенствование архивной, библиотечной и в целом научно-информационной служб выдвинуло проблему качественного улучшения подготовки кадров, обеспечивающих функционирование системы. В настоящее время наряду с традиционными специальностями архивистов и библиотекарей формируется новая профессиональная специализация в области информационных систем. В 18 библиотечных школах страны студенты проходят курс практического обучения на ЭВМ, получают навыки пользования нетрадиционными средствами информации. Наиболее подготовленные кадры для работы в национальных государственных архивах и библиотеках готовят Школа библиотечного и архивного дела при

⁵⁵ Aslib Directory of Information, Sources / Ed. M. Gollin. L., 1980. Vol. 2: Information Sources in the Social Sciences, 1980; Davies R. Documents, Information or Knowledge Choices for Librarians // Journal of Librarianship. L., 1983. Vol. 15, N 1. P. 47-65.

⁵⁶ The British Library. L., 1984; Библиотековедение и библиография за рубежом. М., 1979. Вып. 71. С. 27-29; М., 1986. Вып. 106. С. 53-57.

Университетском колледже Лоид . . . нот университета, библиотечный колледж в Уэльсе, библиотечный факультет Манчестерского политехнического института и ряд других. В 70—80-е годы возникла также проблема специального образования потребителей информации по различным отраслям научного знания. Большинство действующих программ обучения потребителей социально-гуманитарного знания организовано при «городских» и новых университетах страны и рассчитано на людей, имеющих высшее образование. На исторических отделениях и факультетах ведущих британских университетов введены в учебные планы общие курсы по информатике. Историки получают, таким образом, более полное представление об архивных, библиотечных и музейных источниках ресурсов, организации служб и каналов научной информации и учатся их оптимально использовать.

Глава 2

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

Мировоззренческие и методологические межидисциплинарные границы всегда разделяли британскую историческую науку. Не составляет в этом смысле исключения и современный период. Вместе с тем его специфика заключается в том, что дискуссии выразителей традиционных, по преимуществу позитивистско-описательных, методов исторического исследования и историков, требующих брать на вооружение междисциплинарную методологию (т. е. методы социологии, политологии, психологии, антропологии), как бы оттеснили на второй план, заслонили собственно мировоззренческие размежевания. Более того, защитники междисциплинарной методологии, заявившие о создании «новой», или «научной», историографии, претендуют на полное освобождение исторической науки от идеологических «предрасудков» и заявляют, что отныне решающее значение приобрело разделение историков на выразителей, с одной стороны, новых и с другой — традиционных методов исследования.

Подобная оценка при ближайшем рассмотрении современного состояния британской исторической науки обнаруживает, однако, уязвимость. Оформление новых историографических школ в Великобритании, так же как, впрочем, и в США, Франции, других западных странах, не отменило, а только видоизменило мировоззренческие разделения среди историков. Они пролегли внутри новых школ так же, как прежде пролегли внутри традиционных школ. Иначе и быть не могло, ибо представители новых историографических школ заимствовали междисциплинарную методоло-

⁵⁷ Библиотековедение и библиография за рубежом. М., 1985. Вып. 104. С. 60—70; М., 1985. Вып. 105. С. 68—69; Edmonds D. Current Library Cooperation and Coordination. L., 1986.

гну не из нейтральных, деидеологизированных общественных наук, а из социологии, политологии, антропологии, психологии, которые сами разделены на разные школы и направления. Замещение историками методов и приемов определенной общественно-научной школы влекло за собой и принятие характерной для нее мировоззренческой позиции. Взять, например, освоение господствующих в западной социологии и политологии структурно-функционального анализа общественных взаимосвязей и стратификационного анализа социального состава общества. Отметим, что эти методы используются разными научными школами, в том числе и марксистской, но в западном общественно-научном структурно-функциональном анализе, как правило, гипертрофирует преемственность и преуменьшает изменчивость в развитии общества, а стратификационный анализ отрицает значение классовых размежеваний и антагонизмов. Восприятие этих методов новыми школами британской историографии способствовало развитию в ней либерального и консервативного мышления.

Все вышесказанное отнюдь не отрицает закономерного и в ряде отношений плодотворного воздействия на историографию современных общественных наук, но свидетельствует, что усвоение их методов отнюдь не лишает историографию мировоззренческого лица. Мировоззренческая привязанность той или иной исторической школы, того или иного историка проступает в неодинаковой мере — степень и характер ее проявления зависят от избранной проблематики, исследуемого периода и других факторов. Например, в изучении средневековой и античной истории методологические различия между историками проявляются, как правило, в большей, а идеологические — в меньшей степени, нежели при изучении новой и новейшей истории. Не случайно в историографии средних веков разделение на направления и школы чаще совпадает с методологическими размежеваниями между ними, а в историографии новой и новейшей истории — с идеологическими разделениями. Последние проявляются также полнее среди специалистов по политической истории и в меньшей степени среди историков-экономистов. Идеологическое лицо историков, специализирующихся на изучении узких вопросов и тем более исследующих их в узких хронологических рамках (а узких специалистов в исторической профессии большинство!), подчас вообще невозможно определить, зато идеологические позиции авторов крупных обобщающих исследований, как правило, проступают достаточно полно.

Конечно, если бы мы пытались дать точную, а тем более исчерпывающую дефиницию идеологической принадлежности каждого британского историка, то задались бы практически невыполнимой, да и неблагоприятной задачей. Мировоззренческие размежевания в британской, как и в любой другой, историографии целесообразно, на наш взгляд, выражать в качестве обобщающих тенденций, памятуя о том, что ее разделение на консерваторов, либералов и демократов не тождественно политическим размежеваниям. Ес-

ли бы такое тождество существовало, тогда к историографии вообще было бы неприменимо понятие *h'ni/ua*, она утратила бы складывавшуюся веками профессиональную сущность и специфику, превратилась бы в историко-политическую публицистику.

Необходимо отметить, что наличие мировоззренческих размежеваний в британской историографии традиционно признавалось и представителями последней. Например, термины *тори* при обозначении консервативного и *виги* — либерального историографических направлений широко использовались и используются в Великобритании. Вместе с тем в современной британской историографии усиливается тенденция обозначать историографические размежевания при помощи идеологически нейтральных терминов. Например, историков, подвергающих сомнению традиционные исторические концепции, независимо от того, рассматривают ли они их с консервативных, либеральных или леворадикальных позиций, называют на одинаковый манер *ревизионистами*. Очень часто при обозначении принципиальных размежеваний среди историков по основополагающим проблемам — последствия промышленного переворота, результаты социальной политики британского государства в XX в., процесс формирования классового самосознания пролетариата, итоги крупнейших, в том числе и Английской XVII века, социальных революций и т. д. — используются термины *оптимисты* и *пессимисты*: первые являются сторонниками позитивных, а вторые — негативных оценок названных явлений. Но действительно ли оптимисты и пессимисты расходятся исключительно в конкретных исследовательских выводах и действительно ли эти выводы не имеют связи с их мировоззренческой позицией? Рассмотрим этот вопрос на примере современной британской историографии промышленного переворота, или промышленной революции, конца XVIII—первой половины XIX в.

Анализ исследований историков, которых зачисляют в лагерь оптимистов, обнаруживает, что их теоретико-методологической основой являются современные буржуазные социологические концепции стадий экономического роста, индустриального, постиндустриального общества, которые создали весьма радужную ретроспективу при изучении промышленной революции. Опыт Великобритании выступал как образец демократизации общества в результате промышленной революции и как пример для молодых развивающихся стран. По заключению Р. М. Хартвелла, «в современном мире, где две трети человечества пребывают в состоянии отчаянной нищеты и испытывают огромные затруднения в улучшении своего положения, английская промышленная революция предстает скорее в качестве поразительного и успешного примера роста, нежели катастрофы»².

¹ *h'Unn M.* The Origins of the industrial Revolution. L., 1966; *Mathias P.* The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700- 1714. L., 1960; *Hartwell R. M.* The Industrial Revolution and Economic Growth. L., 1971.

² *Hartwell B. M.* Op. cit. P. 58.

Пессимисты, современники оптимистов, приняв ряд конкретных исследовательских выводов последних относительно экономических результатов промышленного переворота, одновременно тщательнейшим образом исследовали его многочисленные негативные последствия. Они доказали, что рост среднего уровня заработной платы рабочих сопровождался одновременно ее дифференциацией, означавшей улучшение жизненных условий верхних слоев пролетариата, рабочей аристократии, и ухудшение положения более многочисленных слоев низкооплачиваемых рабочих. «Оборотными сторонами» промышленного переворота были вовлечение в промышленное производство в невиданных прежде масштабах и нещадная эксплуатация женщин и детей, рост интенсификации труда всего пролетариата, а также безработица, производственный травматизм, другие пороки, которые и служили почвой для восприятия рабочими процесса утверждения промышленного капитализма как катастрофы.

Пессимисты в значительной мере развивали выводы представителей социально-критической историографии второй половины XIX — первой половины XX в., но опирались при этом, как и их оппоненты — оптимисты, на современные количественные методы исследования и междисциплинарную методологию. Они привлекли для характеристики последствий промышленного переворота новые критерии, оформившиеся в социально-критических оценках капиталистической цивилизации во второй половине XX в. Например, экологический критерий позволил раскрыть разрушительные последствия промышленного переворота для окружающей среды. А такой критерий, как качество жизни, в применении к положению рабочих раскрыл негативное воздействие промышленного переворота на рабочие семьи, психологическое состояние пролетариата, трудовую этику, мораль, его быт, досуг, другие факторы, не поддающиеся учету самых совершенных количественных подсчетов.

Если оптимисты могут быть, на наш взгляд, зачислены в апологетическое направление британской историографии, его либеральное или консервативное крыло, то пессимисты должны быть отнесены к его социально-критическому направлению, которое включает в себя сегодня отряд марксистских, леворадикальных, леволейбористских и леволлиберальных историков. Конечно, термины *оптимисты* и *пессимисты* могут использоваться для обозначения размежеваний в британской историографии, но они обретут научный смысл только в том случае, если будут сопровождены теоретико-мировоззренческими характеристиками.

Анализ мировоззренческих позиций современной британской историографии позволяет выделить в ней три широких направления — консервативное, либеральное и радикально-демократическое. Рассмотрение их целесообразно, на наш взгляд, начать с радикально-демократической историографии, в первую очередь ее марксистского ядра. Такой выбор определяется тем реальным положением и влиянием, которого британские историки-марксисты добились в своей стране в последние три десятилетия. Необходи-

мо подчеркнуть, что огромное влияние марксистской историографии и ее научных союзников на историческую науку Великобритании в целом отмечают сегодня ученые всех направлений. В Великобритании общепризнано, что именно марксистские историки сыграли решающую роль в выдвигании и освоении многих новаторских приемов британской исторической науки в целом, и прежде всего в оформлении школы новой социальной истории и ее ответвления — новой рабочей истории, в изучении исторического процесса «снизу» и воздействия на него человеческого фактора, в освоении междисциплинарной методологии и ее активном использовании по преимуществу для изучения истории народных масс. Британская марксистская историография сегодня является одной из самых авторитетных национальных школ марксистской историографии, а ее опыт свидетельствует, каких успехов могут добиться в высокоразвитой капиталистической стране историки-марксисты, творчески использующие возможности исторического материализма.

Марксистская историография Великобритании представляет собой самостоятельную школу и может рассматриваться в качестве таковой, но все же для ее полнокровной оценки и верного определения ее места в британском историографическом спектре она должна быть рассмотрена в тесном и неразрывном единстве с другими левыми историографическими течениями, как часть широкого демократического направления. На наш взгляд, особенностью и заслугой британской марксистской школы является то, что она на протяжении вот уже более 30 лет целеустремленно и успешно собирает вокруг себя своеобразный «народный фронт» прогрессивных историков. Э. Хобсбоум, один из авторов идеи «народного фронта» демократической историографии, отмечал, что его стратегия была сформулирована историками-марксистами еще в первой половине 1950-х годов следующим образом: «Мы считали, что марксистская историография. . . должна являться ядром широкой прогрессивной историографии, включающей в себя самые разные радикальные и лейбористские направления и традиции британской историографии»³. Опыт цементирования авторитетными марксистскими историками Э. Хобсбоумом, К. Хиллом, Дж. Рюде, Р. Хилтоном вокруг себя широкого прогрессивно-демократического направления на основе творческого научного диалога и организационного сотрудничества с критически мыслящими немарксистскими авторами во многом уникален и заслуживает пристального внимания.

Ячейкой формирования современного демократического направления стал журнал «Паст энд презент», созданный в 1952 г. по инициативе специалиста по древней истории коммуниста Джона Морриса. В редакционную коллегию журнала наряду с историками-марксистами Моррисом, Г. Чайлдом, М. Доббом,

3 An Interview with Eric Hobsbawm // Radical History Review. 1978-1979. Winter. N 19. P. 116.

К. Хиллом, Р. Хилтоном, Э. Хобсбоумом вошли и историки-не-марксисты А. Джоунс и Р. Беттс. Идеино-теоретическая платформа журнала, разработанная Хобсбоумом, Моррисом и одним из крупнейших либеральных историков Великобритании — Дж. Барраклоу, включала принципы, способные объединить широкие круги марксистских и немарксистских историков, была весьма широкой и с самого начала предполагала известные разногласия («различающиеся мировоззрения») в рамках научного рационализма и признания закономерностей исторического развития. Для того периода, когда в самом разгаре была «холодная война», а марксистское обществоведение, как вспоминали в 1983 г. отцы-основатели журнала К. Хилл, Р. Хилтон и Э. Хобсбоум, ориентировалось на «ведение борьбы идей» со всеми немарксистскими течениями⁴, это была необычайно смелая инициатива. Как выяснилось уже очень скоро, она полностью оправдала себя; журнал стал не только признанным лидером демократической британской историографии, но и трибуной передовой исторической мысли развитых капиталистических стран в целом.

При всей широте платформы журнал решительно противопоставлял себя консервативному и праволиберальному историографическим направлениям и осуждал характерные для них позитивистский плюрализм, агностицизм, субъективизм, иррационализм, эмпиризм и презентизм. Позитивная же программа печатного органа включала следующие основные положения.

Во-первых, журнал декларировал наличие каузальности и закономерности в историческом развитии, причем признавалось, что «каждая форма человеческого общества, а следовательно, каждая индивидуальная историческая фаза, имеет особые законы исторического развития»⁵. Таким образом, не отрицая общесоциологических законов, журнал особенно подчеркивал значение в историческом познании конкретно-исторических закономерностей, которые служили надежным средством против как архаизации, так и модернизации истории. Такой подход к пониманию исторической закономерности, ярким поборником которого зарекомендовал себя Э. Хобсбоум, отличался творческим характером и представлял новое слово в исторической науке.

Во-вторых, журнал заявлял о несводимости исторических законов к физическим, биологическим, психологическим и о несостоятельности попыток рассматривать развитие общества как результат воздействия «внеобщественных факторов» — климата, географической среды и т. д. Авторы платформы исходили из того, что «люди являются активными и сознательными творцами истории», а следовательно, без их участия не могла проявиться ни одна историческая закономерность. Изучение воздействия людей на историческое развитие, или субъективно-деятельностного аспекта

истории, объявлялось первостепенной задачей исторической науки.

В-третьих, журнал выражал диалектическое¹ отношение к начавшемуся вторжению в историографию методов социологии, антропологии, политологии, психологии. Не отрицая «безусловно стимулирующего воздействия» на историографию этих методов, журнал предупреждал против механистического заимствования их исторической наукой. Характерный для данных наук структурно-функциональный подход, как отмечалось в журнале, находился в противоречии со специфической и основополагающей задачей исторической науки, которая заключается в исследовании исторических изменений, их причин и факторов того, как совершаются переходы общества из одного состояния в другое.

Отметим, что высказанное журналом отношение к взаимодействию с общественными науками было неверно истолковано рядом поборников «новой» историографии, заявивших, что он проявил себя оппонентом междисциплинарной методологии. В действительности журнал на протяжении всего существования зарекомендовал себя ярким сторонником освоения историографией междисциплинарной методологии, но при этом он неизменно отстаивал наличие у истории специфических научных задач, а следовательно, собственных исследовательских методов, которые могли дополняться, а не заменяться методами общественных наук.

В-четвертых, журнал выказал приверженность историческому синтезу, осудил мелкотемье, одобрил концепцию изучения тотальной истории. Он не случайно выказал симпатии в отношении создателей знаменитой французской школы Анналов и одноименного журнала М. Блока и Л. Февра. Нужно сказать, что и сам «Паст энд презент» вскоре стали рассматривать как британский alter ego «Анналов».

Платформа «Паст энд презент», сформулированная без малого 40 лет назад, и сегодня звучит весьма актуально, не противоречит, а соответствует прогрессивным тенденциям исторической науки. Обращает на себя внимание, что ее принципы, вполне согласующиеся с положениями исторического материализма, изложены с помощью нейтрального языка, без использования марксистской философско-социологической терминологии. Это было еще одной демонстрацией желания и способности его учредителей, марксистских историков, к ведению диалога и сотрудничеству с немарксистскими авторами.

Каковы же результаты этого диалога, какими они предстают сегодня? Отметим главные среди них. Журнал с самого начала стал трибуной передовой исторической мысли, его учредители имели основание утверждать впоследствии, что в журнале появлялось «лишь незначительное количество слабых или банальных статей»*. Журнал исповедовал принцип тотальной истории, т. е. комплексного всестороннего, а не сегментного рассмотрения исторических эпох, обществ, явлений, как и принцип всемирности

¹ Past and Present: Origins and Early Years// Past and Present. 1983 N 100. Aug. P. 1.

⁵ Past and Present. 1952. N 1. Febr. P. 1.

* Past and Present. 1983. N 100. Aug. P. 11.

истории, вбирающей в себя не только «передовые», по преимуществу европейские, цивилизации, но также и «периферийные», по меркам традиционной историографии, исторические общества. На протяжении всего своего существования журнал отводил приоритетное место статьям, вокруг которых тут же вспыхивали острые и широкие дискуссии.

Среди таких дискуссий необходимо назвать дебаты о взаимоотношении истории и общественных наук, судьбах исторического нарратива и структурной истории, обсуждение проблем классовой структуры и экономического развития докапиталистической Европы, концепции кризиса феодализма в XIV—XV вв., центральных вопросов перехода от феодализма к капитализму, мировоззрения народных низов и форм социального протеста в эпоху перехода к капитализму, около десяти дискуссий по различным проблемам истории Английской революции XVII века, обсуждение взаимоотношений и взаимодействия народной, пролетарской и буржуазной культур в эпоху утверждения промышленного капитализма. Участниками дискуссий были крупнейшие историки разных стран — как марксисты, так и немарксисты, среди них, кроме уже упоминавшихся, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гофф, Ю. Дженовезе, Л. Стоун, Х. Тревор-Роупер, К. Томас, Э. П. Томпсон, А. Собуль и многие другие авторы с мировым именем. Дискуссии с представителями других историографических направлений, как, впрочем, и между собой, помогли марксистским историкам преодолеть многие стереотипы, обогатить свои концепции, вывести марксистскую историографию на передовые научные позиции.

«Паст энд презент» неизменно проявлял особый интерес к социальной истории, которой отдавалось предпочтение по сравнению с экономической и политической историей. По мнению его руководителей, это само по себе не означало пренебрежительного отношения к экономической и политической истории, поскольку, как отмечал Э. Хобсбоум, экономическая и политическая история интересует историков в плане воздействия на нее социальных общностей, т. е. с точки зрения социальной истории. Социальная история исследовалась в «Паст энд презент» в самых разнообразных аспектах, но все же центральное место отводилось чаяниям, устремлениям, психологии, обыденному и идеологическому сознанию, социальному протесту и повседневной жизни самых различных слоев той главной для марксистской историографии социальной общности, которая именуется народными массами. Именно на этом объекте отрабатывался воспринятый затем как марксистской, так и немарксистской историографией метод изучения истории «снизу». И именно в этой центральной сфере социальной истории авторы «Паст энд презент» успешно применяли междисциплинарную методологию, в первую очередь методы социальной антропологии и психологии.

В целом деятельность «Паст энд презент» способствовала росту научного уровня марксистской историографии, единению усилий передовых историков, борьбе с кризисными явлениями в британ-

ской исторической науке в целом. Необходимо отметить, что с течением времени журнал стал утрачивать прежнюю цельность и оригинальность, стал уступать ведущую позицию в освоении новых исследовательских подходов и проблем другим научным органам, оброс респектабельностью. Но его позитивная роль в формировании влиятельного демократического направления в британской историографии не должна быть из-за этого преуменьшена.

Прогрессивные историки, в том числе марксисты, предпринимали на современном этапе и другие научно-организационные усилия для укрепления позиций представляемого ими направления. Так, в 1960 г. на широкой основе и по инициативе британских историков-марксистов было создано общенациональное Общество по изучению истории рабочего класса. В его исполнительный комитет вошли как историки-марксисты, так и крупные либеральные ученые, в частности А. Бриггс и Г. Пеллинг. Общество приступило к изданию научного бюллетеня (выходит два раза в год), который без преувеличения стал в Великобритании ведущим периодическим изданием по истории рабочего класса.

Являвшийся в течение многих лет председателем Общества по изучению истории рабочего класса Э. Хобсбоум последовательно критиковал чрезмерную сосредоточенность британских исследователей на истории организаций и институтов рабочего движения, ярко выраженный перекося в сторону тред-юнионистской истории, сложившийся в исторической науке Великобритании, последовательно отстаивал необходимость всестороннего изучения истории рабочего класса в целом всех компонентов жизни пролетариата — труда, досуга, культуры, психологии, внутриклассовых отношений, экономической, социальной, политической ориентации и т. д. На ежегодных конференциях общества ставились и обсуждались самые острые проблемы, бывшие предметом ожесточенных споров различных историографических направлений, или еще только начинавшие осваиваться подходы к истории рабочего класса. Так, были проведены дискуссии о рабочей аристократии, чартизме, об истории рабочей семьи, формах досуга пролетариата и др. Наиболее активными участниками дискуссий выступали представители демократического направления, которые, будучи поддержаны Обществом по изучению истории рабочего класса, впоследствии создали крупные монографические исследования.

На волне демократических тенденций в британской историографии в Раскин-колледже, профсоюзном учебном заведении Оксфорда, в 1967 г. возникла «Историческая мастерская». Само создание этой организации было выражением стремления историков выйти за узкие академические рамки и наладить постоянную и более тесную связь с рабочим движением, привить навыки исторического анализа его рядовым участникам, дать им, но выражению создателя и руководителя «Исторической мастерской» Р. Сэмюэля, «историческое понимание настоящего»⁷.

⁷ Samuel R. History Workshop, 1966—80 // People's History and Socialist Theory. L., 1981. P. 416.

13 1975 г. «Историческая мастерская» основала свой журнал «Хистори уоркшоп джорнэл» с подзаголовком «Журнал историков-социалистов», открыто прокламируя его общественно-политическую направленность. В программной редакционной статье подчеркивалось: «Мы верим, что история является источником вдохновения и понимания, предоставляя не только средства для интерпретации прошлого, но и наилучший критический обзор настоящего»». Создание журнала было с одобрением встречено в коммунистической и лейбористской печати. Особые отношения связывают «Историческую мастерскую» с женским движением со времени первой Национальной женской конференции, проведенной в Раскин-колледже в 1969 г. В 1973 г. собрание «Исторической мастерской» было специально посвящено проблеме «Женщины в истории». В редколлегии журнала с момента его возникновения вошли историки-феминисты, а с 1982 г. его подзаголовок стал звучать так: «Журнал историков-социалистов и феминистов».

Современный этап ознаменовался появлением и других журналов демократической ориентации. Наибольший интерес среди них представляет издающийся с 1976 г. журнал «Социальная история», который как бы принял от «Паст энд презент» эстафету новаторского подхода к изучению прошлого, последовательно развивая его применительно к самым разнообразным аспектам социальной истории, преимущественно к жизни трудящихся масс. В целом демократическое направление на современном этапе добилось серьезного успеха как в распространении «вширь», так и в обновлении и повышении уровня своего теоретического арсенала. А его признанными лидерами на протяжении вот уже нескольких десятилетий остаются марксистские историки, в первую очередь Дж. Рюде, Э. Хобсбоум, Э. П. Томпсон, К. Хилл, Р. Хилтон, которые добились всемирного признания и которым уже посвящены специальные научные монографии¹¹.

Ключом к пониманию своеобразия теоретико-методологического подхода и научного кредо современных британских историков-марксистов может служить их длительная дискуссия с теоретиками структурализма, прежде всего его альтюссеррианского варианта, нашедшего поклонников среди британских новых левых (центральное место в этой полемике занимают многолетние ожесточенные дебаты между Э. П. Томпсоном и руководителями журнала «Нью лефт Ревью»).

Леворадикальные последователи французского философа Альтюссера, настаивая на относительной автономии идеологии и политики, их несводимости к экономике, призывают в то же время к изолированному анализу различных социальных, идеологических и политических структур общества, имеющих в их трактовке

собственную характеристику, темпы и закономерности развития и познаваемых только посредством «теоретической практики», критерии достоверности которой остаются в пределах чистой логики. Способу производства — где-то на периферии анализа — отводится роль конечной детерминанты общественной формации, без объяснения механизма ее осуществления. Странники альтюссеррианского, или структурального, марксизма подчеркивают приоритет теории над историей, а самые крайние из его британских последователей вовсе вышли за пределы материалистического понимания истории и не считают ее «объектом, достойным изучения»¹⁰.

Современные британские историки-марксисты и близкие к марксизму ученые, решительно выступив против «левого структурализма», исходят из диалектического единства объективного и субъективного в истории, настаивают не только на своеобразии исторических фаз общественного развития, но и на необходимости рассмотрения исторического процесса как результата деятельности людей, требующей материалистического объяснения. Они ориентируются на «деятельностный» аспект методологии исторического материализма, который выступает в качестве необходимого переходного звена между самым абстрактным его уровнем — уровнем формаций, общих законов истории — и конкретно-историческим познанием

Наиболее яркое выражение этот подход нашел во многих работах по истории рабочего класса и крестьянства, народных движений и их идеологии, написанных Дж. Рюде, Э. Хобсбоумом, К. Хиллом, Р. Хилтоном и др. А. Л. Мортон писал об этом методе еще в 1962 г.: он «успешно продвигает нас от общего утверждения о том, что люди являются созидательной силой истории, к точному и детальному представлению о том, кто были эти „люди“ на каждом этапе и что они в действительности делали и думали. . . Его можно, очевидно, применить ко многим периодам и ситуациям, и он, по всей вероятности, даст в высшей степени плодотворные результаты. Этот метод находится в полном соответствии с марксистским мировоззрением и может быть результативным только в руках марксиста»¹².

Плодотворные результаты новаторского подхода к раскрытию субъективно-деятельностного аспекта исторического процесса могут быть показаны фактически на примере любого из крупных представителей современной марксистской историографии Великобритании. Охарактеризуем их на примере Дж. Рюде, который, по словам видного советского историка М. А. Варга, «стал перво-

<" *Cultar A., Hindess B., Hirst P., Hussain A. Marx's Capital and Capitalism Today. L., 1977. Vol. 1. P. 236; Hirst P., Hindess B. Pre-capitalist Modes of Production. L., 1975. P. 261, 312, 321; Tribe K. The Genealogies of Capitalism. L., 1981.*

¹¹ О «деятельностном» аспекте историко-материалистической методологии см.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 60-62, 118-122, 284-285.*

|- *Morton A. L. The People in History // Marxism Today. 1962. Vol. 6. N 6. P. 182.*

< History Workshop Journal. 1975. N 1. P. 1.

> См., например: *Kaye H. I. The British Marxist Historians. Cambridge, 1984.*

открывателем не только многих народных движений во Франции и в Англии, до этого неизвестных либо малоизвестных, но — что не менее важно — первым исследователем социально-психологических и идеологических аспектов этих движений»¹³.

В своих многочисленных работах¹⁴ Рюде принципиально вскрыл стереотипы в изучении народных масс переходной от феодализма к капитализму эпохи, присущие не только немарксистской, но и марксистской историографии. Историк при этом признавал объективные трудности изучения народных движений этой эпохи, которую он характеризует как «доиндустриальную» и которая в его исследованиях охватывает период с начала XVIII до середины XIX в. Главная трудность обусловлена тем, что народные низы доиндустриального периода в отличие от промышленного пролетариата не имели организаций типа профессиональных союзов, а тем более политических партий, выражали свой протест исключительно стихийно, в виде бунтов, в ходе которых представляли в качестве случайной, иррационально действующей толпы.

Рюде, анализируя «образы» толпы, вышедшие из-под пера многочисленных официальных историков и социологов, от И. Тэна до Г. Ле Бона, приходит к выводу, что при всех оттенках различий типичная мятежная толпа, или революционная масса, состоит, в их интерпретации, из уголовных элементов, бродяг, подонков и отбросов общества. Причем эта толпа, с одной стороны, низводит и социально здоровые, рационально мыслящие элементы до общего животного уровня; с другой — она обладает притягательной силой для преступных, социально деградировавших элементов, лиц, обладающих ярко выраженным инстинктом разрушения. Иные стереотипы характерны для либеральных историков. Самый распространенный среди них заключается в представлениях о народных движениях как приатке революционного движения буржуазии; в этом случае они лишаются какой-либо политической и мировоззренческой самостоятельности. При всех различиях между консервативными и либеральными образами «толпы» переходной от феодализма к капитализму эпохи им, по заключению Рюде, присуща и общая черта — рассмотрение народных масс как некоей абстракции, вырванной из исторических обстоятельств и лишенной индивидуальных свойств.

¹³ *Barge M. A.* «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 71. М. А. Барг дал также анализ научного творчества британского историка в предисловии к книге Д. Рюде «Народные низы в истории, 1730—1848» (М., 1984. С. 5—14).

¹⁴ Назовем основные среди них: *Rude G.* The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959; *Idem.* Interpretations of the French Revolution. L., 1961; *Idem.* Wilkes and Liberty: A Social Study of 1763 to 1774. Oxford, 1962; *Idem.* The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730—1848. N. Y., 1964; *Idem.* Revolutionary Europe 1783-1815. L., 1964; *Rude G., Hobsbawm E.* Captain Swing. N. Y., 1968; *Rude G.* Paris and London in the 18th Century. L., 1970; *Idem.* Debate on Europe 1815—1850. N. Y., 1972; *Idem.* Protest and Punishment. Oxford, 1978; *Idem.* Ideology and Popular Protest. L., 1980.

Абстрактный подход к изучению народных выступлений доиндустриального периода был, по убеждению Рюде, присущ и марксистской историографии. Она, как правило, рассматривала их как единое целое, слабо исследовала различные исторические, социальные, национальные типы, или «лики», бунтов и толпы. Народ этой эпохи оставался в марксистской историографии по преимуществу положительной абстракцией, его реальное воздействие на исторический процесс хотя и декларировалось, но не раскрывалось. Народные выступления от бунтов до восстаний трактовались как стихийные, не способные к идеологическому выражению своих целей. Такая трактовка, доказывал Рюде, проистекала как из слабой изученности народных выступлений, так и из отождествления идеологии лишь с теоретическими представлениями.

Ликвидация обнаруженных в мировой историографии недостатков в изучении народных выступлений доиндустриальной эпохи потребовала от Рюде привлечения и изучения нового корпуса первоисточников, выявления десятков и сотен неизвестных бунтов и нового анализа уже известных, теоретического переосмысления сложившейся п марксистской историографии методологии исследования народных выступлений.

Среди привлеченных Рюде разнообразных первоисточников были полицейские, тюремные, больничные и судебные протоколы, списки налогоплательщиков, избирателей, нотариальные записи, инвентарные приходские книги регистрации рождений, смертей и браков, таблицы цен и заработной платы, петиции и многие другие. Большинство из них находилось не в центральных, а в местных архивах, сохранились плохо, что потребовало огромных усилий не только на их изучение, но и на поиск. Результатом подвижнического труда историка стала полная картина социального состава, характера действий, образа жизни, мировоззрения участников народных выступлений в двух ведущих европейских странах — Франции и Англии, исследованных Рюде.

Рюде были изучены деревенские и городские волнения во Франции и Англии, волнения промышленных рабочих, толпа во французских революциях 1789 и 1848 годов, бунты под лозунгом «Церковь и король», движения в английской деревне в начале XIX в., луддитское и чартистское движения в Англии и многое другое. Им была составлена типология народных выступлений и всесторонне рассмотрен каждый вид. Он проанализировал консервативные и прогрессивные черты народных выступлений, их соотношение и генеральную тенденцию и создал убедительную картину и концепцию социального протеста народных масс, доиндустриального периода. Принципиальным был вывод Рюде о том, что у народных выступлений при всей их стихийности была своя идеология, которая в отличие от идеологии высшего типа, равнозначной теоретическому сознанию, включала в себя примитивные, но четко отражающие интересы народа экономические,

социальные и политические представления, социально-психический склад и мировосприятие.

В идеологии народных низов Рюде выделил два пласта. Первый из них он определил как «врожденную традиционную идеологию», она как бы впитывалась с молоком матери, была навеяна не проповедями и речами, не вычитана из книг, а вытекала из непосредственного опыта, устной традиции и народной памяти. Второй элемент народной идеологии — это позаимствованные, привнесенные извне идеи и представления, нередко принимающие форму систематизированных политических или религиозных убеждений, как, например, понятия *права человека*, *народный суверенитет*, *национализм*, *социализм* и др.

Исследования Рюде облекали в плоть и кровь известное марксистское положение об огромной роли народных масс в истории. Очень важным было то, что использованная им методология не оставалась достоянием одного, пусть и выдающегося, историка, а стала кредо целой школы. К. Хилл блестяще применил ее к Английской революции XVII века, Э. Хобсбоум, Э. П. Томпсон — к периоду становления и утверждения промышленного капитализма. Нужно отметить, что изучение ими истории XVII—XIX вв. с точки зрения исторического опыта народных масс созвучно исследованиям ментальности народных масс в средние века, осуществляемым Ле Руа Ладюри, Дюби и другими представителями современной школы Анналов во Франции. Но при всем сходстве методов анализа между ними есть принципиальные различия. Главное заключается в том, что французские историки изучают народную культуру и социально-психологический опыт простого люда в состоянии социального мира, а историки-марксисты Великобритании, не пренебрегая и этими пластами, предпочитают рассматривать культуру социального протеста народных масс.

Признавая успехи британских историков в изучении субъективно-деятельностного аспекта исторического процесса, необходимо отметить, что их познавательный аппарат нуждается в дальнейшей разработке. Некоторые попытки, предпринятые в этом направлении, не бесспорны. Это относится, в частности, к концепциям «класса» и «классового опыта» Э. П. Томпсона¹⁵. Абсолютизируя специфику «собственно исторического метода», приоритет которого относительно «теоретического», т. е. системного, подхода он решительно отстаивает, Томпсон рассматривает класс не с точки зрения его места в структуре общества, а как определенный социальный процесс или деятельность. Исходя из правильной посылки о том, что связь между производственными отношениями и классовым сознанием не может быть механической, Э. П. Томпсон делает вывод: в рамках производственных отношений класс не может быть определен. Идентификация класса практически сводится у него к выявлению субъективного «пере-

Thompson E. P. The Making of the English Working Class. Harmondsworth, 1968. Preface; *Idem*. The Poverty of Theory and Other Essays. L., 1979. P. 148.

живания эксплуатации», т. е. коллективного сознания, наличие которого признается решающей предпосылкой становления класса («класс для себя»).

Итак, класс выступает прежде всего и главным образом как политическая и культурная общность (в социально-психологическом плане), а корреляция социокультурных явлений с изменениями в инфраструктуре общества не прослеживается. Таким образом, класс утрачивает объективные критерии, связанные с его местом в системе производственных отношений («класс в себе»).

Отвечая на многочисленные критические выступления¹⁶, Томпсон был вынужден яснее сформулировать свои методологические принципы и концепции. Он вычленил из категории «классового опыта» два понятия («опыт I» и «опыт II»), воплощающие диалектическое единство и противоречивость объективных условий деятельности и ее субъективного восприятия¹⁷. Суть, однако, в том, что недооценка роли объективной детерминации как необходимого условия классового анализа привела к просчетам в конкретно-историческом исследовании. Не случайно последующие работы других историков на том же материале «реальной истории» показали, что носителями радикализма, отождествляемого Томпсоном с идеологией рабочего класса, являлись те социальные группы, существование которых было неразрывно связано с докапиталистической эпохой и шло вместе с ней к концу.

Необходимо подчеркнуть, что в марксистской историографии субъективно-деятельностный и системный анализ не противоречат, а дополняют друг друга. Именно последовательное сочетание обоих подходов характеризует многие работы Э. Хобсбоума, прежде всего монографии «Век революций» и (особенно) «Век капитала». Методологическими принципами этих работ являются исследование общества как целостной и развивающейся системы, последовательное проведение идеи тотальной истории, охватывающей технико-экономические, социальные, политические и культурные процессы в их взаимосвязи и взаимозависимости, а также конкретно-исторический, локализованный в границах определенного отрезка исторического времени анализ специфических отношений между элементами базиса и надстройки и объяснение форм, механизмов и стадий процесса их преобразования. Верный идее наличия, кроме социологических законов, и конкретно-исторических закономерностей, Хобсбоум определяет в рамках каждо-

¹⁶ См., например; Gray J. E. P. Thompson, History and Communist Politics// Marxism Today. 1979. Vol. 23, N 6. P. 183—185; Therborn G. Problems of Class Analysis//Marx: a Hundred Years On / Ed. by B. Matthews. L., 1983. P. 189 -190; Rude G. Marxism and History // Ibid. P. 39—55. Ср. также концепцию Томпсона с историко-материалистической трактовкой понятий класса и классовой борьбы, например, в работах Р. Хилтона: Hilton R. Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. I., 1973; *Idem*. The English Peasantry in the Later Middle Ages. Oxford, 1975; *Idem*. Feudalism in Europe: Problems for Historical Materialists// New Left Review. 1984. N 147. P. 84-93.

¹⁷ Thompson E. P. The Politics of Theory // People's History. . . P. 406.

го выделенного этапа организующий принцип тотальной истории этого этапа.

В «Веке революций», охватывающем период с 1789 по 1848 г., таким организующим принципом выступают промышленная революция в Великобритании и Великая французская революция, а в «Веке капитала» (1848—1875) — распространение капиталистических производственных отношений вглубь и вширь, их консолидация и обретение классической формы. Хобсбоум исповедует принцип всемирности исторического процесса — в «Веке капитала» он исследует воздействие капиталистического развития на исторический процесс не только в Европе, но и на других континентах. Еще одна отличительная черта обобщающих исследований Хобсбоума, выделяющая их среди трудов других исследователей тотальной истории, — это акцентирование внимания не на преемственности и стабильности исторических взаимосвязей, а на их изменчивости.

В других работах Э. Хобсбоума, в которых преобладает исследование субъективно-деятельностного аспекта истории, формы и идеология массового протеста тоже рассматриваются как в конечном счете объективно-детерминированные: идеи не живут автономно, продолжая существовать в изменившихся общественных условиях лишь постольку, поскольку они получают новую социальную функцию. Например, такая форма протеста, как «социальный бандитизм», играет совершенно различную роль в зависимости от стадии развития общества, против которого он направлен.

В целом демократическое направление и его марксистское ядро утвердилось в качестве влиятельного историографического направления в современной Великобритании, обрели прочный международный авторитет. А взаимоотношения между марксистской и прогрессивной немарксистской историографией в этой стране, являющие образец творческого диалога и плодотворного взаимообогащения, могут служить примером для подражания прогрессивным историографическим школам других стран.

* * *

На современном этапе в британской исторической науке сохраняют сильные позиции консервативное и либеральное направления. Эти два направления, противостоя радикально-демократическому, соперничают и между собой. На современном этапе между ними выявились достаточно серьезные и широкие различия по теоретико-методологическим вопросам, отношению к марксистской историографии, освещению некоторых узловых проблем истории. Вместе с тем по ряду позиций наблюдалось и сближение между либеральным и консервативным направлениями, что выразилось в достижении ими фактического консенсуса в трактовке некото-

18 Hobsbawm E. Age of Revolution, 1789—1848. Cleveland; N. Y., 1962; *Idem.* Age of Capital, 1848-1876. L., 1975.

рых основополагающих проблем британской истории. Каждое из направлений предстает достато...> сложным, неоднозначным, но особая противоречивость и разнообразие подходов характерны для либерального направления.

Затяжная дискуссия развернулась между консервативным и либеральным направлениями по методологическим вопросам: представители первого выступили в качестве защитников «старых», а второго — «новых» путей в исторической науке. Теоретико-методологическая дискуссия консервативных и либеральных историков ознаменовала одно из самых серьезных размежеваний в британской историографии. В среде консервативных авторов наиболее весомо звучали голоса таких историков, как И. Берлин, А. Баллок, Г. Баттерфилд, Дж. Китсон, Кларк, Дж. Р. Элтон, Х. Тревор-Роупер, А. Дж. П. Тейлор, Д. Томпсон, Дж. Лефф и некоторые другие.

Теоретико-методологические принципы современной консервативной историографии предстают как развитие и одновременно эклектическое соединение неокантианских, позитивистских, ранкеанских и герменевтических принципов. В целом ее платформа может быть сведена к пяти-шести основным положениям.

Все консервативные авторы твердо исповедуют принцип историографизма, настаивая на уникальности и неповторимости исторических событий и явлений, идей и людей, эпох и периодов, стран и народов. Наличие социологических и исторических законов, конкретно-исторических закономерностей и возможность их применения к изучению прошлого отвергаются. За историей закрепляется одна реальная функция — кумулятивная (накопительская), ограничивающаяся поиском, обработкой, критическим анализом, интерпретацией и приращением новых фактов к существующим историческим знаниям. Методология истории сводится современными консервативными авторами к эклектическому соединению двух изначально конфликтных и даже противостоящих друг другу подходов. Первый, уходящий корнями к родоначальнику классического немецкого историзма Л. фон Ранке, заключается в выявлении, идентификации, внутренней и внешней критике первоисточников и нарративном воссоздании исторических событий «как они были». Второй подход берет истоки в «философии жизни» В. Дильтея и «социологии понимания», требует от истори-

<¹ Berlin I. Historical Inevitability. Б., 1959; *Idem.* Concepts and Categories. L., 1978; Bullock A. /.. Is History Becoming a Social Science? The Case of Contemporary History. L., 1977; *Idem.* The Humanist Tradition in the West. N. Y.; L., 1985; Butterfield H. The Present State of Historical Scholarship. Cambridge, 1965; *Idem.* The Discontinuities between the Generations in History. Cambridge, 1971; Elton G. Я. The Practice of History. L., 1967; *Idem.* Political History: Principles and Practice. L., 1970; Elton G. B., Fogel H. W. Which Road to the Past? Two Views of History. New Haven; L., 1983; Clark G. Kitson. The Critical Historian. L., 1967; •Leff G. The Tyranny of Concepts: a Critique of Marxism. L., 1961; *Idem.* History and Social Theory. Alabama, 1969; Taylor A. J. P. Politicians, Socialism and Historians. L., 1980; Thompson D. The Aims of History: Values of the Historical Attitude. L., 1969.

ка интерпретации событий прошлого на основе «вживания» в них и «понимания изнутри»²⁰.

Консервативные авторы отказывают истории в статусе науки и причисляют ее к виду искусства. Они настаивают на противоположности историографии и естествознания, мира истории и мира природы. Ими отвергается применение к истории системного подхода, типологизации и моделирования, характерных для общественных наук, и, напротив, утверждается «акцентирование уникальности ситуаций, индивидуальности человеческой личности, новизны каждой последующей исторической ситуации» (Д. Томпсон). Многие из консервативных авторов отрицают даже возможность применения историками общих понятий и доказывают, что такие категории, как революция, феодализм, капитализм, буржуазия, свобода, демократия, являются чистыми абстракциями, не имеющими аналога в реальной действительности. Право на существование признается ими только за единичными понятиями, такими, как Английская революция, Великая Французская революция, промышленный переворот в Англии и т. д., соответственно единственно надежным способом приближения к исторической истине объявляется максимальная детализация исторических фактов.

Негативно-скептическая позиция характерна для консервативных авторов и в вопросе о каузальности в истории. Они отрицают не только соизоднесенность фундаментальных долговременных факторов исторических изменений, но и само наличие этих факторов. «События происходят потому, что они происходят», — формулировал свое кредо А. Дж. П. Тейлор, а Г. Баттерфилд доказывал, что историки должны исследовать вопрос о том, «как происходили события, а не почему они происходили». Консервативные методологи готовы признать только наличие непосредственных и кратковременных факторов исторических изменений, заключенных по преимуществу в желаниях, интересах, планах, амбициях людей. Исследуя механизм принятия решений, меняющих ход истории, они требуют сосредоточиться только на тех мотивах, которые имеют к ним непосредственное сиюминутное отношение²¹.

Преклонение перед абсолютно выверенным, «чистым» историческим фактом сочетается у консервативных авторов с волюнтаристским принципом его интерпретации. Причиной этого является, во-первых, их отрицательное отношение к методам естественных и общественных наук как к теоретико-методологической основе

интерпретации истории и, во-вторых, соединение в их собственной методологии ранкеанского обожествления событий «как они были» и дильтеевского принципа интерпретации событий на основе психологического «проникновения» и «вживания» в них. С одной стороны, консервативные авторы категорически отрицают возможность использования современных понятий и выражений для объяснения событий прошлого, требуют, чтобы историк, излагая и интерпретируя события разных эпох, пользовался исключительно языком последних, судил их по их собственным меркам, но не по меркам последующих эпох. По, с другой стороны, они же доказывают, что для объяснения взаимоотношений людей в рамках любой эпохи вполне достаточно понимания психологического механизма взаимоотношений современных людей. Историк, следовательно, может, познав психологический механизм взаимоотношений своих современников, «вживаться» затем в исследуемую им эпоху и на основе здорового «творческого воображения» и «творческого видения» давать адекватную интерпретацию ее сути²².

Методологические установки консервативной историографии логически приводят ее к отрицанию прогностически-социальной функции истории. История, согласно их концепции, должна изучаться ради нее самой, из нее невозможно извлечь уроки на будущее и какой-либо смысл, единственный ее урок заключается в непредсказуемости событий. «Давайте, — аргументировал это положение Х. Тревор-Роупер, — совершим мысленное путешествие в какую-либо из временных точек прошлого и попытаемся честно ответить на вопрос: смог ли кто-нибудь рассмотреть сквозь нее развитие последующих событий? Кто, например, смог в 1900 г. предвидеть конвульсии Европы и предсказать крах недавно созданной Германской империи? Или кто мог предсказать в 1950 г., что Америка, только что освободившая Европу и приверженная изоляционизму и антиимпериализму, сама вскоре превратится в разновидность империалистической державы? . . .» «А кто мог предсказать приход к власти Гитлера, упадок Великобритании и возвышение после второй мировой войны Японии?» — вторит ему А. Баллок²³.

Тревор-Роупер и Баллок исходят из того, что общественные законы должны быть тождественны естественным и давать возможность с абсолютной точностью предсказать развитие событий в будущем. Отсутствие у общественных, в том числе и исторических, законов подобных свойств служит Тревор-Роуперу и его единомышленникам основанием для отрицания самих этих законов. В действительности общественные законы носят характер тенденций, на которые воздействует множество факторов, в том

го *Berlin I. Historical Inevitability. P. 69; Clark G. Kitson. Op. cit. P. 24; Leff G. History and Social Theory. P. 79; Elton G. R. The Practice of History. P. 87.*

2i *Berlin I. Historical Inevitability. P. 16; Thompson D. The Aims of History. P. 75; Taylor A. J. P. Accident Prone or What Happened Next // Journal of Modern History. Chicago, 1977. N 1. Mar. P. 17; Trevor-Roper H. R. The Past and the Present. History and Sociology // Past and Present. 1969. Febr. P. 9—13; Butterfield H. The Whig Interpretation of History. L., 1951. P. 9; Elton G. R. Political History. P. 112—152; Cowling M. The Nature and Limits of Political Science. Cambridge, 1963. P. 214.*

22 *Berlin I. Historical Inevitability. P. 51—54; Elton G. B. The Practice of History. P. 141; Thompson D. The Aims of History. P. 114.*

23 *Trevor-Roper H. R. Op. cit. P. 10; Bullock A. L. The Humanist Tradition in the West P. 195; Elton G. B. The Historians Social Function // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1977. P. 199; Taylor A. I. P. Politicians, Socialism and Historians. P. 55.*

число и человек. Поэтому при помощи социологических и исторических законов можно предсказывать тенденции общественного развития и их альтернативы, но, конечно, не точные даты и события будущего, не приход к власти конкретных людей. Подобное использование социологических законов помогло, кстати, маркойстам, да и не только марксистам (вспомним соотечественника Тревор-Роупера Дж. Гобсона), предсказать на рубеже XIX–XX вв. тенденции развития капиталистического мира.

Обосновывая решающую роль людей и **предпринимаемого** ими выбора в определении хода исторического развития, Дж. Р. Элтон, пожалуй ведущий на сегодняшний день консервативный методолог истории, провозглашал: «История не существует без людей, и, к чему бы мы в ней не обращались, все **совершается** людьми»²⁴. Вопреки убеждению и утверждению Элтона это кредо отнюдь не противоречит марксистскому историзму (другое дело, что марксисты исследуют субъективно-деятельностный фактор в неразрывной связи, взаимодействии и взаимозависимости с объективными факторами истории). А вот в устах современных консервативных историков апелляция к решающей роли человеческого фактора является подчас ритуалом, ибо реально они практически не способствовали детальной проработке роли этого фактора в истории. К тому же есть основание утверждать, что усилия некоторых из них были направлены как раз на принижение роли простых людей в истории.

Хорошо известно, что практическая (а не охарактеризованная выше теоретическая) консервативная историография на протяжении последних десятилетий развивалась под сильнейшим воздействием Л. Нэмира и его школы. Выступив резко против либеральных (вигских) историков, они как раз и обвинили последних в преувеличении роли личностей и идей в истории. Со своей стороны Нэмир (которого, кстати, выдает за образец историка-практика Элтон²⁵) и его последователи максимально преуменьшили значение сознательного воздействия людей на историю. В их трудах люди предстают как пленники конкретных обстоятельств, прагматически реагирующие на эти обстоятельства, живущие и думающие только сегодняшним днем²⁶. Фактически побудительные мотивы людей сведены ведущей консервативной школой историков-практиков до уровня инстинкта самосохранения.

Один из излюбленных постулатов консервативных теоретиков заключается в решительном отрицании любых теорий исторического прогресса и, естественно, самого прогресса, поступательно-сти в общественном развитии. Для обоснования этого постулата приводятся два основных аргумента. Первый сводится к тому, что исторические эпохи настолько отличны друг от друга, настолько

уникальны, что выстраивать какую-то единую связующую их линию нелепо. Второй аргумент заключается в том, что в каждую эпоху действует множество коренным образом различающихся и развивающихся неравномерно факторов, связать которые в единое целое невозможно: прогресс в экономике может сопровождаться упадком политических свобод, а расцвет наук — крушением моральных устоев. Понятие прогресса, по заключению консерваторов, — это ценностное понятие и в беспристрастной историографии неприменимо²¹.

Консервативные историки бичуют любых приверженцев универсальных законов, схем, обобщений, решительно отвергают теорию линейного прогресса либералов Карра и Плама, а в циклической теории А. Тойнби видят схоластическую концепцию «явного предназначения в истории». Но особенно жесткую, непримиримую позицию они занимают в отношении марксизма. Их яростная критика принципов исторической закономерности, единства всемирно-исторического процесса и прогрессивного развития человечества объясняется, по наш взгляд, тем, что главным выразителем этих принципов выступает именно марксизм. А. Баллок решительно отлучает марксизм от гуманистической традиции на том основании, что марксизм-де исповедует детерминистскую концепцию человека, низводит последнего на уровень раба «железных» законов истории²⁸.

Консервативные авторы, как правило, выступают с критикой внедрения в историографию современной междисциплинарной методологии. Отдельные их замечания при этом могут носить рациональный характер: справедливы, например, утверждения, что современные общественные науки в странах Запада абсолютизируют структурно-функциональный анализ общества, изучение его в статическом состоянии, конструируют константные модели общественных взаимосвязей, часто исповедуют антиисторизм. Больше всего от историков-традиционалистов достается британской социальной антропологии, типологические модели которой, как отмечают они, были отработаны на основе изучения примитивных обществ и к более развитым и тем более высокоразвитым обществам неприменимы.

Убеждение британских историков-традиционалистов в том, что история не должна превращаться в филиал современных общественных наук, что у нее есть свои методы, нацеленные на изучение изменений в обществе, найдет понимание у многих представителей исторической профессии. Но, если внимательно присмотреться к критике британских традиционалистов в адрес междисциплинарной методологии, можно убедиться, что она ведется с ретроградных позиций, осуществляется на платформе

²⁴ Elton O. J. The Practice of History. P. 102

²⁵ Ibid. P. 104.

²⁶ Критику этого аспекта трудов консервативных историков см.: Hart J. Nineteenth-Century Social Reform: A Tory Interpretation of History // Past and Present 1965. N 31. July. P. 39-61.

²⁷ Berlin I. Historical Inevitability. P. 68–69; Elton G. B. The Practice of History. P. 42-45.

²⁸ Bullock A. L. The Humanist Tradition in the West. P. 94–95; Berlin I. Historical Inevitability. P. 8-9, 15, 23; Elton G. K. The Practice of History. P. 36-42.

воинствующего идиографичма. Консерваторы отрицают «серийную историю», «статистические ряды» и другие новшества междисциплинарной историографии под знаменем уникальности и неповторимости любого исторического явления. Фактически их критика междисциплинарной методологии ведется на той же платформе, что и критика исторических закономерностей и исторического прогресса²⁹.

Консерваторы подвергают подчас сомнению даже возможность проблемного подхода к изучению истории, т. е. анализа той или иной исторической эпохи на основе выделения и рассмотрения в ней важнейших проблем, поскольку это разрушает нарративное изложение событий строго в той последовательности, в какой они происходили. Они исповедуют суверенитет каждой из отраслей истории — политической, экономической, социальной, военной, административной и других, утверждая, что установление между ними какой-либо иерархии и их смещение недопустимы. На практике же для них характерно подчинение излюбленной в консервативной историографии политической истории — «королеве истории», как ее величают, — всех других направлений. В обобщающих трудах даже наиболее опытные консервативные историки обнаруживают подчас беспомощность в анализе социальной и экономической истории. Так произошло, например, с А. Дж. П. Тейлором, который в обобщающем труде по английской истории межвоенного периода³⁰ не только не смог дать сколько-нибудь удовлетворительную картину социального и экономического развития Англии, но и допустил в своих экскурсах в социальную и экономическую историю массу фактических ошибок³¹.

В своих теоретических рассуждениях консервативные авторы решительно осуждают экстраполяцию современных проблем и подходов на прошлое, требуют, чтобы историк, обращаясь к научным исследованиям, полностью отрешился от современных политических веяний. Современность и прошлое в их методологическом кредо отгорожены китайской стеной. Однако ни отрицание связи современности и прошлого, ни негативное отношение к социологическим законам и историческим закономерностям, ни наложение табу на широкие обобщения, модели, схемы, универсальные понятия не обеспечивают консервативным авторам в их конкретной исследовательской практике освобождения от идеологических привязанностей и беспристрастного изложения событий «так, как они происходили».

Более того, есть все основания утверждать, что консервативная историография остается самым идеологизированным историографическим направлением. А причина этого заключается, как это ни

2» Berlin I. Historical Inevitability. P. 71; Elton G. R. The Practice of History. P. 8-12, 32-35; Thompson D. The Aims of History. P. 105; Leff G. History and Social Theory. P. 125.

•» Taylor A. I. P. English History, 1914-1945. Oxford, 1965.

³¹ См. подробнее: Pelting H. Taylor's England // Past and Present. 1966. N 33. Apr. P. 150-158.

парадоксально звучит, именно в их воинствующем неприятии какой-либо общей теории исторического развития, в том числе и теоретических моделей и концепции изучения прошлого. Дело в том, что отказ от определенного четко разработанного теоретико-методологического инструментария изучения прошлого приводит консервативных авторов неизбежно к теоретическому волюнтаризму, выбору и усвоению любого удобного идеологического стереотипа как прошлого, так и современности. Степень архаизации и модернизации исторических событий в трудах консервативных историков оказывается наивысшей, а «беспристрастное прочтение» событий прошлого в наибольшей степени зараженным идеологическими стереотипами.

Идеологические стереотипы современной консервативной историографии были определены еще в трудах Л. Нэмира. Нэмир, пик научной активности которого пришелся на вторую четверть XX в., немало преуспел в развенчании господствовавшей тогда вигско-либеральной концепции, изображавшей вигских политиков XVIII в. и их наследников либералов XIX в. в качестве главных творцов британского конституционализма и демократии. Нэмир, а вслед за ним Г. Баттерфилд и другие консервативные историки, проявившие действительно блестящую историческую эрудицию, вовлекшие в оборот новые огромные массивы первоисточников и использовавшие оригинальные приемы их интерпретации, раскрыли продажность, цинизм, приверженность олигархическим принципам вигов и доказали мифотворческий характер вигско-либеральных исторических построений. Но вместе с тем, как отметил известный советский историк Н. А. Ерофеев, Нэмир, «этот смелый и бесспорный критик вигского истолкования политической истории Англии XVIII в., сам не был противником исторических мифов: просто вигские мифы он хотел заменить другими, на этот раз торийского толка»³².

Нэмир и его школа, развенчав вигов, пытались в качестве радетелей английского конституционализма и демократии представить тори. Консервативные историки доказывали, что вигские реформы не могли ничего добавить к политической системе Англии и улучшить ее, поскольку она уже воплощала образцовую модель, созданную усилиями тори. При этом Нэмир пытался выдать за образцы политического правления не что иное, как систему коррупции, «гнилых местечек» и другие атрибуты английского олигархического правления. Будучи противником радикальных политических реформ, Нэмир тем более категорично осуждал революции. Его видный последователь Г. Баттерфилд доказывал, что цивилизованная нация может позволить себе как максимум одну революцию, а если после этого она не сможет развиваться эволюционно, то утрачивает право именоваться передовым государством³³. Совершенно очевидно, что этой историче-

³² Ерофеев У. А. Л. Нэмир и его место в буржуазной историографии // Вопр. истории. 1973. № 4. С. 80.

³³ Butterfield H. The Discontinuities between the Generations in History. P. 29.

ской модели как раз и соответствует опыт Англии. Идеализируя его, консервативные историки цементируют концепцию британской исключительности.

На современном этапе, особенно в 80-е годы в Великобритании наблюдалось не смягчение, а, напротив, поправление концепций консервативного направления. Яркое проявилось это в позиции одного из ведущих представителей современного поколения консервативных историков — Джонатана Кларка. Дж. Кларк, профессор Оксфордского университета, унаследовал от старшего поколения консерваторов резко враждебное отношение к марксизму, которое он распространил также на представителей либерального направления. Своей задачей он провозгласил искоренение из британской исторической науки и особенно из университетов влияния «марксистской когорты» историков, в которую им зачислены не только Э. Хобсбоум, Э. П. Томпсон, К. Хилл, но также либералы Д. Плам и Л. Стоун. В духе консервативной ортодоксии Дж. Кларк исповедует приверженность идиографизму, нарративной историографии, отрицает роль идей и сознательно формулируемых идеалов в истории, доказывает, что она развивалась на основе разрешения обществом и правительством повседневных задач. В духе и в развитие принципов Нэмира он утверждает, что британские историки явно недооценили роль монархии, аристократии и церкви в британской истории, зато явно переоценили значение демократии.

В обобщающей монографии «Английское общество в 1688—1832 гг. Идеология, социальная структура и политическая практика в эпоху старого порядка»³⁴ Кларк отвергает известную вигско-либеральную идею о том, что ключевой период от Славной революции до первой парламентской реформы знаменовался разложением обреченного старого порядка и утверждением на его месте демократического строя. Поражение якобитского заговора в 1714 г., расчистившее путь к власти вигам, доказывает он, было чистой случайностью, после этого консервативные настроения продолжали преобладать в стране, а аристократия, церковь и монархия демонстрировали свою жизнеспособность. Кларк отвергает сколько-нибудь заметное влияние локковских идей и идеалов Просвещения на протяжении всего рассматриваемого периода, утверждая, что всеобщей поддержкой населения пользовалась в первую очередь англиканская церковь.

Полно и тщательно используя всевозможные церковные и правительственные источники, призванные подтвердить популярность англиканства и монархии, Кларк, однако, игнорирует оппозиционную прессу и публицистику, которые отражали нарастание влияния радикализма, особенно в последней четверти XVIII в. Совершенно проигнорированы им и исследования марксистских и радикально-демократических историков о массовых народных

бунтах той эпохи. Но даже намеренно и вызывающе игнорируя обильные данные о радикализме и народных выступлениях, Кларк невольно приводит противоречивые оценки их политического влияния, обнаруживающие его политическую тенденциозность. Так, доказывая на протяжении всей книги, что радикалы составляли в рассматриваемую им эпоху ничтожную кучку фанатиков, а религиозная ортодоксия сплачивала подавляющее большинство нации, Кларк на крайней мере дважды проговаривается, что «безверие» и «атеизм» представляли огромную угрозу и что недовольство народа достигло в конце XVIII в. широких масштабов³⁵. В целом критический анализ выводов Кларка об эффективности монархии, аристократического режима, религии и однопартийного правления в 1688—1832 гг. показывает, что они получены в результате откровенных натяжек и подтасовок.

Концепция Кларка не является исключением в современной консервативной историографии. Аналогичные взгляды проводятся и в работах других историков, превозносящих исторические «заслуги» английской аристократии, монархии, англиканской церкви и всячески преуменьшающих значение не только народной, но и буржуазной оппозиции в средние века и в новое время³⁶. В данном случае можно говорить о распространении своего рода тенденции консервативного фундаментализма в современной британской историографии, вызванной, в свою очередь, влиянием, начиная с середины 1970-х годов, политического неоконсерватизма.

* * *

Третьим крупным направлением в современной британской историографии является либеральное. Для этого направления характерны сложные, противоречивые взаимоотношения как с консервативными, так и с марксистскими историками. По целому ряду крупных проблем истории либеральная историография сближается с консервативной и противостоит радикально-демократическому направлению, но по ряду принципиальных вопросов, в том числе теоретико-методологических, либеральные авторы ведут на протяжении последних трех десятилетий острые дискуссии с **консервативными** традиционалистами и объединяются с представителями левой историографической ориентации в качестве выразителей новых путей в исторической науке.

Среди либеральных критиков консервативного традиционализма выделяются такие крупные историки, как Э. Карр, Дж. Варраклоу, А. Марвик, Д. Плам, С. Поллард, Д. Л. Кейр. Исходным положением их критики явилась констатация глубокого кризиса британской исторической **науки** после второй мировой войны. Все

Fbid. P. 230, 380.

Thomis M- I., Holt P. Threats of Revolution in Britain, 1789-1848. L., 1977. Cannon J. The Peerage of the Eighteenth-Century England. Cambridge, 1984; Christie I. H. Stress and Stability in Late Eighteenth-Century Britain. Oxford, 1984.

³⁴ Clark J. C. D. English Society, 1088—1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancient Regime. Cambridge, 1985.

они сходятся в том, что основы этого кризиса оформились намного раньше, еще в первой половине XX в.

Главным фактором кризиса единодушно признается идиография, поглощенность индивидуальными аспектами истории, отказ от выявления общих черт и закономерностей исторического процесса. Второй фактор — сосредоточенность на непосредственных причинах тех или иных явлений, утомляющее конание в мотивах и психологии участников исторических событий и нежелание выявлять долговременные первопричины даже важнейших, поворотных моментов истории и их исторических последствий. (Дж. Барраклоу, критикуя мэтра консервативной историографии А. Дж. П. Тейлора, доказывал, что, даже если в распоряжении историков будут все официальные документы, относящиеся к июлю — августу 1914 г., мы все равно не раскроем тех «тайн» европейских дворов, которые привели к первой мировой войне.) Третий фактор — демонстративное игнорирование связи истории с современностью, потребностями сегодняшнего мира, изучение прошлого «ради самого прошлого», превращающее исторические явления и факты в музейные экспонаты, и нежелание исследовать исторический опыт в целях осознания ориентиров человеческой эволюции и прогнозирования будущего. (История, констатировал Барраклоу при помощи знаменитой шекспировской цитаты, предстает в результате как «повесть, которую пересказал дурак, — в ней много шума и ярости, но нет лишь смысла».) Четвертый фактор — демонстративно-негативное отношение к теории, низведение историографии на уровень искусства³⁷.

Все эти недостатки британской историографии привели, по мнению либеральных критиков, к ее острейшему и длительному кризису, падению научного и общественного престижа на современном этапе. Но что же обнажило этот кризис? Прежде всего, указывают критики, это стремительный прогресс после второй мировой войны общественных наук — политологии, социологии, социальной антропологии, основывающихся на полевых исследованиях, новейших и разнообразных методах верификации научных результатов, прокламирующих тесный союз с естественными науками, берущихся раскрывать закономерности функционирования общества и прогнозировать его развитие. В сравнении с общественными науками историография предстала как «свалка фактов». Падение престижа истории выразилось во многом, например в снижении интереса к ней со стороны студентов: на исторические специальности, с горечью констатировал Марвик, записываются студенты, увлеченные спортом или художественной самодеятельностью и желающие высвободить для своих увлечений побольше времени³⁸.

³⁷ Barraclough G. History in Changing World. Oxford, 1955. P. 222; *Idem*. History and Common Man. L., 1967. P. 5. 10-12; Marwick A. Nature of History. I., 1971 (P. 4, 9, 15; Plumb J. H. Introduction//Crisis in Humanities. L., 1964. P. 9, Keir D. L. Old Ways and New in History // Irish Historical Studies. Vol. 15. 1967. Mar. P. 216-217.

³⁸ Marwick A. Op. cit. P. 15.

Вскрывая пороки теоретико-методологической основы британской историографии, либеральные критики указывали на разнообразие ее альтернативы — от контонского позитивизма до исторического материализма. При этом некоторые среди них, что звучало очень непривычно и даже сенсационно, признали марксистское направление главным и наиболее убедительным в синтезирующей историографии. Дж. Барраклоу, ведущий методолог либералов, отмечал большие преимущества марксизма перед «западной историографией». А. Марвик ставил марксистскую историографию неизмеримо выше консервативного направления в британской историографии. Б. Хаддок даже брал марксизм под защиту от нападок со стороны немарксистских философов и историков, раскрывал несостоятельность обвинений его в «экономическом детерминизме» и показывал, что марксистские историки, признавая воздействие производительных сил и производственных отношений на исторический процесс, исходят из того, что оно реализуется через интересы и мотивы людей, субъективно-деятельностный фактор. П. Верк доказывал, что именно марксизм подготовил почву для возникновения современной «новой научной» историографии³⁹.

Признание либеральными историками Великобритании оплотворяющего воздействия марксизма на развитие исторической науки не есть нечто совершенно необычное. Обращение к истории немарксистской исторической мысли обнаруживает, что ее представители в кризисные для исторической науки периоды неизменно обращали свои взоры к марксистской методологии. Так было, например, в начале XX в. в США, где большая группа критиков во главе с Ч. Бирдом попыталась, прибегнув к помощи марксизма, разработать метод «экономической интерпретации истории»⁴⁰. Из марксистского источника впоследствии черпали методологические принципы создатели знаменитой французской школы Анналов. И все же признание современными британскими либеральными историками авторитета марксистской методологии необычно по той причине, что относится к периоду, когда в Англии и других западных странах все более усиливались попытки объявить марксизм безнадежно устаревшим.

Высокая оценка современными либеральными историками научных возможностей марксизма должна быть непосредственно увязана с творческими усилиями и успехами современных историков-марксистов Великобритании, ибо именно на основе их трудов и концепций либеральные историки составляли представление о методологии исторического материализма⁴¹. Либеральные авторы увидели в британских историках-марксистах своего союзника

³⁹ Barraclough G. History and Common Man. P. 11; Marwick A. Op. cit. P. 271; Haddock B. O. An Introduction to Historical Thought. I., 1980. P. 132 - 133; Burke P. Sociology and History. L., 1980. P. 62.

⁴⁰ Чарльз Бирд. В. В. Критические направления немарксистской историографии США. XX века. М., 1987. С. 32-35.

⁴¹ См., например: Marwick J. Op. cit. V. 271 — 278*.

в дискуссии с консервативной историографией и потому, что те добились признания в мировой исторической науке, и потому, что марксистские авторы первыми выступили против «ученого торизма» (выражение Э. Хобсбаума. — *Авт.*), и потому, что марксисты сами еще в начале 1950-х годов предложили либералам единение в борьбе с консервативно-традиционалистским историографическим направлением.

Но, конечно, не следует и преувеличивать значение признания либералами научных возможностей марксистской методологии. Почерпнув из нее аргументацию для критики теоретико-методологических установок консервативной историографии и обоснования закономерности исторического процесса и прогрессивного его развития, либералы конструировали модель нового исторического познания, исходя из соответствующих их мировоззрению общественных теорий.

Критическая либеральная историография твердо заявляет о праве и даже обязанности историка интерпретировать и оценивать исторические события, разрабатывать теорию исторического анализа. Восстановление общественного и научного престижа истории требует, по убеждению либералов, чтобы она стала теоретизирующей, интерпретирующей и обобщающей дисциплиной. Беспристрастное изложение событий «как они были», доказывал Барраклоу, вообще невозможно, отказ от их теоретического осмысления означает на практике предпочтение волюнтаристского произвола историка в оценке прошлых событий квалифицированной интерпретации исторического материала. Кроме того, внешняя беспристрастность приобретает аморальный характер, когда излагаются история фашизма, тираний, войн, биографии Гитлера и Муссолини. Высказываясь в пользу вооружения историографии теоретическими схемами и моделями, либеральные авторы обнаруживают при этом приверженность известной концепции «идеальных типов» М. Вебера⁴².

Самое пристальное внимание либеральные историки уделили вопросу о влиянии современности на интерпретацию событий прошлого. Оценивая их концепцию, советский историограф И. И. Шарифжанов справедливо отмечал, что «она в значительной степени выделяется среди других буржуазных философско-исторических теорий, для которых характерно либо противопоставление (традиционные объективисты ранкеанского толка), либо отождествление (современные субъективисты и релятивисты) факта и интерпретации, истории и современности»⁵¹.

¹² *Barraclough C. History in a Changing World. P. 24, 157; Idem. History and the Common Man. P. 4; Carr E. H. What is History? L., 1962. P. 18.* О влиянии на британских либеральных историков иеберовской концепции «идеальных типов» см.: *Бидцын И. В. Проблема исторических понятий в английской буржуазной историографии 50-х—60-х годов XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1987. С. 38-39. 154.*

Шарифжанов И. И. Современная английская буржуазная историография: Проблемы теории и метода. М., 1984. С. 15.

Либеральные методологи признают оплодотворяющее воздействие современности на историографию, указывают, что она предоставляет историкам обновляющуюся и совершенствующуюся теоретико-методологическую платформу исследования прошлого. В XIX в., отмечал Марвик, успехи естественных наук привнесли в историографию идею законов, управляющих общественным развитием, а во второй половине XX в. под воздействием научно-технической революции и расцвета социологии и политологии историография стала осваивать количественные методы анализа и междисциплинарный подход. Антиколониальные революции в Африке и Азии в современную эпоху способствовали отказу многих исторических школ от европоцентризма и обращения к изучению истории развивающихся стран. А активное вовлечение в политический процесс в XX в. широких народных масс стимулировало интерес историков к изучению социальной истории самых разнообразных общественных слоев⁴⁴.

Определяя историю как нескончаемый и плодотворный «диалог между настоящим и прошлым»⁴¹ либеральные историки вместе с тем решительно отвергают утверждение Б. Кроне и презентистов, что история есть не более чем «политика, опрокинутая в прошлое», или некая разновидность современной общественной мысли. Современная, справедливо доказывают они, развивая накопленные и сформулированные знания о прошлом, но не отвергает их. У истории есть апробированные методы накопления, критики и анализа первоисточников, прочный научный фундамент в виде богатой историографической традиции, которые являются средством «отторжения» ложных концепций современности^{4,1}.

Либеральные историки, признающие объективную обусловленность и направленность исторического процесса, не уделили вместе с тем особого внимания вопросу о движущих факторах исторического развития. Э. Карр, выдвинувший концепцию о рациональных, или реальных, и иррациональных, или случайных, причинах истории⁴⁷, представляет собой исключение среди либеральных методологов. В целом же современные либеральные авторы продолжают, как и их предшественники, следовать теории факторов, число которых в их трудах обнаруживает тенденцию увеличиваться (наряду с традиционными факторами они признают важное значение технологических изменений, социальной психологии, демографии).

Отсутствие концепции взаимодействия и соподчиненности факторов приводит либеральных историков, причем даже самых опытных, к весьма произвольному выдвиганию на ведущую позицию то одного, то другого фактора. Выбор ведущего фактора во многом зависит от историографической моды: так, успехи и влияние на

Marwick A. Op. cit. P. 18-19.

Carr E. Op. cit. P. 24.

Ibid. P. 21-24; Marwick A. Op. cit. P. 18-19.

См. зб. этот: *Шарифжанов И. И. Уню>. еон. С. 12 -20,*

современном этапе исторической демографии породили преувеличение значения демографического фактора. Характерно заключение мэтра либеральной историографии Дж. Барраклоу в обобщающей монографии по истории XX в.: «Не будет преувеличением утверждать, что демографическая революция, происшедшая за столетия с 1890 по 1940 г., стала основополагающим изменением, знаменовавшим переход от одной эры истории к другой»⁴⁸. В другой работе Барраклоу утверждал, что именно фактор демографических изменений является наиболее надежным при оценке общественного прогресса или регресса⁴⁹. Выбор ведущего фактора исторических изменений в работах либеральных историков зависит также от их специализации: например, специалисты по экономической истории делают упор на фактор технологических изменений, а политические историки подчеркивают определяющую роль в общественных изменениях политических лидеров⁵⁰.

Закономерность исторического развития означает для либеральных авторов в первую очередь признание прогрессивного характера исторической эволюции. Признание прогресса в истории сближает позиции либеральной и марксистской историографии в дискуссии с консерваторами. Принципиальное значение, конечно, имеет вопрос о том, как соотносятся марксистское и либеральное понимание исторического прогресса, существуют ли между ними точки соприкосновения, с одной стороны, и в чем заключаются расхождения между ними, каков их диапазон — с другой. В советской историографии упор до сих пор делался, как известно, на принципиальные различия и даже несовместимость двух концепций исторического прогресса. На наш взгляд, подобная точка зрения страдает односторонностью. Между марксистской, особенно современной, и либеральной концепциями существует и определенное сходство, а дальнейший диалог и взаимопонимание между ними возможны на основе принятия гуманистических оценок сущности исторического прогресса, измерения его на основе широкого набора общечеловеческих ценностей.

Свойства, сближающие марксистскую и либеральную концепции общественного прогресса, проявляются у различных либеральных историков по-разному: у одних в большей, у других в меньшей степени. На наш взгляд, среди ведущих британских либеральных историков больше всего точек соприкосновения с марксистской концепцией обнаруживается у Дж. Барраклоу и Э. Карра. Для них обоих характерна острая критика господствующего в западноевропейской историографии европоцентристского измерения исторического прогресса, убежденность в том, что вклад в прогрессивное развитие человечества вносили все народы,

⁴⁸ Barraclough G. An Introduction to Contemporary History. P. 97.

⁴¹¹ Barraclough G. History and the Common Man. P. 13.

⁵⁰ См., например: Ryder J., Silver H. Modern English Society: History and Structure 1850-1970. L., 1970, P. 18; Btefi A. A Social History of England. L., 1983. P. 9-11.

страны и континенты (Барраклоу решительно отверг попытку ряда западных историков подменить разделение всемирной истории на древнюю, средневековую и новую ее разделением на «средиземноморскую эру», «европейскую эру», «атлантическую эру») и¹. Причем оба историка отстаивают тезис о возрастающей роли освободившихся стран и народов в историческом прогрессе, подчеркивают оплодотворяющее воздействие антиколониальных революций на развитие человечества в целом.

Барраклоу и Карр признают объективный характер распространения идей социализма в мире. «Большевизм, — согласно формулировке Барраклоу, — разделил мир, потому что он был революционным кредо универсального свойства»¹². Социализм рассматривается ими как непреходящий, закономерный фактор исторического развития и прогресса современной истории. Они, конечно, признают возможности прогрессивного развития капитализма, но в отличие от типичных западных историков доказывают, что свою лепту в поступательное развитие человечества вносит и будет вносить не только капитализм, но и социализм, а их позитивная реакция на вызов друг друга порождает здоровую конкуренцию двух систем, этот важнейший фактор исторического прогресса. Оба историка остро критикуют американоцентристскую концепцию исторического прогресса, с которой выступают многие историки США и которая обосновывает особую роль Соединенных Штатов в развитии мировой цивилизации¹³.

Было бы преувеличением утверждать, что концепция исторического прогресса, отстаиваемая в трудах Карра и Барраклоу, преобладает или даже является типичной для либеральной историографии. Ее разделяют меньшинство либеральных историков, среди которых необходимо наряду с Карром и Барраклоу особо выделить С. Полларда¹⁴. Но она, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания по той причине, что является своеобразной моделью нового мышления в либеральной историографии и может служить основой плодотворного диалога о путях исторического прогресса между немарксистской и марксистской историографиями.

Для типичных либеральных представлений об историческом прогрессе характерна замкнутость на западном регионе развитых капиталистических стран и возвеличивание западной модели как идеала поступательного развития общества. Типичные либеральные историки придерживаются концепции линейного прогресса,

⁵¹ Barraclough G. Introduction to Contemporary History. P. 13.

⁵² Ibid. P. 138.

⁵³ Ibid. P. 138, 193—194, 205—228. Концепция исторического прогресса Э. Карра обстоятельно рассмотрена в кн.: Шарифжанов И. И. Указ. соч. С. 16—19. См. также: Нейман А. М. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Х. Карра//Историческая наука и некоторые вопросы современности. М., 1969.

→ Разбор его концепции см.: Шарифжанов И. И. Указ. соч. С. 25—29.

совершающегося без социально-политических скачков, без резких смен качественных состояний общества (по этой причине марксистская теория общественно-экономических формаций вызывает с их стороны скептическое или отрицательное отношение). Все они находятся под влиянием модных на Западе социологических и футурологических концепций стадий экономического роста, индустриального и нового индустриального общества, модернизации и присущего им технократического критерия общественного прогресса, фетишизации технологических изменений.

И все же только негативное отношение к типичным либеральным концепциям исторического прогресса было бы ошибочным, ибо и в них содержатся гуманистические начала, которые не могут не встретить понимания со стороны марксистской историографии. Такие критерии исторического прогресса, неизменно присутствующие в трудах либеральных историков, как возрастающий контроль человека над окружающей средой, увеличение средней продолжительности жизни людей, снижение детской смертности и рост образованности, женская эмансипация, увеличение времени на **отдых**, улучшение **материального** благосостояния, возрастание духовных потребностей людей, обладают общечеловеческой ценностью и служат объективными показателями при оценке эволюции любого общества. Критического анализа заслуживает не выдвигание этих критериев в качестве показателей прогрессивного исторического развития, а преуменьшение или отказ от выявления и признания противоречий исторического прогресса при капитализме, от неравномерного приобщения **разных** классов и слоев к результатам прогресса.

Противоречивые стороны либеральной концепции исторического прогресса проявляются, может быть, ярче всего в трактовках либеральными авторами британской истории. Вигская концепция истории Великобритании, проповедовавшая идею прогрессивного утверждения в историческом развитии нации принципов демократии и конституционализма, на современном этапе предстает в новом качестве. Если классическая вигская интерпретация представляла исторический опыт Великобритании как уникальное воплощение политической демократии, то неовигская интерпретация рассматривает британское государство и в качестве пионера социальной и экономической демократии, первого в мировой практике образца государства всеобщего благосостояния.

Тема развития Великобритании по пути государства всеобщего благосостояния стала одним из главных мотивов либеральной историографии еще с 1900-х годов. Известно, что возникновение государства всеобщего благосостояния в капиталистических странах увязывалось западными идеологами с использованием кейнсианских мероприятий государственно-монополистического регулирования в период после второй мировой войны. По британские либеральные историки попытались «удревнить» его национальный вариант и стали отыскивать его корни и истоки уже в викторианский период. Скромное социальное законодательство виктори-

анского периода, сводившееся по преимуществу к ограничению женского и детского труда и **легализации** рабочих организаций, было приравнено в либеральной **историографии** к закладке фундамента государства всеобщего благосостояния. Либеральные историки не обошли вниманием ни один, **даже** самый скромный, акт социально-экономического регулирования со стороны британского государства в XIX в. Критически оценивая все эти работы, мы не собираемся отрицать того, **что** британское государство викторианского периода, особенно такие его представители, как Пиль, Дизраэли и Гладстон, действительно первыми обратились к использованию либерально-реформистской политики воздействия на социальные отношения в капиталистическом обществе. Но масштабы этого воздействия, как и мотивы политических деятелей викторианской Англии, были истолкованы либеральными историками в апологетическом духе.

Сквозь призму развития и утверждения государства всеобщего благосостояния либеральными историками были рассмотрены история Великобритании начала XX в., межвоенные годы, современный этап. При этом проводилась та точка зрения, что именно Великобритания и британские идеологи и политические деятели подавали пример в утверждении новых, все более высоких образцов государства всеобщего благосостояния⁵⁵. В качестве его героев предстали Ллойд Джордж с его социальными реформами начала XX в., лорд Кейнс, выдвинувший в межвоенный период обоснование философии и программы государственного регулирования экономики, лейбористское правительство 1945—1951 гг., осуществившее мероприятия по введению системы государственного "медицинского обслуживания, помощи нуждающимся семьям.

Концепция развития государства всеобщего благосостояния со временем претерпевала определенную трансформацию. Ему был предъявлен более высокий счет: государством всеобщего благосостояния признавалось только **такое, которое** обеспечивало гарантированный прожиточный минимум как работающим, так и безработным, брало на себя заботу по обеспечению населения медицинским обслуживанием, жильем, субсидировало систему всеобщего образования. Создание фундамента государства всеобщего

⁵⁵ *Bruce M.* The Coming of the Welfare State. L., 1961; *MacDonald O.* A Pattern of Government Growth: The Passenger Acts and Their Enforcement. L., 1961; *Roberts D.* Victorian Origins of the British Welfare State. New Haven; L., 1960; *Ward J. T.* The Factory Movement 1830 -1855; L., 1962; *Henriques U. H. Q.* Before the Welfare State. Social Administration in the **Karl y** Industrial Britain. E., 1979; *Hoach J.* Social Reform in England, 1780-1880. L., 1978. *Gregg P.* The Welfare State. An Economic and Social History of Great Britain from 1945 to the Present Day. L., 1968; *Hay J. H.* The Development of the British Welfare State. 1880-1975. L., 1978; Twentieth-Century Britain. National Power and Social Welfare /Ed. H. R. Winkler N. Y.; L., 1976; *Check/and S.* British Public Policy 1776—1939. Cambridge, 1983; *French D.* British Economic and Strategic Planning, 1905—1945. L., 1983; *Beloff M.* Wars and Welfare: Britain 1914-1945. E., 1984-Founders of the Welfare State / Ed. P. Barker. L., 1984; *Harris J.* Unemployment and Politics: A Study in English Social Policy. 1856-1914. Oxford, 1984; Social Welfare in Britain 1885—1985 / Ed. R. Pope. L., 1980.

благополучия в связи с этим было отнесено к периоду пребывания у власти лейбористской партии в 1945—1951 гг.⁵⁷, а попытки обнаружить его основы на более ранних этапах британской истории были объявлены неубедительными. Признав приоритет лейбористской партии в создании государства всеобщего благополучия, либеральные историки были единодушны в том, что в дальнейшем оно развивалось на двухпартийной основе, обрело прочное независимое существование, неподвластное ветрам политических перемен.

Нельзя сказать, что либеральная концепция развития государства всеобщего благополучия в Великобритании вообще лишена социального критицизма. Ее выразители подчас раскрывают ограниченность — причем леволиберальные авторы делают это в весьма острой манере — социальной политики британского государства на различных исторических этапах. Но все они сходятся в том, что британское общество, развиваясь в направлении прогрессивного умножения социальных и экономических свобод своих сограждан, утвердило самое передовое и развитое государство всеобщего благополучия. Накопление конституционных и политических свобод, продолжавшееся с самого начала британской истории, привело, согласно либеральной историографии, к торжеству в стране в первой четверти XX в. политической демократии, а создание государства всеобщего благополучия дополнило ее демократией социально-экономической. При том, что весь этот процесс совершался в соответствии со схемой линейного прогресса — на основе постепенного и в целом безболезненного введения одной реформы за другой.

Совершенно очевидно, что современная либеральная концепция исторического прогресса, естественная наследница вигской концепции XIX в., отодвигает с авансцены истории классовую борьбу и классовые антагонизмы. При этом само существование классов либеральными авторами не отрицается, но их взаимоотношения трактуются совершенно иначе, нежели в марксистской и радикально-демократической историографии. Характерен анализ взаимоотношений классов в британской истории А. Марвиком, ведущим представителем центристского и наиболее влиятельного течения в либеральной историографии.

Марвик не считает приемлемой распространенную среди западных обществоведов замену понятия *классы* понятием *страты*. Дело в том, аргументирует он свою точку зрения, что исследователь британской истории, работая с источниками, постоянно наталкивается на сложившиеся исторически и укоренившиеся в сознании разных поколений британцев понятия *верхний класс*, *средний класс*, *рабочий класс*, а потому просто-напросто не может

обойтись без них⁵⁸. Принимая эти понятия, Марвик вместе с тем считает невозможным использовать для обозначения классов в Великобритании понятия *буржуазия* и *пролетариат*, которые, по его замечанию, являются по своему происхождению «континентальными». Либеральный историк дает очень широкие и весьма неопределенные дефиниции классов, полагая, что в отличие от «женщин, негров и католиков» классы не обладают четкими существенными признаками и проявляют себя по преимуществу как социально-психологические общности. Марксистская концепция классов для него неприемлема, на что прямо указывает и сам Марвик⁵⁹.

Концепция классов Марвика носит релятивистский характер: он полагает, что каждая новая историческая ситуация вызывает к жизни качественно иные классовые общности. Классовая теория Маркса, доказывает он, отталкиваясь от этого постулата, соответствовала исключительно историческим условиям второй четверти XIX в. Полемизируя с марксовой теорией классов, либеральный историк утверждает, что их взаимоотношения на протяжении большей части британской истории характеризовались не противоречиями и конфликтами, а компромиссами и сотрудничеством.

По мысли Марвика, каждый из британских классов имел эпоху наивысших достижений. Если XIX век, доказывает он, был веком подъема среднего класса, то в XX столетии наибольших успехов в укреплении материального благополучия достиг рабочий класс. Либеральный историк не считает, что рабочий класс в Великобритании слился со средним классом, но полагает, что в его стране, так же как и в США, эпоха конфликтов классов осталась в далеком прошлом, уступив место конфликтам рас, полов, этнических групп⁶⁰.

Своеобразные обобщения концепции классовых взаимоотношений в Великобритании в средние века, новое и новейшее время были сформулированы Г. Перкином, признанным авторитетом в изучении социальной истории. Главной разграничительной вехой в истории Великобритании Перкин объявляет промышленный переворот: до него социальная структура разделялась на сословия и внутрисословные «порядки», а после него разграничительные вехи пролегли между экономическими классами. Но и до и после промышленного переворота британская история, по Перкину, характеризовалась социальной гармонией и политической стабильностью. В средние века «горизонтальная солидарность» социальных слоев не имела реального значения, определяющими были «вертикальные узы» представителей верхних, средних и низших социальных групп, основывавшиеся на системе патроната и иерархической взаимозависимости. Как видно, Перкин совершенно не

⁵⁷ f% f f lny 8 P - , Bly V Bnd g A. Social History of England, P. 284; Morgan

Lt - Tu

xrord, 1984

PM ^H

^ o ,, r GovV

Marwick A. Class in the Twentieth Century. Brighton 1986 1>. 8.

r9 Marwick A. British Society since 1945. Harmondworth. 1982. P. 39, 41, Idem. Class in the Twentieth Century. P. 4—6.

<> Marwick A. British Society sin-.3 Vr'ib '.' " si.

приемлет относительно средних веков ни концепции классов, ни тем более классовых антагонизмов. Разногласия, по его схеме, возникали тогда внутри «горизонтальных слоев», т. е., пользуясь марксистской терминологией, внутри классов буржуазии, феодалов, крестьянства. Концепция классовой гармонии в Англии в средние века органически сочетается в схеме Перкина с концепцией английской исключительности: Англия, доказывает он, обладала большей социальной мобильностью, «была более открытым, более динамичным и одновременно более стабильным обществом, нежели любое континентальное государство» <?>. Основой же английской исключительности являлось наличие в стране «открытой аристократии»: это была не паразитирующая феодальная верхушка континентального образца, а предприимчивый агент экономических преобразований, который беспрерывно пополнял собой буржуазию и сам обновлялся, свободно вбирая в себя представителей непривилегированных сословий. Результатом было то, что в Англии не возникло почвы для кровавой революции, в отличие от Франции здесь произошла не политическая, а промышленная революция, основой же разительного отличия двух национальных историй стали «различающиеся социальные структуры» <?>.²

После промышленной революции, по мысли Перкина, в Англии оформляются классы, но отнюдь не классовые антагонизмы. Он отвергает «концепцию классов», согласно которой их складывание влечет за собой одновременно оформление и обострение классовых антагонизмов. Сам Перкин исповедует другое кредо: взаимоотношения развитых, накопивших исторический опыт классов исключают конфликты, строятся на компромиссе и консенсусе. Болезненная точка во взаимоотношениях классов, доказывает он, была пройдена в Англии на ранней стадии промышленной революции, начиная же со средневикторианского периода эти взаимоотношения приобретают цивилизованный и «институционализированный характер», осуществляясь через посредство промышленных переговоров, парламентских выборов и других мирных каналов. Способность контролировать и успешно регулировать социальные конфликты в целом и классовые в частности объявляется им основополагающим свойством развитых индустриальных обществ.

Суть взаимоотношений между верхним, средним и рабочим классами в Великобритании в новейшее время видится Перкину в их взаимном признании права друг друга на существование и успешном урегулировании посредством переговорных механизмов вопросов участия классов в распределении национального богатства и отправления политической власти. Великобритания, утверждает он, является первой страной, где классы «эксплуатируют друг друга» к взаимной выгоде, развиваясь в направлении высшего социального равенства и благоденствия. Если в стране

и сохраняются конфликты, то они, полагает Перкип подобно Марвику, существуют не между классами, а между «разными полами, поколениями и расами» <?>.¹

Концепции Марвика и Перкина типичны для либеральной историографии и свидетельствуют о ее противоречивости. Действительно, с одной стороны, либеральная историография ведет острую дискуссию с консервативными историками по теоретико-методологическим вопросам и ищет в этом поддержку у марксистской историографии. Но, с другой стороны, она же по целому ряду принципиальных вопросов занимает в отношении марксизма негативную позицию и фактически солидаризируется уже с консервативной историографией. Наибольшая смычка между либеральными и консервативными историками наблюдается по таким вопросам, как классовые взаимоотношения и классовые конфликты в истории, тенденции и закономерности рабочего движения, история партийно-политической системы.

Глава 3

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Понятия «научная история» и «новая история» возникают в историографии второй половины XX в. не впервые. На право именоваться школой «научной истории» претендовали во второй половине XIX в. последователи Л. фон Ранке, сводившие научные методы историографии в первую очередь к выявлению, наугад и верификации первоисточников. В первой четверти XX в. в США за создание школы «новой истории» выступили критики идеографизма, которые, как и нынешние поборники сциентизации историографии, требовали вооружить ее методами общественных наук. В 40—50-е годы идея создания «новой научной истории» проповедовалась французской школой «Анналов», которая в лице Ф. Броделя и его последователей подчеркивала особую важность исторической географии, исторической демографии и количественных методов исследования. В 50—60-е годы школой «научной истории» стали именовать себя американские клиометристы, которые намеревались написать новую экономическую историю при помощи количественных методов и создания всевозможных парадигм и моделей исторического процесса.

В 60—80-е годы движение за «новую историю» приобрело в западных странах универсальный характер, при этом оно обнаружилось как общие черты, так и национальные особенности. Общим был протест против фактографизма, теоретического волонтира-

¹ *ibid.* The Structured (> owd: Essay* in English Social History. Sussex, 1981.
ibid.

< *ibid.* P. 91. 98-99, 163

ризма традиционной историографии, призыв к выходу из кризисного состояния на основе усвоения и использования историками методов общественных наук, или, как стали говорить все чаще и чаще, междисциплинарной методологии. Национальные же особенности проявлялись в выборе историками разных стран тех или иных методологических средств. Например, в США на вооружение брались в первую очередь методы экономических наук, социологии, политологии, психологии, что привело к оформлению новой экономической, новой социальной, новой политической истории и так называемой психоистории. В Великобритании влияние клиометрии, политологии и психологии оказалось сравнительно несущественным, зато она испытала гораздо более сильное воздействие со стороны социологии, демографии и особенно социальной антропологии, что и определило облик главной школы британской междисциплинарной историографии — новой социальной истории.

Теоретические дискуссии между сторонниками традиционных и новых путей в британской историографии постепенно все более **перемещались** в плоскость дискуссии о соотношении и возможностях соединения классических методов историографии и междисциплинарной методологии. В работах либеральных историков, защищавших новые пути, тематика движущих факторов истории, направленности и закономерностей исторического прогресса, соотношения всемирной и национальной истории уступала место вопросам об исследовательских методах «новой истории» и ее специализации.

Отношение представителей «новой истории» к социологии подытожено и полно отражено в монографии кембриджского историка П. Верка «Социология и история». Историография и социология, отмечал он, традиционно испытывали друг к другу вражду: историки видели в социологах «абстракционистов», оперирующих отвлеченными, антиисторическими категориями относительно статичных общественных структур, а **социологи** рассматривали историков как коллекционеров фактов, не имеющих метода научного анализа и не способных ни анализировать, ни обобщать исследуемый материал. Но в действительности эти дисциплины, обладающие каждая «собственным языком, ценностями и стилем мышления», могут и должны дополнять друг друга: изменения, на которых акцентируют внимание историки, всегда структурированы, а структуры, находящиеся в поле зрения социологов, подвержены изменениям

Верк весьма убедительно показывает, как сектантская позиция, занятая в отношении социологии историографией, обедняла последнюю, причем это касается даже самых авторитетных ее представителей. Он приводил пример с Дж. М. Тревельяном, считающимся в Великобритании пионером в изучении социальной истории. Тревельяновский труд по социальной истории-, согласно

едкому, но справедливому замечанию **Верка**, это некое подобие антикварного магазина, в **котором в хаотичном**, лишенном логики порядке представлены самые разнообразные общественные экспонаты — семья, средства коммуникации, газеты, обычаи и нравы и т. д. Нет среди этих экспонатов только политических фактов и явлений, что вытекало из немудреного определения Тревельяном социальной истории как «истории, из которой изъята политика».

Социальная история, доказывал Верк, если она не хочет застыть на нарративно фактографическом уровне, должна позаимствовать методы социологии и стать социологизирующей историей. При этом кембриджский историк убеждает своих коллег, что освоение методов социологии не есть для историков нечто сверхъестественное и сверхтрудное, ибо они интуитивно давно использовали схожие методы, но только не осмысливали их теоретически. Например, А. Тойнби использовал характерный для социологии сравнительный метод изучения цивилизаций, который не дал убедительных позитивных результатов только по той причине, что знаменитый историк-эрудит не владел «адекватным концептуальным аппаратом» и допускал полный произвол в терминологическом и категориальном изложении открытых им явлений³. Традиционные историки, указывал Верк, встречая в штыки социологические методы моделирования и типологизации, в действительности активно пользуются вытекающими из этих методов понятиями *феодализм, просвещение, капитализм, классы*, но делают это стихийно, что ведет к понятийно-категориальному хаосу в исторических трудах.

Историки, по мнению Верка, стихийно использовали и основополагающие для социологии структурный и функциональный методы анализа. Примером тому может служить исследование наиболее авторитетными медиевистами монархии, церкви, парламента, гильдий, маноров в их взаимодействии и взаимовлиянии в рамках определенного хронологического периода.

Ознакомление со взглядами Верка не оставляет сомнений в том, что он отдает предпочтение методологии либеральной школы в социологии. Правда, кембриджский историк высоко оценивал и марксистский метод классового анализа, но тут же указывал, что он применим только при изучении эпохи утверждения промышленного капитализма. По убеждению Верка, классовый анализ не мог быть применен к докапиталистическим обществам, поскольку они разделялись на сословия, и к современным обществам, разделяющимся на страты и статусные группы. В конечном счете Верк предлагает изучать социальную историю на основе соединения двух моделей — «напряженности — конфликта» и «эволюции — приспособления». Первую модель Верк, не прибегая к какому-либо обоснованию, называл марксистской, а вторую — спенееровской⁴.

³ Пальпальная история Англии. \!.. 1959.

⁴ Burke J'. Sociology and History. P. 30—35.

Ibid. P. 62, 82, 92.

² Burke P. Sociology and History. L., 1980 P 3

Treutyan G. M. English Social History. L., 1944. Рус. пер.: Т pes e.,...,>, М Со-

Особенно важную роль в развитии «новой истории» в Великобритании сыграло заимствование методов и тематики из социальной антропологии. Смычка историографии и социальной антропологии произошла в значительной степени благодаря усилиям ведущих социальных антропологов К. Томаса, З. Званс-Причарда, А. Макфарлейпа, активно выступивших в пользу взаимодействия двух дисциплин^г. При этом британские антропологи возлагали ответственность за отчуждение между двумя дисциплинами на «амбициозную школу» британской социальной антропологии межвоенного периода, возглавлявшуюся }>. **Малиновским** и А. Р. Радклифф-Браупом. Эта школа, демонстрировавшая воинствующий антиисторизм и претендовавшая на родство социальной антропологии с естественными науками, воздела непреодолимый барьер между собой и историографией. Ее современный критик выступил за смычку социальной антропологии и историографии на основе освоения первой исторической тематики и заимствования второй методологии и проблем социальной антропологии.

Что же история могла позаимствовать у социальной антропологии? Во-первых, сторонники их интеграции указывали, что у социальной антропологии мог быть воспринят и употреблен для анализа **общественных связей целостно-комплексный метод анализа**, который та использовала применительно к собственному объекту исследования — локально ограниченному сообществам традиционного типа. Так были бы преодолены негативные следствия разделения **историков** на узких специалистов по политической, аграрной, военной, экономической истории. Во-вторых, у социальной антропологии должны были быть позаимствованы отработанные методы моделирования и типологизации разнообразных социально-общественных взаимосвязей — внутрисемейных и межсемейных, **внутрисоседских** и межсоседских и т. д. В-третьих, историография, ограничивавшаяся по преимуществу рассмотрением политических взаимосвязей, должна была включить в объекты изучения темы, исследуемые социальной антропологией в срезе современности, как-то: история детства, семьи, соседских, этнических и религиозных общин, меняющейся ментальности (мировосприятия) самых разных социальных групп и подгруппок. Если говорить коротко, социальные антропологи ориентировали историков на детализированное изучение повседневного опыта **исторически** меняющихся партикулярных социальных общностей^е.

Британская социальная **антропология** предложила **историографии не только новую исследовательскую ориентацию, но и** теоретико-методологическое основание, отработанное на основе «поле

рых исследований» различных этнических общностей. Истории предлагалось стать социальной **антропологией**, опрокинутой в прошлое. Совершенно очевидно, что подобное предложение со стороны ведущих **британских** социальных антропологов означало, что они не видели у историографии сколь либо солидного теоретико-методологического фундамента. Действительно, их признанный лидер Зване Иричард смог назвать только одну теоретически оснащенную историографическую **школу** — французских **последователей** «Анналов»⁷, которые как раз в 60--70-е годы стали приобретать социально-антропологическое «лицо».

Сегодня можно констатировать, что британская историография откликнулась на призыв к альянсу и с социологией и с социальной антропологией. Большое влияние на формирование новой историографии в Великобритании оказала также демография. В становлении и развитии «новой истории» можно выделить и последовательные этапы, на которых она испытала воздействие различных общественных наук. 60-е годы проходят под знаменем социологии и демографии, 70—80-е — под растущим влиянием антропологии, в это время наблюдается сдвиг интересов историков от изучения структурных изменений к исследованию ценностей, обычаев, моделей поведения и т. п.

Ведущей областью конкретно-исторических исследований «новой истории» в Великобритании стала социальная история, собравшая в фокусе главную проблематику современной исторической науки и превратившаяся в экспериментальную лабораторию нового исторического синтеза. Необходимо подчеркнуть своеобразие формирования «новой социальной истории» в Великобритании: она складывалась под воздействием двух источников — марксистской историографии, накопившей к 60—70-м годам огромный опыт в исследовании истории социальных, в первую очередь классовых, взаимоотношений, и современных общественных наук. При этом марксистская историография начала оказывать воздействие на возникновение нового направления в немарксистской историографии несколько раньше, и либеральные поборники «новой истории» открыто признавали ее достижения и приоритет в изучении социальной проблематики. Последующая тенденция развития немарксистской новой социальной истории заключалась, однако, в стремлении опереться на методы либеральных школ общественнознания, отсекая пуповину, связывавшую ее с марксистской историографией. Более того, многие представители немарксистской новой социальной истории, обретая теоретическую почву в методах социологии и социальной антропологии, попытались создать альтернативу марксистскому видению социальной истории, главное место в котором занимали классовые взаимоотношения и классовая борьба.

На современном этапе проблемы социальной истории в Великобритании активно исследуются как марксистской, так и не-

^г Evans-Pritchard E. E. Op. cit. P. 2.

^е Thomas A. History and Anthropology // Past and Present. 1903. N 24 Apr P 3-22; Zwan's-Pritchard E. E. Anthropology and History. Manchester, 1970; Macfarlane N. Social History // Social History. 1977.

⁷ Evans-Pritchard E. E. Op. cit. P. 3. 5, 15-16; Macfarlane A. Op. cit. P. 632, 1133. ; III

марксистской историографией. При этом марксистские и близкие к ним исследователи также осваивают междисциплинарную методологию, более того, именно они часто выступали пионерами ее применения в конкретно-исторических исследованиях. Не случайно первооткрывателями новой социальной истории в Великобритании многие считают Э. П. Томпсона, Дж. Рюде, Э. Хобсбоума, которые еще в конце 50-х — начале 60-х годов использовали методы социальной антропологии, психологии и демографии в изучении народных движений. Принципиальное отличие между современной марксистской и немарксистской историографией заключается в том, что первая органически сочетает междисциплинарную методологию с классовым анализом, а вторая обнаруживает тенденцию абсолютизировать значение междисциплинарной методологии, преуменьшить или вообще проигнорировать роль межклассовых взаимоотношений и противоречий.

Впрочем, данная оценка различия между марксистской и немарксистской историографией имеет характер общей схемы, которая не означает, что последняя представляет собой некое одномерное направление. Напротив, в рамках немарксистской историографии налицо серьезные различия между нраволиберальным, либеральным и радикально-демократическим направлениями. Несмотря на применение ими сходных методик и технических приемов при изучении социальной истории, теоретико-методологические и идейно-политические разногласия обусловили и различные подходы к содержанию, задачам исследования и общественной функции новой социальной истории. Социальная история как объективно сложившаяся во второй половине XX в. структурная часть научного исторического знания приобретала в конкретно-исторических работах — в зависимости от мировоззренческих и методологических установок авторов — разное смысловое значение.

В современной немарксистской историографии произошло относительное разграничение в изучении главных сфер социальной истории. Ираволиберальное крыло новой социальной истории отдает явное предпочтение изучению устойчивых общественных структур, подструктур и институтов, рассматривая их исследование как самоцель. Ливолиберальные и радикально-демократические историки, выступая с позиций критики истеблишмента, уделяют основное внимание разработке проблем массового поведения (в том числе соотношения стихийности и сознательности) и массового сознания на разных его уровнях. Важным отличием демократического крыла новой социальной истории является то, что в качестве главного объекта социально-исторического исследования его представители выдвигают деятельность народных масс на различных этапах истории, их революционные возможности и особенности самосознания*.

Различия между направлениями **попои** социальной истории проявляются и в определениях **ими** предмета исследований. Ведущие их представители согласны в том, что социальная история должна эволюционировать в направлении тотальной истории или истории общества, рассмотренной с социальной точки зрения, но при этом наполняют ее структуру различным содержанием.

Г. Перкин, представитель правого крыла новой социальной истории, выдвинув тезис о том, что социальная структура общества гораздо богаче и разнообразнее' классовой структуры, дробит ее затем на части, в которых «рассасываются» и поглощаются антагонистические классы. Главным «обобщающим» объектом социальной истории, по Перкину, является народонаселение, которое должно изучаться в связи с его географическим и возрастным «распределением», а также социальным и профессиональным разделением, которое опредмечивается в «комплексе ассоциаций — семье, церкви, гильдиях, сословии, школе, больнице, мастерской, клубе, профсоюзе, а также на заводе и в политической партии». Осуществив эту всестороннюю дифференциацию населения, исследователь тотальной социальной истории должен далее изучить, как функционирует структура общества, как она воспроизводит себя, осуществляет социальный контроль и защищает себя от неприемлемых структурных изменений, передает свои познания, опыт и идеалы от поколения к поколению. Он должен проанализировать социальное содержание и последствия развития сельского хозяйства, промышленности, торговли, распределения прибыли и капитала, деятельности правительства и состояния законодательства, образования, общественной морали во всех их разнообразных формах — религия, общественная и научная мысль, литература, музыка, искусство, спорт, игры, досуг и увлечения. Эта социальная тотальность должна постигаться на основе методов демографии, социологии, социальной антропологии и психологии⁹. В концепции социальной истории Перкина доминирует структурно-функциональный и эволюционистский подход.

П. Верк перечисляет составные компоненты социальной истории в такой последовательности: 1) отношение общества к его природному окружению; 2) структуры общественного целого и социальных взаимоотношений; 3) история повседневной жизни; 4) история частной жизни; 5) история социальных общностей и социальных конфликтов; 6) история общественных классов; 7) история социальных групп, рассмотренных в качестве самостоятельных единиц и в их взаимозависимости¹⁰. Со схожих позиций определяет структуру тотальной социальной истории Э. Вриггс¹¹. А. Марвик выделяет в социальной истории 10 со-

rections in the Modern History. I.; N. Y., 1984. P. 6-7, 82-86; Essays in Social History / Ed. P. Thane, A. Sutcliffe. Oxford, 1986. Vol. 2. Introduction, **я** Perkin H. The Structured Crowd: Essays in English Social History. Sussex, 1981. P. 7-13.
¹¹ Burke P. Sociology and History. P. 13, 30-31.
и Briggs A. A Social History of England. L., 1983. P. 8.

⁸ People's History and Socialist Theory / Ed. R. Samuel. L., 1981; Recent Views on British History: Essays in History Writing- since 1966 / Ed. G. Iggers. N. Y., 1984. P. 88-90, 199-200; Tosh J. The Pursuit of History: Aims, Methods and New Di-

ставляющих: «1) социальная география, включая природное окружение, демографию, народонаселение, развитие городов и пригородов, расположение промышленности и т. д.; 2) экономические и технологические изменения, включая обновление науки и техники, как и изменение характера труда; 3) социальные классы и социальные структуры; 4) социальная сплоченность (в какой степени объединена нация и насколько ослабляют единство расовые, национально-этнические или половые различия?); 5) общественное благосостояние и социальная политика, материальные условия; (>) обычаи и поведение; 7) семья; 8) социальные отклонения и поддержание законности и порядка; 9) изменения в интеллектуальной сфере (включая науку) и развитие искусства; 10) социальные и политические ценности, институты и идеи»¹².

В сравнении со структурой социальной истории трех ведущих немарксистских историков структура, предложенная историком-марксистом Э. Хобсбаумом, выглядит гораздо более компактно, в ней преобладают факторы, подчеркивающие роль народных масс, классовых и социальных конфликтов в истории¹³. Но главное, что отличает марксистскую историографию, это признание главенствующей роли способа производства и производственных отношений, формирующихся на основе их взаимодействия общественно-экономических формаций, в то время как для либеральных историков характерно следование теории плюрализма и равенства факторов, утверждение неизменности отношений «господства-подчинения» и признание своеобразного консенсуса основных слоев и классов как в феодальном, так и в буржуазном обществе.

В работах немарксистской новой социальной истории, как правило, содержится идея прогресса, но преломляется она через призму концепций *модернизации* и *индустриального общества*. Независимо от пространственно-временных масштабов объект исследования органично встраивается в ставшую привычной историко-социологическую схему: доиндустриальное (традиционное) общество — общество эпохи промышленной революции — индустриальное общество. Согласно этой схеме, британское общество развивалось от «бесклассового» или «одноклассового» общества доиндустриальной эпохи («мира, который мы потеряли», по образному выражению П. Ласлетта), где абсолютно доминировали иерархические, вертикальные связи, к поляризованному многоклассовому индустриальному обществу с преобладанием горизонтальных связей¹⁴.

История доиндустриального общества разрабатывается как на макро-, так и на микроуровне. Наряду с изучением социальных

структур в масштабах страны историки детально исследуют локальные общества в пределах графства, города, сельского прихода, деревни. Таким образом, изучение состояния общества доиндустриальной эпохи ведется с разных точек зрения: не только сверху, сквозь призму социальных структур (П. Ласлетт, Л. Стоун, П. Портер, А. Эверитт и многие другие), но и снизу, через быт, поведение и сознание простых людей в местных городских и сельских обществах (М. Спаффорд, Д. Хей, П. Корфилд и др.). В их работах общество XVII—XVIII вв. предстает как конгломерат местных сообществ с региональными и локальными особенностями, различиями его членов по социальному положению, стилю жизни, мышлению, языку. Помимо локализма, авторы отмечают как неотъемлемую черту общества начала нового времени высокую социальную мобильность, которая придает ему необходимый динамизм, способность к эволюции и качественным переменам¹⁵.

В работах социальных историков в качестве ядра локального общества выступают семья и ее важнейшие слагаемые (мужчины, дети, женщины, пожилые люди). Всесторонне исследуются **структура** семьи и домохозяйства, семейные подструктуры и механизм отношений между ними, сеть родственных и соседских связей, окружающих семью, положение семьи и ее отдельных членов и т. п., активно разрабатываются исследовательские приемы и концептуальный аппарат для анализа структуры семьи различных социальных уровней¹⁶.

Стремление социальных историков рассматривать доиндустриальный период не как застывшее время, а как эпоху медленных, но неуклонных перемен ведет их к активным поискам элементов ломки тех структур, которые внешне выглядят неподвижными,

is *Laslett P.* The World We Have Lost. N. Y., 1966; *Stone L.* The Crisis of Aristocracy, 1558-1641. L., 1967; *Idem.* Social Mobility in England, 1500 -1700 // Past and Present. 1966. N 33. P. 16—55; *Kveritt A.* Social Mobility in Modern England // Ibid. P. 56—73; *Idem.* Change in Provinces: The Seventeenth Century. Leicester, 1969; *Spufford M.* Contrasting Communities: English Villagers in The Sixteenth and Seventeenth Centures L., 1974; *Hey D.* An English Rural Community: Myddle under the Tudor and Stuarts. Leicester. 1974; *Corfield P.* The Impact of English Towns, 1700-1800. Oxford, 1982; *Porter H.* English Society in the Eighteenth Century. L., 1983; *Dyer A.* The City of Worcester in the Sixteenth Century. Leicester, 1973; *Phytian-Adams Ch.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979; *Wrightson K.* English Society 1580—1680; L., 1982; *Howell C.* Land, Family and Inheritance in Transition. Kibworth Harcourt, 1280—1700. Cambridge, 1983; *Boulton J.* Neighbourhood and Society: a London suburb in the Seventeenth Century. Cambridge, 1987.

» *Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800. N. Y., 1977; *Thompson H.* Women in Stuart England and America: A Comparative Study. I., 1974; *Pinchbeck I., Hewitt M.* Children in English Society. Vol. 1. From Tudor Times to the English Century. L., 1969; *Smith S.* The London Apprentices as Seventeenth-Century Adolescents // Past and Present. 1972. N 72. P. 25-54; *Macfarlane A.* The Family Life of Ralph Josseline, a Seventeenth-Century Clergyman. Cambridge, 1970; *Idem.* Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300-1840. Oxford, 1986. Household and Family in Past Time / Ed. P. Laslett, R. Wall. Cambridge, 1972; Family Life and Illicit Love in Earlier Centuries / Ed. P. Laslett. Cambridge, 1977; Family Forms in Historic Europe / Ed. R. Wall, J. Robin, P. Laslett. Cambridge, 1983.

¹² *Marwick A.* British Society Since 1945. **Harmondsworth**, 1982. P. 19-20.

¹³ *Hobsbawm E. J.* From Social History to History of Society // Daedalus. 1971 Vol. 100, N 1. P. 20-45.

¹⁴ *Popular Culture in Seventeenth-Century England* / Ed. B. Reay. L., 1985. P. 17—18; *Perkin H.* The Structured Crowd. P. 32-43; *Order and Disorder in Early Modern England* / Ed. A. Fletcher, J. Stevenson. Cambridge, 1985. introduction.

стабильными. Соответственно этому интенсивно изучаются многообразные компоненты, характеризующие повседневную жизнь человека и его сознание в начальный период нового времени. Они рассматриваются как факторы, стимулирующие глубинные социальные изменения в обществе (рождаемость, брачность, смертность, голод, болезни, эпидемии, нищенство, бродяжничество, социальная мобильность и пр.). Эти темы разрабатываются на основе данных и методик исторической географии, исторической демографии, экономической истории, социальной антропологии¹⁷. Процессы, развивающиеся внутри социальных групп, чаще всего исследуются в отрыве от сюжетов традиционной либеральной историографии, акцентировавшей внимание на перипетиях религиозно-политической борьбы в XVII в. и парламентском противоборстве партий в XVIII в. Они рассматриваются в контексте «длительного времени» и характеризуются как процессы, составляющие суть изменений в обществе.

В 70—80-е годы значительно выросло внимание социальных историков к разработке проблем истории массового сознания и народной культуры доиндустриальной эпохи. Огромное влияние на содержание проблематики оказали труды историков, придерживающихся марксистской методологии, прежде всего К. Хилла и Э. И. Томпсона. Основные направления изучения «народной культуры» были заложены работами К. Томаса, А. Макфарлейна, П. Верка и др. Преимущественно на основе социально-антропологического подхода и использования фольклорных и локально-исторических источников они воссоздавали сложный, противоречивый мир чувств, верований, образов, в котором пребывала громадная масса людей доиндустриального общества. Эти историки ввели в научный оборот большой источниковый материал, характеризующий особенности духовной жизни низших слоев английского общества, уровень их грамотности, язык, знание окружающей природы, многообразные проявления социальной активности. «Народная культура» трактовалась расширительно, как культура неэлиты, представляющая собой систему разделяемых абсолютным большинством общества понятий, ценностей, позиций, символов. Народная культура предстает как устная, визуальная, ритуальная

культура, в значительной мере определяемая интеллектуальной гегемонией господствующих социальных групп. Ей, как и всему доиндустриальному обществу в целом, присущ локализм. Этот феномен обуславливает существование внутри народной культуры множества градаций соответственно социальному статусу, занятиям, образованности ее носителей. Изучение проблем народной культуры соединяется, как правило, с исследованием особенностей народной идеологии XVI—XVIII вв. Особое внимание авторы уделяют вопросам народной этики, морали, религии. Мир народной культуры тесно увязывается с массовыми социальными движениями доиндустриальной эпохи и умонастроениями их участников¹⁸.

В 70—80-е годы заметно усилилась разработка проблем истории промышленного переворота и формирования британского индустриального общества. Вокруг этой темы развернулись острые и продолжительные дискуссии, причем на общее содержание исследований по данной проблематике и направление дискуссий громадное воздействие оказывали экономические и социально-политические процессы, развивавшиеся в современной Великобритании.

Изучение социальных аспектов промышленного переворота в британской исторической науке восходит к концу XIX—началу XX в. В либеральной и радикально-демократической историографии (У. Кеннингем, А. Тойнби, В. и С. Вебб, Дж. и В. Хаммонд) промышленный переворот трактовался как резкий разрыв с прежним обществом, быстрая ломка всех сторон социальной жизни, приведшая к ухудшению материального положения трудящихся классов и обострению социальных противоречий в стране¹⁹. С тех пор интерпретация содержания этого периода неоднократно менялась. В первой половине XX в. в условиях утраты Великобританией мировой промышленной монополии и возрастания депрессивных явлений в ее экономике в немарксистской историографии возобладала умеренная оценка промышленного переворота (Дж. Клэпем, Э. Липсон, А. Редфорд, Т. Эштои и др.). Историки акцентировали основное внимание на элементах преемственности, континуитета в эпоху промышленного переворота, стремились показать постепенность и неравномерность перемен в британском обществе. Характеристика промышленного переворота как явля-

Population and Social Change / Ed. D. Glass, R. Revell. L., 1972. P. 287-320; *Appleby A.* Famine in Tudor and Stuart England. Stanford, 1978; *Rural Change and Urban Growth, 1500—1800: Essays in English Regional History in Honour of V. Hoskins* / Ed. C. Chalklin, M. Havinden. L., 1974. P. 54-75; *Walter J., Wrightson K.* Dearth and the Social Order in Early Modern England // Past and Present. 1976. N 71. P. 22-42; *Crisis and Order in English Towns, 1500-1700* / Ed. P. Clark, P. Slack. L., 1972; *Wrightson K., Levine D.* Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525-1700. N. Y., 1979; *Slack P.* The Impact of Plague in Tudor and Stuart England. L., 1985; *Idem.* Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L.; N. Y., 1988; *The World We Have Gained. Histories of Population and Social Structure* / Ed. L. Bonfield, R. M. Smith, K. Wrightson. Oxford, 1986; *Dyer Chr.* Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989; *Famine, Disease and Social Order in Early Modern Society* / Ed. J. Walter, R. Schofield. Cambridge, 1989.

1) *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. L., 1971; *Idem.* Man and the Natural World. L., 1983; *Macfarlane A.* Witchcraft in Tudor and Stuart England: A Regional and Comparative Study. L., 1970; *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1975; *Popular Culture in Seventeenth-Century England; Cressey D.* Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980; *Religion and Society in Early Modern Europe, 1500-1800* / Ed. K. von Greyerz. L., 1984.
 2) *Cunningham W.* The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times. Cambridge, 1907; *Toynbee A.* Lectures on the Industrial Revolution in England. L., 1984; *Webb S., Webb B.* The History of Trade-Unionism. L., 1911; *Hammond Y., Hammond B.* The Town Labourer, 1768-1832; *The New Civilisation.* L., 1917; *Idem.* The Rise of Modern Industry. L., 1925.

нин, которое вписывалось в циклическое развитие капитализма, предопределила изучение не столько проблем бедности и социального неравенства, сколько проблемы безработицы»¹. До середины XX в. в изучении социальных аспектов промышленного переворота **первенствовали экономические** историки. Это во многом объяснялось тем, что социальная история как дисциплина британской исторической пауки находилась еще в процессе становления.

В 50—60-е годы под влиянием развернувшейся **научно-технической** революции и создания разветвленного механизма ГМК **широкое** распространение в общественных науках получили теории экономического роста и создания государства всеобщего благосостояния. Это обусловило преимущественно экономическое **объяснение** социальных процессов эпохи промышленного переворота. Промышленный переворот стал трактоваться как позитивный пример устойчивого экономического роста, следствием которого наступало неизбежное преодоление бедности и социального неравенства **21**.

В 60-е годы организационное и концептуальное оформление социальной истории в самостоятельную дисциплину стимулировало научную разработку тех социальных аспектов эпохи промышленного переворота, которые оставались в тени. Экономическими и социальными историками на новой основе; была возрождена интерпретация промышленного переворота как полного разрыва с прошлым. Историки либерального направления обратились к исследованию причин быстрого экономического роста Великобритании в конце XVIII—первой половине XIX в. («почему Великобритания была первой») и масштабов социальных преобразований в британском государстве и обществе. Э. Бриггс, Г. Перкин и другие полагали, что этот период характеризовался коренными изменениями в социальной структуре, общественных институтах, государстве, образе жизни, мышлении отдельных социальных групп и слоев²². Таким образом, проблематика истории промышленного переворота и становления индустриального общества в Великобритании стала формироваться в соответствии с развитием новой социальной истории.

- " Clapham I. An Economic History of Modern Britain. Cambridge, 1926—1938. Vol. 1-3; Upson E. The Economic History of England. L., 1931. Vol. 1—3; Bedford A. The Economic History of England, 1760 - 1860. L., 1931; Ashton T. The Industrial Revolution, 1760-1830. L., 1948.

Rostow W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953; *Idem*. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Flinn M. The Origins of the Industrial Revolution. L., 1966; The Causes of the Industrial Revolution in England / Ed. R. Hartwell. L., 1967; Hartwell R. The Industrial Revolution and Economic Growth. L., 1971; Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of Britain, 1700—1914. L., 1969.

²² Briggs A. The Age of Improvement, 1783-1867. 1st ed. L., 1959; *Idem*. Victorian Cities. L., 1963; Perkin H. The Social Causes of Industrial Revolution // The Structured Crowd. P. 28—43; *Idem*. The Origins of Modern Society, 1730—1880 L. 1969; *Idem*. The Age of Railway. L., 1970; Arkell T. Britain Transformed. The Development of British Society since the Mid-Eighteenth Century. Harrnondsworth

Историки либерального направления обращали главное внимание на изучение базовых социальных структур и институтов эпохи промышленного переворота, оперируя данными количественного анализа и исторической демографии²³. Исследователи, принадлежащие к радикально-демократическому и марксистскому направлениям, проявляли интерес в основном к трудящимся классам, их положению, настроениям, деятельности. Именно на период 60-х годов приходится рождение новой рабочей истории и ее организационное оформление в университетах и обществах. Центральными сюжетами ее разработок стали социальные аспекты промышленного переворота и влияние переворота на судьбы рабочего класса, его активность и сознание. В полемике с марксистской историографией либеральные историки развивали оптимистическую концепцию промышленного переворота, суть которой заключалась в том, что он в конечном счете привел к значительному повышению жизненного уровня трудящихся и обусловил принципиальное изменение их поведения — от слепого бунта к консенсусу с правящими классами (Т. Эштон, Р. Хартвелл и др.). Это утверждение породило в 1957—1964 гг. дискуссию между либеральными историками и историками марксистского направления, которая длительное время велась на страницах исторических журналов и нашла отражение в конкретных исследованиях по истории промышленного переворота²⁴.

В 60-е—начале 70-х годов объектом всестороннего изучения стали социальные последствия промышленного переворота — условия труда и быта трудящихся классов, формы социального протеста масс и особенности их сознания. Эти вопросы рассматривались в тесной связи с ростом народонаселения, миграционными процессами и другими демографическими изменениями в ходе индустриализации и урбанизации. В то же время заметно возрос интерес историков к изучению самой «среды обитания» трудящихся как на микро-, так и на макроуровне (семья, локальная социальная группа, мастерская, фабрика, город, графство и пр.)²⁵. В конечном счете усиленная разработка проблематики

²³ Drake M. Population in Industrialisation. L., 1969; Flinn M. British Population Growth 1700—1850. L., 1970; Habakkuk H. Population Growth and Economic Development since 1750. Leicester, 1971; The Victorian City: Images and Realities / Ed. H. Dyos, M. Wolff. Vol. 1—2. L., 1973; Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries / Ed. P. Laslett. Cambridge, 1972; Nineteenth Century Society: Essays in the Use of Quantitative Methods for the Study of Social Data / Ed. E. Wrigley. Cambridge, 1972; The Standard of Living in the Industrial Revolution / Ed. A. Taylor. L., 1975.

²⁴ Подробнее см.: Ерофеев Н. А. Английская буржуазная историография о социальных последствиях промышленного переворота // Новая и новейшая история. 1983. № 2.

²⁵ Briggs A. Victorian Cities. L., 1968; The Victorian City: Images and Realities / Ed. H. Dyos M. Wolff. L., 1973. Vol. 1-2; Armstrong A. Stability and Change in an English County Town: A Social Study of York, 1801-1851. Cambridge, 1974; The History of Working-class Housing: a Symposium / Ed. S. Chapman. Newton Abbot, 1971; Tarn J. Working-class Housing in Nineteenth-Century Britain. L., 1971;

промышленного переворота на основе междисциплинарных подходов привела к появлению в 60-е—начале 70-х годов множества работ по демографической, социальной, городской, аграрной, локальной истории конца XVIII—XIX в., а также исследований сравнительно-исторического характера²«. Продолжающаяся в историографии дискуссия между оптимистами и пессимистами²⁷ обусловила детальную разработку проблемы жизненного уровня пролетариата и новое обращение к социальным аспектам бедности и благосостояния в эпоху промышленного переворота. Среди многочисленных работ по этой тематике значительное место отводилось рассмотрению законодательства о бедных и других социальных реформ первой половины XIX в., трактовавшихся в виде прагматической политики правящих партий и средств разрешения противоречий в классово-поляризованном британском обществе²⁸. Новое звучание в историографии промышленного переворота приобрели работы по истории преступности, которые изучались рядом социальных историков как прямое следствие изменившегося материального положения трудящихся, развития массовой бедности и нищеты²».

Многие либеральные историки 60-х—начала 70-х годов (Г. Перкин, М. Томис и др.), оценивавшие эпоху промышленного переворота через призму теорий «экономического роста» и государства всеобщего благосостояния, отстаивали его оптимистическую интерпретацию и объясняли социальные бедствия трудящихся классов временными издержками капитализма на ранней фазе его развития. Основной их вывод сводился к тому, что в процессе промышленного переворота в Великобритании сложилось и стало

успешно функционировать динамично стабильное общество. С этих позиций рассматривалось и последующее социально-экономическое развитие страны, а также рабочее движение второй половины XIX—начала XX в.³»

Но к середине 70-х годов возобладавшая на время оптимистическая трактовка промышленного переворота оказалась серьезно подорванной глубокими экономическими потрясениями, которые пережили Великобритания и весь капиталистический мир. Тому же содействовало массовое разочарование в возможностях ГМК и формирование неоклассической модели экономического и социального управления, предложенной консерваторами. Эти процессы обусловили подъем борьбы британского пролетариата за свои экономические права и кризисные явления в лейбористской партии. В Великобритании получили распространение новые историко-социологические теории. В этот период в историографии начался очередной пересмотр концепции промышленного переворота и его социальных последствий.

В свете современного процесса деиндустриализации (разрушение экономической структуры, ориентированной на промышленные отрасли; резкое увеличение сектора услуг; сокращение численности пролетариата, занятого в промышленном производстве; превращение страны в государство-рантье и т. п.) промышленный переворот стал трактоваться как феномен, который имел ограниченный характер. Историки вновь вернулись к идее континуитета, градуализма, постепенного вращивания старых социальных структур в новые и сохранения традиции, незавершенности социальных перемен в XIX в. В итоге повысилось внимание к изучению пределов экономических и общественных перемен в отдельных регионах, графствах, городах страны в результате промышленного переворота и сдвинулись его хронологические рамки. Завершение промышленного переворота многие историки 80-х годов относят не к середине XIX в., а к началу XX столетия. Таким образом, промышленный переворот представляется в концепции британской истории, предлагаемой новейшей немарксистской историографией, как часть длительного, эволюционного процесса, а не как резкий, внезапный разрыв с прошлым, а рубеж XIX и XX вв. — как завершающая фаза промышленного переворота, которая действительно изменила классовую структуру британского государства и создала основы нового общества³¹.

✧ *Thomis M.* The Town Labourer and the Industrial Revolution. L., 1974; *Idem.* Responses to Industrialisation: the British Experience, 1780—1850. Newton Abbot, 1976; *Habakkuk H.* Population Growth and Economic Development since 1750. Leicester, 1971; *Checkland S.* The Rise of Industrial Society in England, 1815—1885. N. Y., 1964; *Harris J.* Unemployment and Politics: A Study in English Social Policy 1880-1914. Oxford, 1972.

³¹ *The Economic History of Britain since 1700* / Ed. R. Floud, D. McCloskey. Cambridge, 1981. Vol. 1-2; *Musson A.* The Growth of British Industry. L., 1978; *Weiner M.* English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850—1890. Cambridge, 1981; *Pollard S.* Peaceful Conquest: the Industrialization of Europe, 1760—1970. Oxford, 1981; *The Birth of the Consumer Society: the Commercial Revolution*

Gauldie E. Cruel Habitations: a History of Working-class Housing, 1780—1918. L., 1974; *Burnett I.* A History of the Cost of Living. Harmondsworth, 1969; *Anderson M.* Family Structure in Nineteenth-Century Lancashire. Cambridge, 1971; *Malcolmson R.* Popular Recreations in English Society, 1700 -1850. Cambridge, 1973; *Household and Family in Past Time* / Ed. P. Laslett. Cambridge, 1972 etc.

²¹ *Population in History: Essays in Historical Demography* / Ed. D. Class, D. Everstley. Ij., 1965; *Nineteenth-Century Society*; *Horsley P.* Eighteenth-Century Newcastle. Newcastle, 1971; *The Victorian City: Images and Realities* / Ed. H. Dyos, M. Wolff. L., 1973. Vol. 1-2.

²⁷ О ходе дискуссии см.: *Калинин А. А.* Современная буржуазная историография о причинах бедности в XIX в. М., 1982; *Elsler J.* Optimism and Pessimism in the Discussion of the Standard of Living during the Industrial Revolution // Report of the Fourteenth International Congress of Historical Sciences. N. Y., 1977.

²⁸ *The Concept of Poverty* / Ed. P. Townsend. L., 1970; *Inglis B.* Poverty and the Industrial Revolution. L., 1971; *Smith N.* Poverty in England, 1601—1936. Newton Abbot, 1972; *Buer M.* Health, Wealth and Population in the Early Days of the Industrial Revolution. L., 1968; *Blaug M.* The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // Journal of Economic History. 1963. Vol. 23; *Huzel J.* Maltus. the Poor Law and Population in Early Nineteenth-Century England // The Economic History Review. 1969. Vol. 22; *Oxley G.* Poor Relief in England and Wales 1601-1834. Newton Abbot, 1974.

²⁹ *Tobias J.* Nineteenth-Century Crime: Prevention and Punishment. L., 1972; *Beattie J.* The Pattern of Crime in England, 1660-1800 // Past and Present. 1974. N 62; *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth-Century England* / Ed. D. Hay et al. N. Y., 1975; *Crime in England, 1550-1800* / Ed. I. Cockburn. L., 1977.

В конце 70-х — 80-е годы в историографии промышленного переворота и становления индустриального общества возобладали социокультурный и социально-психологический подходы. Научные интересы социальных историков сместились к изучению общественных отношений в непродуцирующей сфере, организации потребления и досуга, культуры и ценностных ориентации различных слоев общества, массового обывательского сознания³². Это обусловило их повышенное внимание к составлению «биографии общественного класса» (по выражению Э. П. Томпсона). Социальным историкам либерального направления принадлежит преимущественная разработка проблемы вклада земельной аристократии и средней сельской буржуазии в формирование британского индустриального общества. Они же интенсивно исследуют структурные изменения на протяжении XIX в. внутри городского среднего класса, который, по их мнению, определял облик викторианского общества в целом³³.

С середины 70-х годов заметно повысилось внимание и к исследованию внутренней динамики структуры рабочего класса в период формирования индустриального общества. Особое место в этой проблематике заняли так называемые маргинальные слои британского пролетариата — женщины и разорившиеся низшие категории среднего класса. Предметом комплексного исследования стали проблемы вовлечения новых отрядов трудящихся в машинное капиталистическое производство, изменения условий жизни, психологии, культуры этих слоев, а также их влияния на рабочий класс в целом³⁴. На первый план выдвинулось изучение источников пассивности рабочего класса в британском индустриальном обществе, все чаще акцентировалось внимание на тяготении верхушки промышленного пролетариата к консенсусу с господствующими классами во второй половине XIX в.³⁵

of the Eighteenth Century / Ed. J. Plumb. L., 1979; *Berg M.* The Age of Manufactures: Industry, Innovation and Work in Britain, 1700-1820. Oxford, 1985; *Cannadine D.* The Past and the Present in the English Industrial Revolution 1880—1980 // Past and Present. 1984. N 103. P. 159-167.

•42 *Bailey P.* Leisure and Class in Victorian England. L., 1978; *Cunningham H.* Leisure and the Industrial Revolution. L., 1980; *Popular Culture and Custom in Nineteenth-Century England* / Ed. R. Storch. L., 1982; *Popular Culture and Class Conflict, 1590-1914* / Ed. E. Yeo, S. Yeo. N. Y., 1981; *Johnson. P.* Saving and Spending: the Working-class Economy in Britain, 1870-1939. Oxford, 1985.

*• Elites and Power in British Society / Ed. P. Stanworth et al. L., 1974; *Mingay G.* The Gentry: the Rise and Fall of a Ruling Class. L., 1976; *Rubinstein W.* Wealth, Elites and the Class Structure of Modern England // Past and Present, 1977. N 76.

3* *The Rights and Wrongs of Women* / Ed. .I. Mitchell, A. Oakley. L., 1976; *Alexander S.* Women's Work in Nineteenth-Century London: A Study of the Years 1820—1850. L., 1983; *Holcom.be L.* Victorian Ladies at Work: Middle-Class Working Women in England and Wales, 1850-1914. Hamden, 1973; *Bees B.* The Victorian Lady, 1837-1901. L., 1977; *A Widening Sphere: Changing Roles of Victorian Women* / Ed. M. Vicinus. L., 1980; *The Lower Middle Class in Britain, 1870-1914* / Ed. G. Crossick. L., 1977; *Shopkeepers and Master Artisans in XIX-Century Europe* / Ed. G. Crossick. L.; N. Y., 1984.

•▷ *Winter I.* Labour History and Labour Historians // The Working Class in Modern

На исследованиях социальной истории современного капитализма лежит отчетливая печать **еще одной** мощной западной социологической концепции «массового общества». Ее влияние в полной мере проявилось в монографии Л. Марвика, специально посвященной современной социальной истории Великобритании³⁶. Хотя Марвик признает наличие в современной Великобритании социальных классов — верхнего, среднего и рабочего, она все же предстает в качестве унифицированного индустриального массового общества, в котором в результате стремительного роста благосостояния, распространения социальных и политических прав размывается классовая и складывается массовая идеология и культура. Главными ценностями массового общества и культуры являются хорошо оплачиваемая должность (в том числе рабочие места), комфортные условия проживания и в целом существования, высокий уровень потребления промышленных и продовольственных товаров, хороший отпуск, отдых и досуг. Широкая доступность ценностей массового общества и ориентация на них всех социальных классов фактически устраняют конфликты между ними.

Особенно подробно в книге Марвика, что также характерно для немарксистской социальной историографии современности, освещается тема сексуальной культуры. Эта тема разбита на ряд подтем: сексуальное поведение, секс до вступления в брак, наслаждение от секса, двойной стандарт в сексе, эмансипация женщины, неравенство в сексе, дозволенность в сексе, ослабление цензуры на изображение секса в литературе и кино, важность брака, внебрачные половые связи, первый сексуальный опыт подростков, количество партнеров в сексе. В целом тема секса рассмотрена с гораздо большей полнотой, нежели, скажем, тема взаимоотношений между классами или расово-этническими группами.

Интерес Марвика к теме секса, а также досуга, спорта, здоровья, массовой культуры, женской эмансипации может показаться гипертрофированным, но в то же время он объясним, ибо эти проблемы в современных западных обществах действительно занимают важное место. Дело, однако, в том, что новая социальная история «опрокидывает» эту актуальную тематику и в исследование прошлых эпох, когда она, совершенно очевидно, не имела столь важного значения.

Новая социальная история, как явствует из вышесказанного, выступает как бы в двух ипостасях: с одной стороны, как интегри-

History. Cambridge, 1983; *Foster J.* Class Struggle and the Industrial Revolution. L., 1974; *Gray R.* The Labour Aristocracy in Victorian Edinburgh. Oxford, 1976; *Idem.* The Aristocracy of Labour in Victorian Britain. L., 1981; *Shepherd M.* The Origins and Incidence of the Term «Labour Aristocracy» // Bulletin of Society for the Study of Labour History. 1978. Vol. 37; *Rurgess K.* The Challenge of Labour: Shaping British Society. L., 1980; *Hobsbawm E.* Labour Aristocracy: 25 years Later // Bulletin of Society for the Study of Labour History. 1980. N 40; *Holbrook Jones M.* Supremacy and Subordination of Labour. L., 1982; *Kirk N.* The Growth of Working-Class Reformism in Mid-Victorian England. L., 1985.

3,i *Marwick A.* British Society since 1945.

рующая, ведущая форма существования современной исторической науки, а с другой — как область знаний о всевозможных конкретных сферах социальных отношений и активности людей. Вторая форма на сегодняшний день, по крайней мере с количественной точки зрения, явно преобладает над первой, в результате чего социальная история оказалась расщепленной на множество автономных субдисциплин, как-то: демографическая история (ее предмет постепенно расширялся и трансформировался), социально-антропологическая история (англосаксонский вариант истории ментальное™), а кроме того, многочисленные гибриды, родившиеся от альянса истории с отпрысками прикладной социологии, — история семьи, история города, история детства, история преступности, социальная история медицины, социальная история религии, история женщин, история досуга и т. д. и т. п.

Необходимо отметить, что историческая социология пытается определять и во многом определяет тенденции развития новой социальной истории, углубляя ее противоречивость. Активное вторжение исторической социологии, основывающейся на специфических методах социологического исследования, не признающей и игнорирующей методы истории и историзм, ведет к расщеплению социальной истории на историю семьи, женщин, детей, подростков, этнических общностей, религиозных деноминаций и сект, действующих и живущих совершенно изолированно друг от друга и вне связи с общественным контекстом. Недостатки исторической социологии ясны сегодня и британским историкам³⁷, но критика в ее адрес оказывается малоэффективной. А если учесть, что количество исследований ее представителей постоянно нарастает, то можно говорить о сохраняющейся опасности превращения социальной истории в филиал прикладной социологии. Вместе с тем было бы, конечно, неверно отрицать значение исследований исторической социологии для развития социальной истории. Эти исследования подняли многие новые, совершенно не изученные ранее пласты социальных связей людей в прошлом, существенно обогатили познание социального быта человеческих сообществ. Речь, следовательно, должна идти об интеграции исторической социологии в социальную историю на

The Population History of England 1541 — 1871. Symposium // *Social History*. 1983. N 2. P. 139-168; *The New History. The 1980's and Beyond. Studies in Interdisciplinary History*/Ed. K. Rabb, R. Rothberg. Princeton, 1982; *The Urban History Masquerade: Recent Trends in the Study of English Urban Development* // *The Historical Journal*. 1984. N 1. P. 253-264; *British Urban History* // *History*. 1985. June. P. 232-235; *Scott J. W. The History of the Family as an Affective Unit*//*Social History*. 1979. N 3. P. 509—517; *Anderson M. Sociological History and the Working-Class Family: Smelser Revisited* // *Social History*. 1976. N 3. P. 317—334; *Hufton O., Scott J. W. Women in History* // *Past and Present*. 1983. N 101. P. 125-157; *Evans R. J. Women's History: the limits of reclamation* // *Social History*. 1980. N 2. P. 273-281; *Wilson S. Death and Social Historians: Some Recent Books in French and English* // *Social History*. 1980. N 3. P. 435-451; *Hendrick H. The History of Childhood and Youth*//*Social History*. 1984. N 1. P. 77-86.

основе признания научной самостоятельности и состоятельности методов историографии.

Каков обобщающий итог развитию новой социальной истории в Великобритании? Новая социальная история возникла в британской исторической науке не на пустом месте; у нее был фундамент, заложенный национальной либеральной и радикально-демократической историографией в XIX первой половине XX в. Вместе с тем в предмете и методах старой и новой социальной истории обнаружились принципиальные расхождения, которые можно определить как разрыв с историографической традицией. Этот разрыв обусловлен не только коренными переменами в социально-политической обстановке и интеллектуальной жизни, не только социальным заказом, но и созданием новых ресурсов и потребностей развития самой исторической науки — ростом аналитического потенциала, разнообразием и эффективностью методик, воспринятых у социальных наук, поисками путей нового синтеза конкретно-исторических знаний.

За довольно короткий срок — два десятилетия — социальная история из «золушки» немарксистской историографии превратилась в королеву, претендующую на самодержавное правление. 70—80-е годы стали периодом бума конкретно-социальных исследований, которые в общем можно разделить на две большие ветви: 1) изучение базовых социальных структур и институтов и 2) исследование поведения (деятельности) и сознания различных социальных групп в определенном пространственно-временном континууме. Вместе с тем отмеченные несомненные достижения не затронули сферу теории исторического процесса, оставив нерешенной проблему исторического синтеза. Не случайно вопрос о статусе и предмете социальной истории продолжает вызывать острые дискуссии. Его решение наталкивается не только на идеологические разногласия, но и на объективные методологические трудности.

Специфика социальной истории состоит в том, что сфера социального в исторической действительности интегрирована по своей сути и поэтому плохо поддается вычленению. Возможны две различные трактовки социальной структуры, не исключающие, а взаимно дополняющие друг друга. В одном варианте рассматриваются социально-исторические общности и социальные ячейки общества, непосредственно включенные в социальную структуру, и тогда речь идет о собственно социальной структуре (в узком смысле слова) как одном из горизонтальных срезов общественной системы. В другом варианте рассматриваются общественные отношения как связи между индивидами, опосредованные принадлежностью последних к социально-историческим общностям и социальным ячейкам и синтезирующие социальные аспекты всех структур. В результате такого анализа вырисовывается четкий контур целостной общественной системы, но именно контур, а не портрет, поскольку социальная структура в этом широком смысле слова, интегрируя соответствующие стороны всех сфер обществен-

ной жизни, не охватывает тем не менее всего богатства послед них³⁸. В новой социальной истории эти две равно возможные и эффективные разновидности социального анализа превращаются в альтернативные, глубокие разногласия в понимании предмета и метода социальной истории, становятся непримиримыми, противопоставление системно-функционального и социально-антропологического подходов доводится до абсолюта. В результате формируются две все более расходящиеся тенденции: 1) рассмотрение социальной истории как промежуточной области между экономической и политической историей (так называемая социально-структурная история) и 2) стремление к новому историческому синтезу в разных вариантах — от тотальной истории в духе «Анналов» (социально-культурная история) до истории общества в интерпретации, близкой к марксистской.

Воссозданию «новыми» историками целостной истории общества объективно препятствуют теоретико-методологическая и концептуальная разобщенность накопленного исторического знания, некритичное, механическое перенесение в историю исследовательских приемов и методов различных гуманитарно-социальных наук. Реальные подступы «новых научных» историков к тотальной истории намечаются по преимуществу в локально-исторических исследованиях, в особенности при изучении сферы непосредственных личных связей (истории семьи, приходской или деревенской общины и т. п.). Однако проблема включения локально-исторических сюжетов в более широкий контекст и воссоздания социального целого остается, как правило, нерешенной. Прежде всего это обуславливается односторонним подходом к сложной исторической действительности, подменой общей исторической методологии тем или иным частным методом, выбранным исследователем в качестве основного инструмента познания прошлого. Так, противопоставление в рамках «новой исторической науки» структурно-функционального и социально-антропологического подходов, осуществляемое в конкретных исследованиях по социальной истории, приводит к тому, что в одном случае исторический процесс расчленяется на вневременные структурные срезы, а в другом — растекается на микропроцессы в локальных и малых группах. Большие трудности возникают и при интерпретации свидетельств новых источников, как письменных, так и визуальных, аудиальных, этнографических и др.

Характерной чертой «новой научной истории» является также абсолютизация технических приемов исследования. Это прежде всего относится к использованию статистических и других математических методов, методов изустной истории, исторической демографии, к антропологическому методу «насыщенного», или максимально детализированного, описания, психоанализу и пр. Большинство исследователей напрямую воспроизводят

в исторических изысканиях социологические, экономические и другие теории, модели, методики, не обращая внимания на их привязанность ко вполне определенной проблематике той или иной общественной науки, к различным теоретическим системам, а также на присущий им модернизм. Неразборчивое заимствование и неадаптированное применение к историческому материалу теорий, концепций и приемов исследования, ориентированных на познание явлений современного мира или «неподвижных структур» примитивных обществ, без учета специфики явлений исторического прошлого и особенностей исторического познания, рецидивы эмпиризма в интерпретации источников и другие слабости служат серьезным тормозом для развития новой социальной истории. Однако решающим препятствием на пути практического осуществления популярного в современной британской исторической науке призыва — «от социальной истории к истории общества», — безусловно, является отказ немарксистской историографии от общей теории исторического процесса, предпочтение мультифакторного анализа, снимающего проблему социальной детерминации, без решения которой историческое развитие общественной системы объяснению не поддается. Сторонники же социокультурного подхода, пытающиеся зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе субъективного фактора, оказываются не в состоянии выйти за пределы мотивационного объяснения. Только комплексная социальная детерминация на диалектико-материалистической основе может дать методологический ключ к решению не поддающейся «новой исторической науке» проблемы синтеза исследования объективных природных, демографических, экономических, социальных, политических, духовных структур, или объективных условий деятельности, с одной стороны, и истории событий, или различных аспектов деятельности субъектов истории, — с другой.

Закономерно, что наиболее заметных результатов в разработке социальной истории и в подступах к истории общества достигли в 70—80-е годы те представители радикально-демократического направления, которые предпочитают ориентироваться на марксистскую методологию истории. Им удалось значительно продвинуться вперед как в изучении истории рабочего класса и других социальных слоев капиталистического общества, так и в исследовании исторических социальных движений и массового сознания эпохи средневековья и нового времени³⁹.

В 70—80-е годы внутри социально- и идейно-разнородного объединения немарксистских историков (под общим самоназванием «новая историография» и с общим кредо междисциплинарности и научности) обозначилась тенденция к сближению либерально-демократического (леволиберального) крыла с радикально-де-

См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 34—41.

³⁹ > Judt T. A Clown in Regal Purple: Social History and the Historians // History Workshop Journal. 1979. N 7; What is History? // History Today. 1984. Vol. 34, N 5. P. 14-15; Recent Views... P. 125-126.

мократическим направлением. Этот процесс выразился в формировании широкого и весьма пестрого демократического течения, представители которого выступали с позиций социального критицизма. Не воспринимая теорию марксизма в целом, многие из них использовали (более или менее последовательно) в историографической практике элементы марксистской методологии, учитывали достижения марксистской исторической науки и выражали готовность к организационному сотрудничеству с ней⁴⁰. Вместе с тем в конце 70-х — начале 80-х годов произошло сближение идейно-политических позиций умеренно-либеральных и консервативных историков. Некоторые историки консервативного направления, принимавшие деятельное участие в теоретико-методологических дискуссиях 60—70-х годов, учитывали новые подходы и методы, отдавая дань междисциплинарным исследованиям. Однако в большинстве своем консервативные историки по-прежнему выступали приверженцами индивидуализирующего метода традиционной историографии. «Новому историческому позитивизму», поборниками которого называли себя наиболее последовательные либеральные историки, они противопоставляли интуитивизм, субъективный идеализм, релятивизм. Различия между ними существовали и в понимании социальной функции истории⁴¹.

В начале 80-х годов консервативные историки активизировали свои позиции в британской историографии, выступив под флагом новой политической истории. Повышенный интерес консервативной историографии к «уникальному» историко-политическому опыту Британии, истории институтов государственной власти и права, имперским сюжетам отражал возрождение индивидуализирующей, событийной, нарративной истории. Новая политическая история в ее консервативном выражении претендовала на то, чтобы свергнуть с пьедестала «научности» «новую историю» вместе с ее приверженностью к разработке социально-экономической и идейно-духовной сфер исторического процесса. Это стремление консервативные историки (Дж. Элтон, Дж. Тернер и др.) аргументировали необходимостью преодолеть тяготение «новой научной истории» к «абстрактным структурам и силам» и, таким образом, предотвратить «сползание к марксизму» всей новейшей британской историографии. Активная разработка историками-консерваторами концепции национальной истории в рамках новой политической истории соответствовала декларируемой руководством британской консервативной партии идее создания

«новой патриотической истории» и «единой национальной истории»⁴².

Предложения консервативных историков возродить на расширенной основе традиции нарративной истории были положительно восприняты некоторыми «новыми» историками. Охранительная идея, проводимая под лозунгом восстановления академизма и «чистоты» истории, обусловила складывание идейно-политического консенсуса умеренных либеральных историков с консерваторами. К середине 80-х годов «новая научная история» во многом утратила черты своеобразного методологического объединения немарксистской историографии, сформировавшегося на почве социоисторизма. Углубление идейных расхождений между представителями апологетического консервативно-либерального блока и критического демократического течения способствовало тому, что «новая научная история» постепенно превратилась в конгломерат направлений немарксистской историографии, номинально связанных поисками новых подходов на междисциплинарной основе.

Изучение новейших тенденций в немарксистской исторической науке Великобритании позволяет предположить вероятность дальнейшего обособления различных методологических подходов, которые формировались в русле «новой истории», а в настоящее время находятся в процессе размежевания. На наш взгляд, есть некоторые основания прогнозировать существенные изменения в соотношении сил ведущих направлений «новой исторической науки», а также более тесную стыковку позиций представителей ее левого крыла с марксистской историографией и развитие плодотворного диалога между ними.

⁴⁰ The New History: the 1980's and Beyond. Studies in Interdisciplinary History / Ed. T. Rabb et al. Princeton, 1982; Collin F. Theory and Understanding: a Critique of Interpretive Social Science. Oxford, 1985; International Handbook of Historical Studies; Contemporary Research and Theory / Ed. G. Iggers. Westport. 1979. P. 193-215; Sutcliffe A. A New Historical Positivism // History Today. 1984. Vol. 34. Nov. P. 3-4; Tosh J. Op. cit. P. 23—24.

⁴¹ Witterfield H. Narrative History and the Spade-Work Behind it // History. 1968. Vol. 53, N 178. P. 166, 179; Cannadine L. Change and Continuity in British History // History Today. 1985. Vol. 35. Apr. P. 4-5.

⁴² What is History? P. 11; What is Political History? // History Today. 1945. Vol. 35. Jan. P. 11—18; Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present, 1979. Vol. 85. P. 3-24.

КОНЦЕПЦИИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ

Глава 4

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Один из ведущих специалистов по истории Английской революции середины XVII века — Лоренс Стоун сравнил историографию революции с «полем битвы, начиненным минами-ловушками и засадами из свирепых ученых, готовых сражаться за каждый его дюйм»¹. Военная терминология, использованная Л. Стоуном, как нельзя лучше передает ожесточенный характер научных дискуссий в этой области исторических исследований, сам объект которых обусловил особую остроту идейно-политического противоборства различных течений.

Британская историография Английской революции середины XVII века, имеющая более чем 300-летнюю историю и насчитывающая уже тысячи исследований, привлекала и привлекает внимание советских историков, занимающихся проблемами первой буржуазной революции европейского масштаба. В конце 70-х—начале 80-х годов в советской исторической литературе был опубликован ряд работ, в которых содержится развернутый и глубокий научный анализ развития в 30—70-е годы XX в. британской историографии Английской революции². В них были рассмотрены многочисленные труды представителей различных идейно-методологических направлений, показаны основные тенденции в эволюции их источниковедческой и фактологической базы, исследовательской техники, понятийного аппарата. Советские историки условно выделили три этапа изучения Английской революции в британской историографии XX в. Это, во-первых, 20—40-е годы — период острой критики и кризиса традиционной вигской концепции революции и формирования марксистского направления в ее изучении. Второй этап — 50-е годы, отмеченные резкой активизацией ре-

акционно-консервативного направления. И наконец, третий этап — 60—70-е годы, период становления неолиберального направления, постепенно записавшего ведущие позиции в британской историографии революции³.

Конец 70-х годов вполне закономерно стал в западной историографии порой подведения итогов и определения грядущей перспективы. В это время ведущие специалисты в различных областях «новой исторической науки» почувствовали необходимость осмыслить те результаты, к которым они пришли после «бума» исторических публикаций и «методологической революции» 60—70-х годов⁴. Настойчивые попытки самоанализа, предпринимавшиеся в эти годы и в британской историографии, стимулировали появление обобщающего труда, раскрывающего последовательное развитие историографии Английской революции, — монографии Р. Ричардсона «Споры об Английской революции»⁵. К сожалению, автор этой интересной, насыщенной богатым фактическим материалом книги, со многими выводами которого нельзя не согласиться, в разделах, посвященных современной историографии, нередко отдает предпочтение обзору перед анализом⁶. Определенные ограничения в этом смысле накладывает и принятое Р. Ричардсоном тематическое разделение корпуса современных работ по истории революции — «общество и революция», «локальные и региональные исследования», «политическая история», что не позволило ему представить в целостном виде общие интерпретации Английской революции наиболее выдающимися ее исследователями.

В связи с вышесказанным представляется целесообразным дать более подробный анализ работ 70—80-х годов, сосредоточив внимание на том, что нового они содержат для понимания природы, предпосылок, движущих сил и последствий революции, каковы новейшие подходы в ее изучении. Кроме того, на основе последовательного и комплексного анализа трудов ведущих историков предполагается показать не только «смену картин» в историографической панораме революции, но и логику развития той или иной ее концепции. Эта задача не может быть решена ни при проблемном, ни при тематическом рассмотрении материала. Именно поэтому мы остановили свой выбор на несколько необычном — смешанном типе историографического исследования, последовательно чередующем и сочетающем анализ наиболее фундаментальных, дающих общее истолкование событий революции работ и характеристику довольно быстро сменяющих друг друга историографических ситуаций, освещение логики развертывания и эволюции наиболее интересных и «полнокровных» концепций (в их персональном выражении) и оценку не только изменений в расстановке сил

³ См., в частности: Шарифжанов И. И. Указ. соч. С. 96—99.

⁴ См., например: The New History: the 1980s and Beyond: Studies in Interdisciplinary History / Ed. T. K. Rabb. Princeton, 1982.

•> Richardson R. C. The Debate on the English Revolution. E., 1977.

« Ibid. Chs 6-9.

¹ Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529-1642. L., 1972. P. XII.

² От редакции // Английская буржуазная революция XVII века в современной зарубежной историографии: Рефератив. сб. М., 1978. Ч. 1. С. 5—28; Павлова Т. А. Английская буржуазная революция в освещении современной англо-американской историографии // Новая и новейшая история. 1979. № 5; Шарифжанов И. И. Современная английская историография буржуазной революции XVII века: Основные идейно-методологические тенденции и направления: Учеб. пособие. М., 1982.

различных направлениях, но и тех результатов исследовательской работы их представителей и научных дискуссий между ними, которые способствуют приращению объективного научного знания об истории Английской революции.

И наконец, еще одно предварительное замечание. Пожалуй, ни по одному периоду британской истории современная англоязычная историография не представляет собой столь неразрывное единство, как по истории Английской революции и предреволюционной эпохи. Исследования историков англоязычных стран по проблематике Английской революции практически невозможно (без ущерба для понимания их места в исторической науке) рассматривать исключительно в рамках национальных историографий. Международный характер дискуссий и научных публикаций (все коллективные труды и сборники статей по истории Английской революции выполнены международными коллективами авторов и редакторов), профессиональная подготовка подавляющего большинства специалистов из различных стран в старейших британских университетах одними и теми же наставниками — главами всемирно известных школ и научных центров, «утечка» британских историков за границу — все это создает весомые предпосылки для нивелирования «национальных» историографических различий и практически полного слияния «национальных потоков» в едином историографическом процессе. Именно поэтому при анализе современной британской историографии Английской революции мы не считаем возможным абстрагироваться от наиболее значительных концепций представителей историографии США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Интенсивный обмен научными идеями, постоянное взаимодействие и взаимовлияние являются могучими детерминантами эволюции мировой историографии Английской революции и требуют их неперемного учета.

* * *

Какова была расстановка сил различных направлений в историографии Английской революции, сложившаяся к середине XX в.? Она характеризовалась, с одной стороны, вытеснением с авансцены разработанной С. Гардинером и господствовавшей в течение полувека либеральной концепции «пуританской революции» (т. е. крупного религиозно-конституционного конфликта, лишенного социально-экономического обоснования)⁷, а с другой — укреплением позиций сторонников социально-экономического объяснения причин политического кризиса первой половины XVII в., в числе которых были историки либерально-демократической и марксистской ориентации⁸. В конце 40-х—начале 50-х годов

⁷ В советской литературе имеется специальное научное исследование, посвященное анализу концепции Гардинера: *Креленко Н. С.* Английская буржуазная революция середины XVII века в трудах С. Р. Гардинера: Дис. . . . канд. ист. наук. Саратов. 1982.

⁸ *Tauney Я. Н.* Agrarian Problem in the Sixteenth Century. L., 1912; *Idem.* Religion and the Rise of Capitalism. 1., 1926; *James M.* Social Problems and Policy during

в политической и интеллектуальной атмосфере «холодной войны» происходит возрождение консервативной традиции (восходящей к Кларендону), сначала на основе прямого экономического детерминизма Х. Тревор-Ропера, а затем на основе примитивного социологизма, характерного для представителей так называемой школы Л. Нэмира⁹.

Наиболее ярко позиции этих направлений и нарастание противоречий между ними проявились в знаменитом «споре о джентри» — беспрецедентной по остроте, продолжительности и последствиям научной дискуссии, **занимавшей** центральное место в историографии Английской революции на протяжении 30 лет (40—60-е годы)¹⁰. В полемике вокруг джентри приняли участие Х. Тревор-Ропер, Л. Стоун, Дж. Хекстер, П. Загорин, Д. Пенningтон, К. Хилл, В. Мэннинг и многие другие видные специалисты по истории Англии первой половины XVII в. Среди прямых позитивных последствий дискуссии, суть которой состояла в определении причин и сущности Английской революции, необходимо отметить импульс, который был придан развитию локально-исторических исследований. Сначала эти исследования сосредоточивались главным образом на проверке на конкретном локальном материале тезисов главных антагонистов — тезиса Р. Тоуни о «возвышении джентри» и тезиса Х. Тревор-Ропера об «упадке джентри»¹¹. Но в дальнейшем диапазон поднимаемых ими вопросов существенно расширился. Полемика о джентри не ограничилась рассмотрением предпосылок революции: критика предложенной Тревор-Ропером интерпретации индипендентства как «партии простого джентри» привлекла внимание историков к нерешенным проблемам в исследовании политической борьбы в середине XVII в., а отсюда — и к ее истокам и мотивам.

Важнейшим итогом «спора о джентри», несомненно, явилось осознание всеми его участниками неприемлемости упрощенных, односторонних подходов к социально-историческим реалиям

the Puritan Revolution. 1., 1930; *Hill C.* The English Revolution 1640. L., 1940; *The Good Old Cause. The English Revolution of 1640—1060: its causes and consequences* / Ed. C. Hill, E. Dell. L., 1949.

» *Trevor-Roper H. R.* The Gentry 1540-1640 / Puhl. for the Econ. History Society. L.; N. Y., 1951; *Brunton D., Pennington D.* Members of the Long Parliament. Cambridge (Mass.), 1954.

¹⁰ «Буря вокруг джентри» не раз становилась предметом специального анализа, в том числе и в советской историографии. Подробнее см.: *Бауер М. И.* «Спор о джентри» в современной английской и американской историографии: Дис. . . . канд. ист. наук. Томск, 1981.

¹¹ См., в частности: *Finch A. J.* E. The Wealth of Five Northamptonshire Families. 1540-1640. Oxford, 1956; *Simpson A.* The Wealth of the Gentry, 1540-1660: East Anglian Studies. Chicago, 1961; *Hoskins W.* Provincial England: Essays in Social and Economic History. L., 1963; *Dore R. N.* The Civil Wars in Cheshire. Chester, 1966; *Lloyd H. A.* The Gentry of South-West Wales, 1540-1640. Cardiff, 1968; *Cliffe H. T.* The Yorkshire Gentry from the Reformation to the Civil War. L., 1969; *Keeton-Cremer R. W.* Norfolk in the Civil War. A Portrait of a Society in Conflict. L., 1969; *Sterling J.* The Civil War in Lancashire. Clapham, 1971; *Blackwood B. G.* The Lancashire Gentry and the Great Rebellion 1640—1660. Manchester, 1978.

XVII в. и необходимости совершенствования теоретических моделей, понятийного аппарата и методики исследований.

В 60-е, а затем и в 70-е годы именно эти линии во многом определяют развитие британской и мировой историографии Английской революции. Не случайно в 60-е годы значительно усложняется, теряет свою одномерность концепция революции, созданная крупнейшим английским историком-марксистом К. Хиллом, который был одним из участников дискуссии о джентри и самым последовательным критиком тезисов Тревор-Роупера, Брайтона и Пеннингтона¹². В работах К. Хилла этого периода все больше внимания уделяется выяснению наряду с социально-экономическими политическими и особенно идеологическими предпосылок и последствий революции, роли идейно-религиозного фактора в размежевании сил в предреволюционную и революционную эпохи¹³. В 1986 г. Хилл так объяснял свое обращение к новым проблемам, к пристальному изучению социально-политического аспекта религиозных доктрин в конце 50-х — 60-е годы: «Когда я только начал заниматься этим периодом (конец 30-х — 40-е годы. — *Авт.*), было необходимо опровергнуть господствовавшую тогда концепцию „пуританской революции“ и установить с помощью Маркса, Вебера и Тоуни, что религиозные верования XVI и XVII вв. были неразрывно связаны с теми обществами, в которых они возникали. Но в 50-е годы в дискуссии о джентри религию внезапно выставили за дверь и возникла необходимость напомнить о том, что люди, пережившие революцию, придавали религиозным вопросам больше значения, чем экономическим»¹⁴.

В те же 60-е годы в полемике на два фронта — против марксистского и против консервативного направлений — отстаивает свое «жизненное пространство» в историографии Английской революции нелиберальное направление, представители которого модернизировали вигскую интерпретацию революции, поставив ее на фундамент неопозитивистской «социально-научной истории».

Первые попытки ввести социальные факторы в объяснение Английской революции сделали американские либеральные историки Дж. Хекстер и П. Загорин¹⁵. Загорин сформулировал и развил основные, ставшие впоследствии общепринятыми положения

нового, расширенного (в плане социального обоснования) варианта вигской концепции идейно конституционного революционного конфликта. Во-первых, это тезис о великой конституционной и политической революции, готовившейся в предшествующие десятилетия и совершенной в 1640—1641 гг. представителями правящего класса Англии¹⁶; во вторых, идентификация главного противоречия с конфликтом внутри лишь господствующего класса между его различными группировками (короной и ее приверженцами — «Двором» и противниками «Страной»), социальных барьеров между которыми не существовало¹⁷. В-третьих, была подчеркнута не только глубокая консервативность мировоззрения лидеров оппозиции, но и революционно-мобилизующая роль религиозной (пуританизм) и формировавшейся новой политической идеологии, согласно которой решение парламента получало приоритет над волей монарха¹⁸. Если первый этап революции характеризовался расколом внутри господствующего класса (сначала на «Двор» и «Страну», затем на «партию короля» и «партию парламента»), то на втором этапе, к концу Гражданской войны, происходит расширение рамок конфликта за счет временного захвата инициативы представителями классов, исключенных из «политической нации» (или игравших ранее второстепенную роль) и предпринявших попытку демократического переворота и разрушения всей существующей сословно-иерархической социальной системы¹⁹. Наконец, если социальные последствия революции оценены как незначительные, не затронувшие общественных отношений (их структура была перестроена задолго до 1640 г.) и положения различных классов, то с точки зрения их вклада в становление нового политического устройства события 1640—1660 гг., несмотря на Реставрацию Стюартов, рассматриваются как поворотный пункт истории²⁰.

Аналогичные взгляды составляют идейный «каркас» объяснения «борьбы за конституцию в Англии XVII века», нашедшего отражение в опубликованной в 1963 г. обобщающей работе известного английского историка Дж. Эйлмера²¹. Однако, будучи сторонником применения социологических подходов (в первую очередь просопографического метода) к изучению политической и административной истории²², Дж. Эйлмер не ограничился выявлени-

¹² Hill C. Recent Interpretations of the Civil War // Hill C. Puritanism and Revolution. Studies in Interpretation of the English Revolution of the Seventeenth Century. L., 1958.

¹³ Hill C. Protestantism and the Rise of Capitalism // Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England in Honour of R. H. Tawney / Ed. F. J. Fisher. Cambridge, 1961. P. 15—39; *Idem*. The Century of Revolution, 1603—1714. Edinburgh, 1962; *Idem*. Society and Puritanism in Pro-revolutionary England. L., 1964; *Idem*. The Intellectual Origins of the English Revolution. Oxford, 1965; *Idem*. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530—1780. L., 1978.

¹⁴ The Collected Essays of C. Hill. Vol. 2. Religion and Politics in Seventeenth-Century England. Amherst, 1986. P. VII.

¹⁵ Hexter J. H. A New Framework for Social History // Hexter J. H. Reappraisals in History. Aberdeen, 1962. P. 14—15 (эта статья была впервые опубликована

в 1955 г.) - Zagorin P. The Social Interpretation of the English Revolution // Journal of Economic History. 1959. Vol. 19, N 3. P. 376—401; *Idem*. The Court and the Country: The Beginning of the English Revolution. L., 1969.

¹⁶ Zagorin P. The Social Interpretation. . . P. 395.

¹⁷ *Ibid.* P. 391—392; *Idem*. The Court. . . P. 32, 55—56, 75, 90.

¹⁸ Zagorin P. The Court. . . P. 86, 187.

¹⁹ Zagorin P. The Social Interpretation. . . P. 398.

²⁰ *Ibid.* P. 399—401.

²¹ Aylmer G. E. The Struggle for the Constitution, 1603—1689: England in the Seventeenth Century. L., 1963.

²² Aylmer G. E. The King's Servants. The Civil Service of Charles I, 1625—1642. N. Y., 1961; *Idem*. The State's Servants: The Civil Service of the English Republic, 1649—1660. L.; Boston, 1973.

ем расхождений сторон по конституционным и религиозным вопросам, а подчеркнул значение социально-экономических различий в поляризации политических сил в ходе Гражданской войны. Эта гипотеза получила у Эйлмера преимущественно географическое выражение: социально-экономическое размежевание сводилось к противопоставлению более населенных и экономически развитых восточных и юго-восточных «парламентских» графств и менее населенных и развитых «роялистских», а внутри этих районов, с одной стороны, крупных городов, центров ткацкого производства, портов, с другой — сельской «глубинки»²³.

Поскольку экономические различия в значительной мере определяли социальную структуру населения указанных районов, постольку они обусловили и пропорциональное соотношение различных слоев в каждой из враждующих группировок: преобладание средних классов (купцов, йоменов и др.) на стороне парламента, а пэров и джентри на стороне короля. Учитывалось и расхождение в морально-психологических установках. В то же время по крайней мере для джентри и других представителей правящих классов различия в политических и конституционных вопросах были признаны решающими.

Вместе с тем Эйлмер в отличие от Загорина отметил конструктивный характер социальных последствий революции, указав на то, что после Реставрации прежняя структура землевладения была восстановлена не в полном объеме, а в социально-политической сфере произошел сдвиг в пользу «представителей деловых и коммерческих интересов».

Тем не менее он не признает события 1640—1660 гг. «буржуазной революцией в том смысле, как ее понимают марксистские историки»²⁴.

Среднее положение между концепциями Загорина и Эйлмера занимали представления о причинах и характере революции известного английского историка А. Рутса, который, отмечая наличие социально-экономического аспекта раскола джентри в Гражданской войне, отводил решающую роль в выборе позиции психологическим моментам. Последствия «Великого мятежа» в политической сфере оценивались им как «чрезвычайно глубокие и далеко идущие» в сторону достижения прочного смещения конституционного равновесия в пользу парламента²⁵.

Ведущую роль в становлении неолиберального направления сыграл, несомненно, Лоренс Стоун, ученик Р. Тоуни, принимавший участие в «споре о джентри» с конца 40-х годов²⁶. В середине 60-х годов Стоун признал подъем джентри «оптическим обманом»,

вызванным временным ослаблением наследственной аристократии. Понятие «кризиса аристократии» явилось ключевым в предложенной им интерпретации социально-политического конфликта XVII в. как следствия глубоких сдвигов в иерархической общественной структуре²⁷.

Л. Стоун стал одним из самых активных пропагандистов «социально-научной истории», обогащенной методами и теориями политологии, экономики, социологии, **социальной** антропологии и социальной психологии, и непосредственно обращался к анализу различных социологических теорий революции. Во второй половине 60-х годов формирование междисциплинарных подходов происходило главным образом на базе структурно-функциональной социологии, рассматривавшей революцию как одну из форм социальных изменений²⁸. Именно социологическая модель структурно-функционального равновесия и дисфункции была использована Стоуном в его работах начала 70-х годов, которые дали наиболее развернутое логическое изложение его оригинальной концепции Английской революции²⁹.

Главными свидетельствами революционного характера событий середины XVII в. остаются для Стоуна радикальные изменения в политическом строе Англии в годы Республики и возникновение в результате острой политической борьбы новых радикальных идей. По мнению Л. Стоуна, сам по себе факт, что идеалы всех участников событий были почерпнуты из прошлого, не может служить доказательством их консерватизма. Решающим в определении характера их идеологии является степень отличия провозглашенных идеалов от существующей реальности и степень радикализма действий, направленных на воплощение последних³⁰. Отрицая применимость марксистской теории буржуазной революции к истории Англии XVII в., как и роль народных масс в революционных событиях 1640—1660 гг., Л. Стоун вместе с тем признает возможность такого размежевания правящего класса в революции, которое шло по линии противостояния буржуазных джентри-предпринимателей и феодальных джентри-рантье. К сожалению, поиски Стоуном доказательств «буржуазно-феодальной дихотомии» джентри не заходят дальше уже обнаружившего свои очевидные слабости «географического, или экологического, аргумента»³¹.

²¹ Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558-1641. L., 1967.

²⁸ См., в частности: Johnson Ch. Revolution and the Social System. Stanford. 1964; Idem. Revolutionary Change. Stanford, 1966.

²¹ Stone L. The English Revolution // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Ed. R. Porster, J. V. Greene. Baltimore; L., 1970. P. 55-108; Mem.. The Causes of the English Revolution, 1529-1642. Став в 1970 г. американским гражданином, Л. Стоун продолжал считать себя принадлежащим к «английскому лагерю». См.: Шарифжанов И. И. Укая. соч. С. 69.

³¹ Stone L. The Causes. . . P. 50-51.

³¹ Ibid. P. 54-56.

²³ Aylmer G. E. The Struggle P 118
= Ibid. P. 167-168.

²⁵ m^ath. [^][^]ТтГКМГБ[^]ГТ 40,,1,, Eng,Sh CBI, War and Us Aft -

²⁶ Yu. VolTM!, NⁿT^oP^v3<:f 40,iZabethan Aris,,Tⁿ,-> // Kco^o,*mic Hi^o*у Review.

Между тем трудность заключается именно в переходе от географической идентификации к социально-классовому обоснованию индивидуального и коллективного выбора.

Л. Стоун предпочел такую социологическую модель революции, которая объясняет последнюю как борьбу сословий и внутрисословных групп (главным образом «правлящих элит») но конституционным, религиозным и культурным вопросам. Существо кризиса, представляющего собой прежде всего кризис политического режима, определяется как отчуждение от последнего крупных отрядов правящего класса. Само это отчуждение возникает в результате неспособности системы адаптироваться к резким экономическим и социальным сдвигам³². Но, будучи сторонником мультикаузального объяснения сложных исторических явлений, Стоун ищет причины революции во всех сферах общественной жизни, в специфических слабостях традиционных общественных и государственных институтов, в идеологических противоречиях, в долговременных социально-экономических изменениях. Он последовательно рассматривает отдаленные глубинные причины, подготовившие необходимые условия для назревания кризиса (1529—1629 гг.), более близкие предпосылки, сделавшие его не только возможным, но и вероятным (30-е годы XVII в.), и, наконец, цепь политических событий 1640—1642 гг., непосредственно предшествовавших Гражданской войне, создавших ситуацию, в которой она стала неизбежной. Высоко оценивая масштабы краткосрочных последствий революции, Стоун подчеркивает незначительность ее долговременных результатов, за исключением идейно-интеллектуальной сферы³³.

Взгляды Л. Стоуна, создавшего наиболее социологизированную версию нелиберальной интерпретации Английской революции, коренным образом отличаются от ее истолкования другим видным представителем британской «новой исторической науки» и столь же решительным сторонником применения междисциплинарных методов П. Ласлеттом, который, следуя в русле консервативной традиции, считает Английскую революцию плодом воображения историков, явлением, невозможным в доиндустриальном «одно-классовом» обществе. Поскольку события 40—60-х годов XVII в. оставили в неприкосновенности социальную структуру английского общества и революционные изменения в ней были произведены лишь в результате промышленного переворота, не может быть и речи о революции в середине XVII в.³⁴

Итак, в результате интенсификации исследований, обновления методического и концептуального их арсенала, плодотворных научных дискуссий, способствовавших уточнению основных понятий, развитию системы доказательств, изживанию исторических

³² Ibid. P. 57.

³³ Ibid. P. 146—147.

³⁴ Laslett P. *The World We Have Lost*. L., 1971 (1st ed. - 1965).

мифов, «историографический ландшафт» интересующей нас проблематики претерпел серьезные перемены: он стал значительно сложнее и разнообразнее. Наряду с давно отработанными вигским и консервативным вариантами истолкования событий 1640—1660 гг., таким, как «Пуританская революция» и «Великий мятеж», наряду с развивающейся марксистской интерпретацией «первой буржуазной революции европейского масштаба» возникает довольно широкий спектр различающихся между собой нелиберальных концепций. Эти концепции продолжали оттачиваться в научной практике и полемике последних двух десятилетий.

* * *

В британской историографии 70-х годов, как и в мировой историографии в целом, можно обнаружить и работы, продолжающие изучение Английской революции в направлениях, которые сложились в предшествовавший период (например, труды нелиберальных историков о политической борьбе и партиях Долгого парламента³⁵), и исследования, в которых история революции раскрывается в новых ракурсах.

В этот период в связи с развитием «истории снизу» и с наметившимся поворотом интересов историков от изучения структур к исследованию человека и духовной сферы прошлого начинается интенсивная разработка проблем народной религии и народной культуры.

Среди британских историков — пионеров этого подхода видное место заняли английские историки-марксисты А. Л. Мортон и К. Хилл, обратившиеся в своих научных публикациях 70-х годов к изучению радикальных течений в Английской революции, в том числе и тех, которые проявлялись в форме религиозного сектантства³⁶.

Историком-марксистам удалось убедительно показать симбиоз религиозного, политического и социального радикализма в различных народных выступлениях революционной эпохи,

за см., в частности: *The English Civil War and After 1642-1658* / Ed. R. H. Parry. L., 1970; *Underdown D. Pride's Purge: Politics in the English Revolution*. Oxford, 1971; *The Interregnum: the Quest for Settlement 1646—1660* / Ed. G. E. Aylmer. L., 1972; *Antler S. D. Quantitative Analysis of the Long Parliament // Past and Present*. 1972. N 56; *Worden B. The Rump Parliament 1648-1653*. Cambridge, 1974.

³⁵ *Morton A. L. The World of the Ranters: Religious Radicalism in the English Revolution*. L., 1970; *Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England*. L., 1971; *Idem. The World Turned Upside Down: Radical Ideas during the English Revolution*. N. Y., 1972; *Winstanley G. The Law of Freedom and Other Writings* / Ed. C. Hill. L., 1973; *Freedom in Arms: A Selection of Leveller Writings* / Ed. A. L. Morton. L., 1975; *Hill C. From Lollards to Levellers // Rebels and their Causes: Essays in Honour of A. L. Morton* / Ed. M. Cornforth. L., 1978; *Idem. Milton and the English Revolution*. L., 1977; *Idem. Some Intellectual Consequences of the English Revolution*. Madison, 1980. Взгляды А. Л. Мортон и К. Хилла на эти проблемы хорошо известны советскому читателю. См.: *Павлова Т. А.* Указ. соч. С. 66—68, 74—75; *Шарифжанов И. И.* Указ. соч. С. 89—94; *Мещерякова Н. М.* Прогрессивные историки Англии о народных движениях в буржуазной рево-

раскрыть новые страницы истории демократического крыла Английской революции³⁷. Важной их заслугой явилось определение левеллеров как партии, защищавшей интересы мелких собственников, выяснение социального состава народных сект, основную массу которых составляли «люди без хозяина», деклассированные элементы, городская и деревенская беднота. Они также раскрыли революционизирующую роль народного миллениаризма (вера в скорое наступление тысячелетнего земного царствования Христа). А. Л. Мортон предложил интересную и стройную гипотезу, позволившую вписать эволюцию форм народной идеологии в принятую в марксистской историографии периодизацию Английской революции. По его мнению, на восходящем этапе революции наблюдалась постепенная секуляризация радикальной религии, демократические идеи которой переносились в область политической идеологии, а на нисходящем этапе (после поражения левеллеров в 1649 г.) имел место обратный процесс, выразивший смену настроений масс от надежды к отчаянию всплеском мистицизма³⁸.

В монографии «Мир, перевернутый вверх дном», заслуженно и единодушно признанной лучшей книгой К. Хилла (его и единомышленниками и оппонентами)³⁹, была выдвинута идея о двух революциях в Англии середины XVII века: одна из них знаменовала собой победу собственников и их идеологии, а вторая — радикальная, демократическая, плебейская революция, «которая так и не состоялась»⁴⁰. К. Хилл также предложил новое объяснение географии сектантских движений: согласно его гипотезе, радикальные неконформистские течения получили больше шансов для распространения в тех районах севера и запада Англии, где умеренный пуританизм средних классов не успел до революции завоевать прочные позиции. В этой по большому счету новаторской книге К. Хилл блестяще продемонстрировал возможности социально-культурного подхода в его историко-материалистической интерпретации. Пристальное исследование воздействия радикальных идей на сферу обыденного сознания позволило ему,

люции XVII века // Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986. С. 36—51.

³⁷ Ранее многие проблемы народного радикализма получили освещение в советской историографии: *Барт М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М., 1967.

³⁸ *Morton A. L.* Op. cit. P. 15—16.

³⁹ См., например: *American Historical Review*. 1973. Vol. 78, N 4. P. 1054; *Richardson R. C.* Op. cit. P. 104; *Rude G.* *Marxism and History // Marx: A Hundred Years on / Ed. R. Matthews.* L., 1983. P. 50—51; *Underdown D.* *Radicals in Defeat // New York Review of Books.* 1985. Vol. 32, N 5. P. 42.

⁴⁰ *Hill C.* *The World...* P. 12-13. Ibid. P. 67.

в частности, сделать вывод о существовании в период революции условий для возникновения подлинно народной контркультуры, «третьей культуры», противостоящей и традиционной аристократической, и новой буржуазной культуре⁴². Однако историческая ситуация, сложившаяся в результате поражения радикального крыла революции, исключила эту альтернативу культурного развития.

Выделив то общее, что было характерно для всех народных религиозных сект (несмотря на их разнообразие), Хилл получает некую квинтэссенцию плебейского радикализма, составляющую его социальный смысл: отрицание государственной церкви и других институтов, неприятие традиционной общественной иерархии⁴³.

На волне радикализации общественного сознания и развития прогрессивных тенденций в интеллектуальной сфере в конце 60-х—начале 70-х годов британские историки-марксисты смогли укрепить свои позиции в историографии Английской буржуазной революции. Под непосредственным влиянием историков марксистской ориентации в британской историографии сформировалось прогрессивное радикально-демократическое направление, важнейшим аспектом исторической практики которого стала разработка проблематики народных движений в английской истории. Свой оригинальный вклад в исследование народных выступлений эпохи Английской революции внес видный британский радикальный историк Б. Мэннинг, книга которого «Английский народ и Английская революция», несмотря на довольно суровую и часто заслуженную критику в ее адрес, стала весьма заметным событием в национальной и мировой историографии Английской революции⁴⁴.

Б. Мэннинг отрицает элитарную трактовку Английской революции как конфликта внутри правящего класса и интерпретирует ее как конфликт между различными социальными классами — «средним сортом людей» и правящей дворянской элитой. Только враждебность «среднего сорта» по отношению к аристократии а джентри превратила, по мнению Мэннинга, конституционные, политические и религиозные разногласия в классовый конфликт⁴⁵. Большая часть книги посвящена описанию подъема народных выступлений в 1640—1643 гг., когда, по мнению Мэннинга, раскол внутри правящей элиты позволил «среднему сорту» захватить инициативу и начать революционное наступление против аристократии, джентри, крупного купечества. Пафос иопулиз-

— « Ibid. P. 275.

⁴² *Manning B.* *The English People and the English Revolution 1640-1649.* L., 1976. Из критических отзывов особого внимания заслуживает: *Morrill S.* *Provincial Squires and «Middling Sorts» in the Great Rebellion // Historical Journal.* 1977. Vol. 20. P. 229-236. *Manning B.* Op. cit. P. VI.

ма пронизывает всю книгу. Народ в понимании Б. Мэннинга — это мелкие независимые производители, крестьяне и ремесленники, средние слои города и деревни. Неимущие низшие слои населения, городская и сельская беднота исключаются из этого понятия и выступают лишь как пассивные орудия и жертвы.

Классовый анализ Мэннинга грешит натяжками, отсутствием четких критериев, а его представление о социальной структуре английского общества переходного периода выглядит упрощенным. Недостаточно учитываются промежуточные социальные группы и противоречия, возникающие в результате трансформации традиционной социально-иерархической структуры новыми процессами классовобразования⁴⁶.

Архаичность образа социально-классовой структуры английского общества в трактовке Мэннинга проявляется в том, что остаются за кадром не только решающие для определения расстановки контрреволюционных и революционных сил изменения в социальной природе нового джентри, но и процесс раскрестьянивания в деревне. И хотя Б. Мэннинг набрасывает картину дифференциации внутри крестьянства и «среднего сорта» в городе, в дальнейшем она повисает в воздухе, так как различия интересов новых социальных групп не учитываются и автор исходит из того, что они нивелировались перед лицом общей угрозы со стороны враждебных сил — короля, лордов и епископов⁴⁷. Приняв тезис о внутренней сплоченности «людей среднего сорта» в этом конфликте, В. Мэннинг в отличие от К. Хилла не дает дифференцированного анализа социального состава участников народных выступлений в деревне и «лондонской толпы», большинство которых принадлежало отнюдь не к средним, а к низким слоям, выступавшим иногда с самостоятельными требованиями.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что последствия процессов дифференциации в среде джентри и независимых мелких производителей элиминируются вполне сознательно: этот момент заложен в исходной посылке, которую автор формулирует следующим образом: «Я рассматриваю эту борьбу не как конфликт между переживавшим упадок классом феодалов и восходящим капиталистическим классом, а как конфликт между аристократией, или правящими элитами, и независимыми мелкими производителями. Этот конфликт осложнялся развитием капитализма, которое воздействовало и на аристократию, и на независимых мелких производителей. Как это происходило и какое влияние оказывало на расстановку сил и исход борьбы, я предполагаю более полно исследовать в другой книге»⁴⁸. Думается, что такой «анатомический»

подход, механическое разделение взаимосвязанных процессов стали главной методологической ошибкой Б. Мэннинга и значительно ослабили его позиции в научной полемике с оппонентами.

И все же, несмотря на отмеченные недостатки, нельзя не признать огромной заслуги Мэннинга в раскрытии решающей роли самостоятельной активности народных масс в углублении социального содержания революции. В книге Б. Мэннинга не только впервые был собран огромный фактический материал о народных выступлениях первой половины XVII в., но, что особенно ценно, они были показаны как весьма существенная часть революционного процесса. Автору также удалось дать развернутое и обогащенное новыми идеями социальное обоснование идеологии левеллеров⁴⁹.

Книга Б. Мэннинга появилась в сложное время, на исходе «радикальной волны» в середине 70-х годов, когда на Западе начала развертываться антимарксистская кампания, захватившая и все последующее десятилетие. Эта кампания была неразрывно связана с общим нарастанием консервативных тенденций в политической жизни и в общественном сознании. Именно в этом широком контексте становятся понятными резкая активизация и ожесточенный характер многочисленных выпадов против английских историков марксистского и радикально-демократического направлений в британской прессе и научной периодике. Не случайно и то, что главной мишенью кампании против завоевавшей международный авторитет марксистской традиции в современной британской историографии стал крупнейший ее представитель, историк Революции К. Хилл. В этом проявляется подлинный смысл пресловутой «polemiki вокруг метода Хилла».

В 1975 г. под названием «Изменение и непрерывность в Англии XVII века» вышел сборник статей К. Хилла, написанных между 1961 и 1973 гг.⁵⁰ 24 октября того же года «Литературное приложение Тайме» опубликовало рецензию на эту книгу известного американского историка Дж. Хекстера^М. Но это не была обычная рецензия на конкретную книгу. Ее рецензирование явилось лишь удобным поводом для попытки полной дискредитации Хилла и его концепции Английской революции, а в конечном счете всей марксистской методологии истории.

Хиллу был предъявлен своеобразный импичмент, причем в самой резкой форме. Хекстер поставил целью доказать, что Хилл как ученый-историк не заслуживает доверия специалистов и широкой читательской публики, что он подгоняет свидетельства источников

⁴⁹ Подробный анализ книги Б. Мэннинга см.: *Мещерякова Н.М.* Указ. соч. С. 27—36.

⁵⁰ В этой работе Хилл еще раз подчеркнул, что считает марксистскую концепцию буржуазной революции самой полезной моделью для понимания Английской революции середины XVII века. См.: *Hill C.* Change and Continuity in Seventeenth-Century England. Cambridge (Mass.), 1975. P. 281.

⁵¹ *Hexter J. H.* The Burden of Proof // Times Literary Supplement. 1975. Oct. 24. P. 1251-1252.

О проблемах изучения социальной структуры в эпоху информационного перехода см.: *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Социально-классовые отношения в эпоху перехода от феодализма к капитализму: (Проблемы методологии и методики исследования) // Формации и социально-классовые структуры. М., 1985. С. 42—94.

⁴⁸ *Manning B.* Op. cit. P. 153
⁴⁹ Ibid. P. 9.

под априорно принятую модель и отбрасывает те свидетельства, которые не согласуются с избранной им схемой⁵². Другими словами, одному из крупнейших английских историков второй половины XX в., автору почти 500 работ, в том числе полутора десятков книг, было предъявлено обвинение в профессиональной непригодности и недобросовестности. Неудивительно, что это выступление вызвало многочисленные отклики, причем все участники последующей дискуссии, вне зависимости от их идейно-теоретических убеждений, были возмущены самим тоном рецензии, неакадемической формой, обилием оскорбительных метафор и эпитетов⁵³.

Дело, однако, не только и не столько в форме, сколько в существе выдвинутого обвинения и в приемах критики самого Хекстера, основанных на искажении тезисов оппонента, как правило, методом выборочного цитирования или путем подмены понятий и их произвольной интерпретации. Так, в качестве главного методологического постулата Хилла Хекстер приводит преднамеренно вырванную из контекста фразу: «Выдвинув тезис. . . я подобрал те свидетельства, которые, как мне казалось, его подтверждают». Позволим себе восстановить контекст и первоначальный вид этой цитаты из предисловия к книге Хилла «Интеллектуальные предпосылки Английской революции»: «Читатель не должен упускать из виду то, что эта книга является публикацией лекций. Я выдвинул некий тезис, не пытаюсь описать всю интеллектуальную историю Англии за пятьдесят лет до 1640 г. Поэтому я подобрал те свидетельства, которые, как мне казалось, его подтверждают. Итак, хотя надеюсь, что я не замолчал факты, которые были бы против меня, я зачастую опускал те факты, которые казались мне „нейтральными“. . . Моей целью было не написание работы, окончательно решающей проблему, а удачное начало дискуссии»⁵⁴. Как видим, рядовое объяснение сложившейся *ad hoc* структуры конкретной книги путем искусного препарирования было преподнесено как прокламирование методологического кредо. Этот эпизод красноречиво свидетельствует прежде всего о порочности методов «научной» полемики самого Хекстера, взявшего на себя роль блюстителя профессиональной чести историков.

Аналогичные обвинения выдвигались против Хилла и в предшествовавших дискуссиях, но в менее резкой форме. См. рецензии Х. Тревор-Роупера и П. Загорина на «Интеллектуальные предпосылки Английской революции» (*History and Theory*. 1966. Vol. 5. P. 73; *American Historical Review*. 1966. Vol. 71, N 3. P. 952), а также рецензию американского историка Р. Шлаттера на «Мир, перевернутый вверх дном» (*American Historical Review*. 1973. Vol. 78 N 4. P. 1055).

⁵³ *Times Literary Supplement*. 1975. Nov. 14. P. 1360; Dec. 12. P. 1489; *New York Review of Books*. 1978. Vol. 25, N 4. P. 6; *Palmer W. G.* The Burden of the Proof: J. H. Hexter and Chr. Hill // *Journal of British Studies*. 1979. Vol. 19, N 1. P. 122—129. Сам Хекстер вынужден был в конце концов признать, что он высказался «излишне резко». См.: *Hexter J. H.* Reply to Mr. Palmer: A Vision of Files // *Ibid* P. 136.

⁵⁴ *Hill C.* Intellectual Origins. . . P. VII—VIII.

Несмотря на то что К. Хилл и большинство участников дискуссии в «Литературном приложении Тайме» отвергли обвинения Хекстера, нападки на Хилла продолжались и в последующие годы, усиливаясь время от времени в связи с выходом в свет его новых книг⁵⁵. Показательно, что в это же время аналогичные обвинения были выдвинуты и против других британских историков-марксистов⁵⁶. Но самый сильный удар был все же направлен против концепции буржуазной революции, и это закономерно: ведь для многих британских историков XVII век все еще является полем не только академических, но и идейно-политических сражений, ничуть не менее острых, чем баталии французских историков вокруг Великой Французской революции XVIII века. Закономерно и то, что он обрушился на историка, который считал своим профессиональным и гражданским долгом неустанно напоминать о революционных традициях английского народа и противопоставлять демократический патриотизм «новому национализму» правых то-ри⁵⁷.

* * *

Истоки второй консервативной волны в британской историографии Английской революции в послевоенный период обнаруживаются уже на рубеже 60-х—70-х годов, когда у все большего числа историков новой генерации формируются представления о событиях середины XVII в. как о цепи случайностей, как о не предсказуемом результате кратковременного раскола внутри правящей элиты, не имевшем долгосрочных последствий. Образ *Английской революции* все больше бледнеет перед призраком «Великого мятежа». Эти неоревизионистские идеи, направленные на подрыв концепции социальной революции, находят свое воплощение в исследованиях совершенно различного рода: в рамках «новой локальной истории» и в области «чистой» политической истории, отказавшейся от поисков глубинных причин политических конфликтов.

Выше уже говорилось о том, что дискуссия о джентри в большой мере способствовала развитию локальных и региональных исследований по истории Англии XVI—первой половины XVII в. Развитие этого направления исследований по истории Английской революции совпало со «вторым рождением» локальной истории как одной из наиболее динамично развивающихся областей

a* См. • *Lamont W.* Review of Hill C. Milton and the English Revolution // *English Historical Review*. 1978. Vol. 93. N 368. P. 621-626; *Waddington R. B.* Milton Turned Upside Down // *Journal of Modern History*. 1979. Vol. 51, N 1. P. 108-112; *Morrill J.* Review of Hill C. Experience of Defeat // *History Today*. 1985. N 1. P. 52-53.

⁵⁶ См. например: *Landes D.* The Ubiquitous Bourgeoisie // *Times Literary Supplement*. 1976. June 4. P. 662-664; *Thompson F. M. L.* A Marxist Quintet // *Ibid*. 1986. N 4338. P. 572.

⁵⁷ См. речь К. Хилла на открытии Центра по изучению социальной истории в Раскин-колледже (Оксфорд) в феврале 1984 г., которая была опубликована в журнале: *History Today*. 1984, N 5. P. 10-11.

«новой исторической науки». Если первая волна работ локальных историков была непосредственно связана с перипетиями спора о джентри и ограничивалась решением ближайших задач, связанных с необходимостью фундаментального обоснования выдвинутых гипотез конкретным историческим материалом о социально-экономическом положении джентри различных областей Англии, то уже очень скоро обозначились и другие цели, отразившие стремление к комплексному анализу провинциального общества (county community).

Признанным родоначальником этого направления является глава лестерской школы локальной истории А. Эверитт. Именно в его публикациях 60-х годов была сформулирована концепция революции, которую условно можно назвать концепцией «локальной автономии»⁵⁸. Разумеется, работы, посвященные изучению политико-административной истории на провинциальном уровне, системы местного самоуправления XVI—XVII вв. и роли джентри в ней, выходили и раньше⁵⁹, но только интенсификация анализа локальных сообществ в 60-е годы создала достаточно емкую фактологическую базу для нового поворота в изучении предпосылок и природы Гражданской войны. На основании исследования социальной и политической структуры провинциальных обществ (под провинциальным обществом А. Эверитт подразумевал исключительно представителей джентри, правящую элиту в каждом графстве) Суффолка, Кента, Лестершира, Нортгемптоншира А. Эверитт сделал вывод об их полуавтономном характере, внутренней сплоченности и противостоянии вмешательству извне⁶⁰. «Одним из важнейших аспектов истории Великого мятежа, — писал он, — определенно является постепенное слияние или поглощение этих обществ (под давлением революции) национальным обществом „Новой модели" и Протектората»⁶¹.

Одной из исходных посылок концепции «локальной автономии» было представление о том, что каждое графство имело собственную иерархическую социальную структуру и особую политическую культуру, сложившуюся вследствие провинциальной централизации, ускоренной по сравнению с тем же процессом на национальном уровне⁶². Эверитт считал, что сопротивление

⁵⁸ К сожалению, формирование и развитие этого направления исследований по истории Английской революции осталось в советской историографической литературе практически незамеченным.

⁵⁹ См., в частности: *Coate M.* Cornwall in the Great Civil War and Interregnum 1642—1660: A Social and Political Studies. Oxford, 1933; *Wood A. C.* Nottinghamshire in the Civil War. Oxford, 1937; *Willcox W. B.* Gloucestershire: A Study in Local Government, 1590-1640. New Haven, 1940; *Hurstfield J.* County Government, 1530-1660 // *Victoria County History of Wiltshire. Vol. 5.* L., 1957; *Barnes T. G.* Somerset 1625—1640. A County's Government during the «Personal Rule». L., 1961; *Everitt A.* Suffolk and the Great Rebellion, 1640—1660. Ipswich, 1961. *Everitt A.* The Community of Kent and the Great Rebellion, 1640-1660. Leicester, 1966; *Idem.* The County Community//The English Revolution 1600—1660. L., 1968. P. 48-63; *Idem.* The Local Community and the Great Rebellion. L., 1969.

⁶⁰ *Everitt A.* The Community of Kent. . . P. 13.

⁶¹ *Everitt A.* Suffolk. . . P. 33-34.

и графствах централизаторской политике Долгого парламента было столь же сильным, как и позиция Карлу I, и имело те же глубокие истоки местный консервативный провинциализм. При этом рост провинциального самосознания он определял не как пережиток прошлого, а как новое явление, возникшее в первой половине XVII в. как результат укрепления экономического благосостояния провинций, в том числе подъема джентри.

А. Эверитт принижает значение событий Гражданской войны, подчеркивая преемственность процессов повседневной жизни на местах, а также «скрытую непреклонность провинциального мира, которая в конечном счете была одним из главных факторов провала и Карла I. и Кромвеля»⁶³. Концепция Эверитта была направлена не только и не столько против модернизации политического сознания джентри в традиционной вигской концепции революции, сколько против той модели классового конфликта, которая получила новое оформление в британской марксистской историографии этого периода. Критики концепции «локальной автономии» справедливо заметили, что чрезмерное подчеркивание Эвериттом локализма и элитарной монолитности провинциального общества (в лице представителей «политической нации») не находит подтверждения в источниках и ведет к пренебрежению идеологическими различиями внутри этого общества, а также к тому, что упускается из виду широкий пласт народных идей и устремлений⁶⁴.

Критерием размежеваний в Гражданской войне естественно становятся для Эверитта уже не религиозные убеждения, не социальный статус, не имущественное положение, не конституционные принципы и тем более не классовые интересы, а личные и групповые амбиции представителей местного дворянства. Именно эти интересы определяют в конечном счете исход внутреннего для каждого индивида «конфликта между лояльностью по отношению к провинциальному обществу и лояльностью по отношению к государству»⁶⁵.

Вопрос о расстановке сил в социальных слоях ниже статуса джентри А. Эверитт вообще не ставит: предполагается, что в «словесном обществе» (по модели Р. Мунье), в котором вертикальные связи внутри территориальной общности решительно преобладают над горизонтальными социальными связями, не остается места для проявления самостоятельных интересов и действий низших слоев. Представления А. Эверитта о социальной структуре и политических процессах в графствах практически совпадают с уже упоминавшейся концепцией «одноклассового общества» П. Ласлетта.

Everitt A. The Local Community. . . P. 27.

Holmes C. The County Community in Stuart Historiography//*Journal of British Studies.* 1980. Vol. 19, N 2. P. 55.

⁶⁵ *Everitt A.* The Local Community. . . P. 5.

Концепция «локальной автономии», предложенная А. Эвериттом, нашла в конце 60-х — 70-е годы многочисленных последователей. Ее влияние отчетливо прослеживается в работах таких историков, как Р. Хауэлл, А. Руте, А. Джонсон, А. Хассел-Смит и другие, на материале различных графств и городов Англии⁷⁰. Это монографии и статьи, в которых авторы стремятся использовать все сохранившиеся и ранее неизвестные документы местных и частных архивов для анализа воздействия Гражданской войны на отдельные провинциальные общества (главным образом в политико-административной сфере) и реакции на нее последних. Пожалуй, самым важным общим моментом всех этих работ является вывод о немногочисленности последовательных сторонников той или иной противоборствующей стороны в каждом графстве и о нежелании подавляющего большинства представителей джентри быть вовлеченными в конфликт. В совокупности все эти и аналогичные исследования дают широкую и сложную панораму общественно-политической жизни провинциальной Англии в первой половине XVII в., панораму, характеризующуюся исключительным многообразием отдельных ее элементов как в отношении локальных социальных и политических структур, так и в плане политической борьбы на местах в ходе Гражданской войны.

В зависимости от специфики конкретной ситуации в том или ином графстве подвергается модификации и рабочая модель провинциального общества. Например, американский историк К. Холмс ввел в нее такой важный для ряда графств фактор, как влияние, которое оказывали через свою клиентелу на расстановку политических сил в провинции представители аристократии⁷¹.

К. Холмс и Д. Андердаун первыми переместили центр тяжести в изучении Гражданской войны в провинции от проблемы локальной автономии к выяснению соотношения и взаимодействия региональной и национальной политики как в определении позиций членов Долгого парламента, так и в решении военных и административных вопросов на провинциальном уровне⁶⁸.

Некоторые работы британских историков, исследовавших предреволюционную ситуацию и события Гражданской войны в разных графствах, заслуживают особого внимания. Это, во-первых, книга Мервина Джеймса, посвященная графству Дарем, которое отличалось быстротой сдвигов в социальной структуре в конце

XVI—начале XVII в.¹¹¹ Именно и это время происходит, по мнению М. Джеймса, переход от патриархально-авторитарного к гражданскому обществу. Придерживаясь принципов тотального подхода в изучении локальной истории, автор последовательно анализирует изменения в семейных отношениях, в общественной структуре, в религиозно-идеологической сфере и в общественном сознании, в структуре управления и в политической ситуации. Несомненной заслугой М. Джеймса стало то, что он не ограничился развернутой и образцово исполненной «социальной историей джентри», а показал провинциальное общество накануне революции в вертикальном разрезе, снизу доверху: землевладельцев и держателей, купцов и горнорабочих, старожилы и пришлый люд. Он считает, что в 1570—1640 гг. происходила вызванная социальными изменениями революция в мировоззрении, религии и культуре, которая поставила под вопрос сложившуюся в незапамятные времена идеальную картину общественного устройства, покоящуюся на иерархии личностных связей, и подменила ее новыми представлениями о безличных правовых отношениях и о связях, основанных на религиозных убеждениях⁷¹). М. Джеймсу удалось практически осуществить на региональном уровне синтез социально-структурной истории и истории ментальностей и создать одно из наиболее ярких и полнокровных исследований английского провинциального общества накануне революции.

А. Флетчер, как и Джеймс, подходит к изучению «своего» графства Сассекс прежде всего с позиций социальной истории и тоже уделяет много внимания проблеме религиозного размежевания и сдвигам в сфере культуры. Оговорив, что большинство представителей джентри просто не имели никаких внутренних мотивов, которые могли бы вовлечь их в политическую борьбу в период Гражданской войны, Флетчер считает, что индивидуальный выбор остальных базировался на сочетании политических и религиозных мотивов, а также на личных социальных и семейных связях. Он в отличие от А. Эверитта и его последователей придает наибольший вес в определении политических позиций той или иной группы джентри конфессиональному фактору, а также подчеркивает приоритет вопросов национальной политики и второстепенность локальных проблем в содержании сассекских петиций⁷¹.

Принципиальным изменениям концепция «локальной автономии» подверглась в фундаментальной монографии социального историка Питера Кларка «Английское провинциальное общество от Реформации до Революции: религия, политика и общество в Кенте в 1500—1640 годы»⁷². На большом хронологическом

⁶⁹ James M. Family, Lineage and Civil Society: A Study of Society, Politics and Mentality in the Durham Region, 1500—1640. Oxford, 1974.

⁷⁰ Ibid. P. 179—181.

⁷¹ Fletcher A. A County Community in Peace and War: Sussex, 1600—1660. L; N. Y., 1975. P. 276, 285, 289, 93, 105, 124, 253.

⁷² Clark P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religi-

^m Howell P. Newcastle-upon-Tyne and the Puritan Revolution: A Study of the Civil War in North England. Oxford, 1967; Hoots J. The Central Government and the Local Community//The English Revolution 1600—1660 / Essays edited by E. W. Ives. L., 1968. P. 34—47; Andriette E. A. Devon and Exeter in the Civil War. Newton Abbot, 1971; Johnson A. M. Politics in Chester during the Civil Wars and Interregnum//Crisis and Order in English Towns, 1500—1700 / Ed. P. Clark, P. Slack. L., 1972; Hassell Smith A. County and Court: Government and Politics in Norfolk 1558—1603. L., 1974 etc.

^e Holmes C. The Eastern Association in the English Civil War. Cambridge, 1974.
¹⁸ Ibid.; Underdown D. Somerset in the Civil War and Interregnum. Newton Abbot, 1973. В британской историографии Английской революции это направление исследований стало активно развиваться позднее, в 80-е годы.

отрезке автор прослеживает эволюцию того самого кентского общества, изучение которого в более поздний период — в революционную эпоху — дало А. Эверитту эмпирическую основу для создания его концепции. Но П. Кларк в отличие от А. Эверитта придает гораздо большее значение религии как одному из факторов, определявших политические симпатии участников событий.

П. Кларк последовательно осуществляет комплексный подход к изучению провинциальной жизни: на различных этапах истории провинциального общества он исследует его экономику, социальную структуру и отношения, административно-правовые институты, расстановку политических сил, сдвиги в области идеологии и культуры, а также взаимодействие всех этих факторов в нарастании конфликта между короной и провинциями в 1603—1640 гг. Кентское общество предреволюционной эпохи предстает разделенным многими противоречиями, которые сохранились и в революционные десятилетия. Одним из важнейших проявлений внутренней напряженности в графстве автор справедливо считает распространение радикального пуританизма в сельских и городских центрах. Он в гораздо большей степени, чем Эверитт, акцентирует наличие тесных контактов провинциального джентри в Лондоне и по стране в целом. Особое внимание Кларк обращает на консолидацию «приходской олигархии», «новой деревенской элиты», ущемление интересов которой явилось источником многих локальных конфликтов. Он прослеживает формирование в 1629—1640 гг. оппозиции короне на всех уровнях провинциального общества, включая джентри и приходскую верхушку в деревне, купечество, мелких торговцев и ремесленников в городах⁷³.

В книге Дж. Моррилла о графстве Чешир в 1630—1660 гг. провинциальное общество, как и в интерпретации А. Флетчера, предстает уже не монолитным, а разделенным на политические группировки (радикальную и умеренную) в зависимости от приверженности принципам «национальной политики» или ценностям провинциального общества, а также по религиозному признаку. Этим, однако, картина размежеваний в графстве не исчерпывается: Моррил значительно усложняет ее, включив в объект своего исследования не только представителей местной элиты, но и низшие слои провинциального общества. Таким образом признается наличие внутри него комплекса социальных и идеологических противоречий. Вместе с тем социальный аспект рисуется все же подчиненным, а роль йоменри просматривается лишь сквозь призму их участия в приходских органах управления. Одним из импульсов для политических действий правящей элиты Дж. Моррил считает страх перед социальной революцией снизу⁷⁴.

on, Politics and Society in Kent, 1500 — 1640. Hassocks, 1977.

⁷³ Ibid. P. 107, 132, 138, 177, 250-251, 254, 267, 348-371.

⁷⁴ Morrill J. S. Cheshire 1630 — 60: County Government and Society during the English Revolution. Oxford, 1974. P. 22, 78—79, 82—84, 132-134.

Первый синтез локальных исследований по истории Гражданской войны был осуществлен Дж. Моррилом в свете его расширенной и углубленной (по сравнению с первоначальной моделью Л. Эверитта) концепции провинциального общества⁷⁵. Моррил внес в понимание провинциализма существенную оговорку: он признал, что последний не исключал интереса джентри к общим национальным, политическим и конституционным проблемам, а выражался в том, что «эти проблемы принимали локальный колорит и формулировались в локальных контекстах». Так, например, отметив, что на выборах в парламент в 1640 г. фактически стоял вопрос об отношении «политической нации» к «корабельным деньгам» и религиозным нововведениям арминианского толка, Дж. Моррил подчеркнул, что речь все же шла не о конституционном выступлении лидеров оппозиции против этих действий короны, а о протесте против их последствий для жизни местных общин⁷⁶.

Автор обращает внимание на то, что если в Вестминстере события 1640—1641 гг. способствовали поляризации политических группировок, то в графствах все усиливавшиеся «признаки разрушения общественного порядка» в форме народных волнений «на открыто классовом уровне» заставляли правящую элиту теснее сплотиться в поисках путей урегулирования конфликта. Таким образом, Моррил еще раз подтвердил свой вывод о негативном характере воздействия массовых движений на развитие революционного конфликта на местах. В соглашениях о нейтралитете, подписанных в 22 графствах и многих городах Англии в 1642 г., он видел триумф консервативного провинциализма. Принятие определенной группой джентри той или иной стороны в конфликте было, по его мнению, для большинства участников делом случая. Однако сами контуры этих группировок определялись, как правило, местными связями. Для активистов решающим моментом в их политическом самоопределении была религия⁷⁷.

Одним из важнейших аспектов Гражданской войны Дж. Моррил считает «борьбу между национальными и локальными приоритетами», покушение «парламентской тирании» на систему местного самоуправления, «разрушение старого общинного мира», что вызвало ответную реакцию «радикального консерватизма» в форме движений клобменов. Именно Моррилу принадлежит первое в британской историографии последовательное изложение и обобщение истории этих локальных массовых движений⁷⁸. Концепция «радикального консерватизма» была выдвинута Моррилом в про-

⁷⁵ Morrill J. S. The Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War 1630-1650. L.; N. Y., 1976.

⁷⁶ Ibid. P. 14, 115, 30.

⁷⁷ Ibid. P. 34-36, 46-50.

⁷⁸ Ibid. P. 53, 72, 80, 88; ch. 3. Подробный анализ движений клобменов был проделан советским историком С. И. Архангельским. См.: Архангельский С. И. Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века. М., 1960. С. 156-186.

тивовес сложившемуся в исторической литературе представлению об аполитичности нейтралов⁷⁹. По мнению Дж. Моррилла, последние были «радикальными консерваторами» и имели свою позитивную политическую программу, которая заключалась в защите традиционных ценностей и прав, которые две противоборствующие стороны «упустили из виду в братоубийственной войне. Клобмены проявили себя как истинные защитники в полной мере развитого провинциализма...»⁸⁰.

Учитывая формирование политического сознания социальных групп ниже статуса джентри, Дж. Моррил, по существу, создал более сложную, качественно новую концепцию провинциализма, которая принципиально отличалась от предшествующей. Модель Моррилла имеет как бы два центра — элитарный (джентри и его сознание провинциальной общности) и популистский (йоменри и крестьянство с их «деревенской демократией, с новым само сознанием на уровне сельской общины»). Но эти центры неравноправны: на втором уровне специфические локальные проблемы формулируются «внутри единого контекста традиционных ценностей провинциального общества»⁸¹.

Итак, к середине 70-х годов можно говорить уже о существовании в британской историографии нескольких модификаций «локалистского» подхода к истории Английской революции, далеко отошедших от первоначальной, довольно примитивной модели «локальной автономии». Новые гипотезы о соотношении локального и национального в политической сфере были предложены уже в 80-е годы на основе обобщения накопившегося материала локальных и региональных исследований, которые велись столь же интенсивно, и в результате разработки назревших теоретических проблем.

Идея кризиса середины XVII в. как «мятежа провинций» против государственной централизации была выдвинута еще в 1959 г. Х. Тревор-Роупером⁸², но только в работах сторонников «локалистского» подхода эта гипотеза получила научное обоснование. Значительно расширив имевшиеся представления об Английской революции, они не только обратили внимание историков на ранее выпадавшее из поля зрения измерение важнейшего социально-политического кризиса XVII в. — его локальный аспект, но и показали конкретно-историческое содержание последнего. К сожалению, историки-марксисты не уделили должного внимания этому аспекту революции, который, между прочим, был отмечен К. Марксом еще в 1848 г. Оценивая результаты английской и французской революций, он указал, в частности, на то, что они

означали не только победу буржуазной собственности над феодалской, но и победу «нации над провинциализмом»...⁸³

Несмотря на значительные расхождения как в понимании самого провинциального общества, так и в оценке глубины кризиса, который оно переживало, в потоке локальных и региональных исследований 70-х годов существовала общая детерминанта: тон задавали те из них, которые интерпретировали события середины XVII в. в консервативном духе.

* * *

Но все же главное наступление новой консервативной волны пошло в это время по иному направлению, хотя и непосредственно связанному с предыдущим. Речь идет об исследованиях, в фокусе внимания которых находится история парламента и политической борьбы в эпоху ранних Стюартов. Эти исследования стимулировались не только наступлением консерватизма на политической арене и негативной реакцией на социальные интерпретации революции, но и позитивными задачами исторической науки: необходимостью разобраться в тех вопросах, которые оставались в тени на предшествующих этапах ее развития, и пересмотреть некоторые оценки и концепции, не получившие подтверждения в конкретно-исторических исследованиях. Однако восстановление в правах политической истории имело более далеко идущие цели и с самого начала обнаружило деструктивные потенции, вылившиеся во всеобъемлющую ревизию самого представления о событиях середины XVII в. в Англии как о революции.

Общей методологической основой неоконсерватизма всех мастей является крайний релятивизм и иррационализм, отрицание идеи прогресса и причинности в истории. Выступая против «чтения истории назад» и оперирования категорией «роста», неоревизионисты практически отрицают традиционные методы исторического исследования — ретроспективный и генетический. Они противопоставляют либеральным и марксистской концепциям революции свою точку зрения на события 40-х годов XVII в. по всем аспектам их изучения и на всех уровнях обобщения: процесс нарастания кризиса превращается в их интерпретации в набор дискретных ситуаций; революционный конфликт — в борьбу придворных аристократических клик; выступление против политического режима — в мятеж против Карла I, спровоцированный его личными недостатками; социальная структура, испытывающая глубокие сдвиги, — в стабильную традиционную иерархическую систему. Если либеральные историки, преуменьшая социальные последствия революции, относили решительные сдвиги в положении различных социальных групп к XVI в., то неоконсерваторы не видят никаких изменений в общественной структуре до второй половины XVIII в. Однако и те и другие сходятся в отрицании

См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 115.

⁷⁹ См., например: *Underdown D. Somerset*. . . P. 117.

⁸⁰ *Morrill J. S. The Revolt of the Provinces*. . . P. 98

⁸¹ *Ibid.* P. 99. 107.

** *Trevor-Roper H. The General Crisis of the Seventeenth Century // Crisis in Europe 1560- 1660 / Ed. by T. S. Aston. L., 1965. P. 59-94. (1 st ed. - Past and Present 1959. N 16).*

классового характера конфликта, а это уже платформа для консенсуса.

Несмотря на определенные различия в концепциях неоревизионистов, можно выделить некое общее ядро аргументов, которые все они практически разделяют. Главные из этих тезисов: ограниченность роли парламента (и особенно палаты общин) в первой половине XVII в.; неистребимый консерватизм политической идеологии его лидеров, противостоящих «революционным новациям» короны в сфере политики и религии; случайный характер Гражданской войны; установление в ее результате «парламентской тираннии», более жесткой, чем королевский абсолютизм.

Для той группы историков, интересы которой лежат в сфере национальной политики, характерно предпочтение к истории государственных институтов: парламента, королевского совета, государственной церкви. Ревизии подвергаются установившиеся в науке представления о роли парламента и его месте в английской политической системе. Утверждается, что парламент, собиравшийся от случая к случаю, не являлся подлинно национальным институтом, а его члены ставили на первое место не решение важных конституционных вопросов, а улаживание своих местных дел, сверх того они стремились не к конфликту, а к согласию⁸⁴. Как общий момент можно отметить и подчеркивание, с одной стороны, противоречий внутри так называемой оппозиции, а с другой — борьбы придворных клик между собой, а также абсолютной подвижности границ между «Двором» и «Страной» и несостоятельности представления о них как о сколько-нибудь стабильных политических группировках.

Признанным знаменосцем неоревизионизма является известный специалист по политической истории XVI в. Дж. Элтон, который еще в середине 60-х годов сформулировал его основные принципы». Несколько позднее он «расправился» с Л. Стоуном (в рецензии на его книгу «Причины Английской революции»), обнаружив, что «в его анализе причин войны нет ничего, что удивило бы Гардинера или Полларда». Дж. Элтон призвал историков пересмотреть вигскую интерпретацию истории XVI—XVII вв. снизу доверху и обвинил всех, кто стремится выяснить причины Гражданской войны, в искажении «реальных позиций, убеждений и действий участников событий» «е.

Дж. Элтон, как впоследствии и многие другие ревизионисты, подверг сомнению существование конституционной парламентской оппозиции Карлу I и его двору⁸⁷. «То, с чем мы сталкиваем-

⁸⁴ См., в частности, характеристику парламентов первой половины XVII в. в работах К. Рассела: *Russell C. The Crisis of Parliament: English History 1509—1660*. Oxford, 1971; *Idem. Parliaments and English Politics*. 1621—1629. Oxford, 1979.

⁸⁵ *Elton G. E. A High Road to Civil War? // From the Renaissance to the Counter-Reformation: Essays in Honour of Garrett Mattingly / Ed. C. H. Carter. N. Y., 1965; Idem. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Papers and Reviews 1946—1972. Vol. 2. Cambridge, 1974.*

⁸⁶ *Historical Journal*. 1973. Vol. 16, N 1. P. 205—208.

⁸⁷ Впрочем, этот тезис восходит к давней монографии американского историка

ся, есть политическая борьба, соперничество и разногласия между монополистами власти и теми, кто хотел нарушить эту монополию. . . И ничто не дает нам основания утверждать, что в этих политических реальностях готовилась революция. . .»⁸⁸

Несмотря на приоритет Дж. Элтона, довольно долгое время в пересмотре парламентской истории первой половины XVII в. лидировали американцы, перенесшие внимание с палаты общин на палату лордов и поставившие под вопрос самостоятельность позиций лидеров нижней палаты⁸⁹. Но и позднее, когда среди британских историков сформировалась сильная группа новой ориентации, они заняли несколько более сбалансированную позицию, лишенную некоторых крайностей их трансатлантических коллег. Различия проявились не только в том, что английские неоревизионисты, в отличие от историков США и Канады подчеркивая роль палаты лордов в парламентских делах и влияние членов Совета в нижней палате, не считают все же парламентариев покорными марионетками своих аристократических патронов, но и в более общих оценочных вопросах.

Для всех представителей данного направления характерен преднамеренный, методологически обусловленный отказ от попытки объяснить природу событий 40—60-х годов XVII в. как целостного исторического явления и ограничение своих задач объяснением происхождения Гражданской войны, а вследствие этого — сознательное сужение временной перспективы для выяснения причин последней (не ранее 1625 г.)⁹⁰.

Беспорный лидер современных британских ревизионистов Конрад Рассел в своих многочисленных научных публикациях переписал заново историю английского парламента эпохи ранних Стюартов⁹¹. В 1973 г. он возглавил авторский коллектив (по преимуществу из молодых историков) сборника «Происхождение Английской Гражданской войны», которым новое направление зая-

Маргарет Джалсон, которая пришла к выводу, что взгляды на конституцию представителей обеих сторон в Гражданской войне были идентичны. См.: *Judson M. A. The Crisis of the Constitution: An Essay in Constitutional and Political Thought in England*. New Brunswick, 1949.

⁸⁸ *Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart Politics. . . Vol. 2. P. 187.*

⁸⁹ Некоторые итоги этих исследований были обобщены и представлены в обзорной статье Дж. Фарнела: *Farnell J. E. The Aristocracy and Leadership of Parliament in the English Civil Wars // Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44, N 1. P. 79—86.

⁹⁰ Пожалуй, единственное исключение составляет «ревизионист» старшего поколения Р. Эштон, который относит начало формирования «так называемой оппозиции» к 1603 г. См.: *Ashton R. The English Civil War: Conservatism and Revolution, 1603—1649*. L., 1978; *Idem. The City and the Court, 1603—1643*. Cambridge, 1979.

⁹¹ См., в частности: *Russell C. Perspectives in Parliamentary History 1604—1629 // History*. 1976. Vol. 61, N 1. P. 1—22; *Idem. Parliaments and English Politics 1621—1629; Idem. The Parliamentary Career of John Pym 1621—1629 // The English Commonwealth 1547—1640: Essays Presented to Joel Hurstfield / Ed. P. Clark, A. G. R. Smith, N. Tyacke. Leicester, 1979. P. 147—165; Idem. The Nature of Parliament in Early Stuart England // Before the English Civil War: Essays on Early Stuart Politics and Government // Ed. H. Tomlinson. L., 1983. P. 123—150; et al.*

вило о себе в полный голос⁹². Именно в предисловии, которое Рассел написал к этому изданию, получила наиболее последовательное изложение его концепция политического кризиса начала 40-х годов XVII в. По К. Расселу, чтобы понять, почему началась Гражданская война, достаточно уяснить, как она началась. «Какие процессы в политической жизни превратили стремление к реформам, с которыми члены Долгого парламента прибыли в Вестминстер, в желание прибегнуть к оружию?» — таков центральный вопрос^М. Как видим, сама постановка вопроса исключает необходимость искать объяснение конфликта за пределами царствования Карла I и тем более в столь далеких от высокой политики сферах, как экономика и общественные отношения. Впрочем, но мнению Рассела, к началу 70-х годов нашего столетия стало ясно, что все попытки социально-экономического объяснения Гражданской войны провалились

Но К. Рассел в отличие от многих своих соратников признает, что некоторые социальные сдвиги все же имели место. Главными изменениями в социальной сфере он считает не подъем или упадок джентри, не складывание буржуазии, но «подъем верхушки йоменри», а также «многих торговцев и ремесленников», которые хотя и не принадлежали к «политическим классам», но без их поддержки парламент не смог бы одержать свою первую решающую победу над Карлом I в январе 1642 г. Именно эти слои обеспечили социальную основу подлинно революционных движений уже после Гражданской войны (речь идет о «Новой модели» и левеллерах)^{9Л}.

К. Рассел предложил собственную модель двух революций, первая из которых — ее главными вехами он считает казнь Стаффорда, законодательство Долгого парламента, «Ордонанс о милиции» и начало Гражданской войны — была «скорее мятежом, чем революцией», и уж во всяком случае «не социальной революцией, а расколом внутри правящего класса». Ее цель ограничивалась изменением политики и сменой министров Карла I. Вторая революция, реализовавшаяся в создании армии «Новой модели», в Прайдовой чистке и казни Карла I, признается «революцией в полном смысле слова: атакой на существующую социальную структуру и особенно на положение джентри»⁹⁶.

Научная интуиция не подвела «политического» историка Рассела и в определении возможного направления новых поисков социальных историков — исследование социальной поляризации крестьянства. Однако он категорично отверг связь с какими-либо социальными процессами «раскола внутри джентри», который

может быть объяснен, по его мнению, только политическими и религиозными мотивами

Итак, К. Рассел все же признает наличие социального конфликта в середине XVII в., по этот конфликт возник не до войны, а после нее и не между партиями короля и парламента, а между двумя крылами расколовшегося парламентарского лагеря. Поэтому он отрицает социальный характер столкновения в Гражданской войне. Политический кризис Kill г. все же имел, по его мнению, определенную долгосрочную основу — «институционный хаос» политической системы Тюдоров, в которой парламента был лишь символом и играл второстепенную роль, а краеугольными камнями служили местное неоплачиваемое самоуправление джентри в графствах и королевский патронат, обеспечивавший доходы от придворных должностей⁹⁸. В этом пункте К. Рассел полностью опирается на концепцию «локальной автономии», которая таким образом дает обоснование его истолкованию происхождения Гражданской войны, но уже с точки зрения «провинциальной политики».

Но ни кризис системы управления, ни политические и религиозные распри не могли, по мнению К. Рассела, сами по себе привести к войне. Решающими оказываются случайные внешние импульсы. «Хотя Гражданскую войну часто называют „Английской революцией“, ее начали не англичане, а шотландцы и ирландцы, которые предоставили им такую возможность»⁹⁹. При этом Шотландская война и Ирландское восстание 1641 г., без которых якобы Карл I смог бы справиться с оппозицией и остаться у власти, выступают как события, совершенно случайно совпавшие по времени с политическим кризисом в Англии и не связанные общим историческим контекстом.

Через исторических ситуаций, приведшая к политической катастрофе, — ее выяснение и составляет существо анализа, исходящего из акцидентальной теории причинности в истории, — в обобщенном виде рисуется Расселом следующим образом. Первый этап — с 1625 по 1640 г. — характеризовался резким изменением предшествующей расстановки политических сил в результате «революционных» новаций Карла I, подорвавших традиции елизаветинского политического и церковного устройства, в которых были воспитаны его «консервативные оппоненты». Поддержка Карлом контрреформационных тенденций создала почву для временного протиеоственного союза между умеренным англиканским джентри и пуританскими радикалами, который распался уже после Гражданской войны¹⁰⁰. Вторая из двух главных ошибок Карла I, приведших к Гражданской войне, состояла в том, что летом 1640 г. в условиях религиозной конфронтации и явного

⁹² The Origins of the English Civil War / Ed. C. Russell. L., 1973. Без ссылки на этот сборник не обходится ныне практически ни одно исследование по истории Гражданской войны и политической истории Англии предшествующего двадцатилетия.

⁹³ Ibid. P. 1.

Ibid. P. 5.

» Ibid. P. 8-9.

» Ibid. P. 2.

" Ibid. P. 9.

as Ibid. P. 14.

и Ibid. P. 12.

"» Ibid. P. 17. См. также: *Tyacke N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // Ibid. P. 120-143; Clifton II. Fear of Popery // Ibid. P. 144-167.*

нежелания джентри помочь короне справиться с шотландской армией и с мятежами в собственных войсках он не отказался от своих вызвавших серьезное сопротивление фискальных притязаний и таким образом не использовал возможность предотвратить союз (столь же противостественный и еще более кратковременный) парламентского джентри с непривилегированными общественными группами на платформе пуританизма и сопротивления произвольному налогообложению¹⁰¹. Так, личными усилиями Карла I, умудрившегося совместить по времени религиозный и финансовый кризисы, каждый из которых в разное время был в той или иной форме неизбежен и мог привести к «обычному политическому кризису», была создана революционная ситуация, дальнейшее развитие которой обеспечила, в частности, такая «случайность», как потеря короной контроля над Лондоном. Впоследствии взаимные опасения в отношении намерений другой стороны сделали вооруженный конфликт неотвратимым¹⁰².

Следует признать оригинальность и обоснованность многих наблюдений К. Рассела более частного характера, и они несомненно внесли позитивный вклад в изучение Гражданской войны, как, впрочем, и вскрытие им многих слабых мест в ранее выдвигавшихся гипотезах и интерпретациях, что способствовало их последующей доработке и уточнению. Но нельзя не заметить и одного коренного методологического просчета, обрекающего на шаткость всю неоревизионистскую конструкцию (тем более в ее менее рафинированных модификациях): возможность альтернативного развития той или иной исторической ситуации не исключает, а, напротив, предполагает при всей кажущейся случайности выбора наличие вполне реальных, но скрытых, не лежащих на поверхности условий, которые в конечном счете этот выбор определяют.

Разумеется, обобщения Рассела покоятся не только на его собственных научных результатах, он опирается на выводы историков, исследующих развитие тех же событий на провинциальном уровне, на работы специалистов по истории религии, общественной мысли, культуры юз, в том числе, конечно, и на опубликованные в сборнике «Происхождение Английской Гражданской войны». Среди последних особого внимания несомненно заслуживает статья Дж. Эллиота «Англия и Европа: общий недуг?», которая выводит неоревизионистскую интерпретацию Гражданской войны в Англии на орбиту компаративной историографии¹⁰⁴.

Дж. Эллиот еще в 1969 г. выступил против концепции социальной революции применительно к XVI—XVII вв. и высказал мысль о консервативном и даже реакционном характере идеологии

участников массовых движений и восстаний той эпохи¹⁰⁵. Не признавая социальной обусловленности последних, он свел их к чисто политическим конфликтам, к борьбе за власть. Взяв за основу построенную на противостоянии центральной власти и сословных корпораций модель политической революции Х. Тревор-Роупера, Дж. Эллиот, во-первых, поменял в ней полюса противостояния, провозгласив действительно революционной политику абсолютистского государства, а реакционным — сопротивление ей различных общественных слоев, и, во-вторых, включил в эту модель проблему мотивации. Побудительными мотивами движений XVI—XVII вв. были, по Эллиоту, так называемый народный национализм и «корпоративный конституционализм» верхних слоев общества (аристократии, джентри, городской верхушки, духовенства), выразившийся в сложном идеализированном представлении об общине, или корпорации, как о реально существующем организме, наделенном специфическими обязательствами, правами, привилегиями. Инстинкт правящих классов, направленный на сохранение своего исторического наследия — идеализированной общности локального, регионального или национального масштаба, перевешивал, по мысли Эллиота, любые другие мотивы, включая религиозные. Роль народных движений им подчеркнута принижалась, опора на поддержку извне рассматривалась как неотъемлемый элемент всех сколько-нибудь продолжительных восстаний. Те изменения в жизни Европы XVI—XVII вв., которые все же имели место в рамках традиционных государственных структур, были реализованы, на взгляд Эллиота, благодаря движениям представителей правящих классов.

Поставив во главу угла проблему взаимодействия движений протеста со стороны правящих классов с движениями народных масс, вызванными религиозными, фискальными или социальными притеснениями, Дж. Эллиот отказался от построения какой-либо общей модели на этой основе и ограничился лишь разбором отдельных случаев, характеризовавшихся различным соотношением между чувством отчужденности правящего класса по отношению к короне и его страхом перед социальным переворотом. Английскую революцию середины XVII в. он рассматривает как рядовой случай описанной им категории движений, получивший наиболее успешное развитие благодаря тому, что временный альянс оппозиции внутри правящего класса и сил народного протеста был укреплен общими религиозными узами.

В статье, опубликованной в выше названном сборнике под редакцией К. Рассела, Эллиот полностью солидаризируется с «неоревизионистской» концепцией. Сравнивая Английскую революцию с движениями 40-х годов XVII в. во Франции, в Испании и Италии, он делает вывод, что революция середины XVII века представляла собой запоздалую английскую версию реформационных движений, уже прошедших на континенте в XVI в. Сама эта

¹⁰¹ Ibid. P. 26-31.

¹⁰² См. также: *Russell C.* The Crisis of Parliaments. . . P. 339—340.

юз О культурном аспекте Гражданской войны, в частности, см.: *Thomas P. W.* Two

Cultures? Court and Country under Charles I // *The Origins*. . . P. 168—193.

«М *Elliott I. H.* England and Europe: A Common Malady? // *Ibid.* P. 246-257.

¹⁰⁵ *Elliott J. H.* Revolution and Continuity in Europe // *Past and Present*. 1969. N 42. P. 35-56.

задержка, пишет Эллиот, была случайной, ибо нетрудно представить, что если бы Мария Тюдор прожила немного дольше, то в Англии в XVI в. произошли бы такие же события, как в Нидерландах¹⁰⁶. Заслуга в их предотвращении приписывается Елизавете, которая сумела использовать внешнюю угрозу для укрепления национального единства.

Дж. Эллиот горячо поддержал тот акцент на инициативную роль правительства в возникновении конфликта, на революционный характер его действий в противовес консервативному настрою всех слоев общества, какой делали все неоревизионисты. Достоинство такого понимания Английской революции состоит, по его мнению, в том, что оно сближает ее с одновременными событиями на континенте в отличие от марксистской концепции буржуазной революции, которая якобы не дает возможности их сопоставить¹⁰⁷. Однако в результате собственного сопоставления он практически возвращается к давно апробированному консервативными историками набору идей о личных качествах Карла I, о роли внешнего фактора, о конфликте поколений, о слабостях английского абсолютизма, об отчуждении «Двора» и «Страны» и т. д. г¹.

Как уже отмечалось, инициатива в ревизии политической истории первой половины XVII в. принадлежала североамериканским историкам. Первую попытку теоретически осмыслить и обосновать эту новую парадигму исследования событий 40—50-х годов XVII в. предпринял канадец Пол Кристиансон¹⁰⁹. Не случаен и тот факт, что в дискуссии, вызванной главным образом реакцией на пересмотр распределения ролей двух палат в парламенте и на тезис о полном подчинении парламентского джентри своим

аристократическим патронам, английские историки не приняли активного участия¹¹⁰.

Между тем во второй половине 70-х годов новое направление все больше укрепляет свои позиции и к британской историографии Английской революции. Одна за другой появляются статьи в периодической печати, программные рематические сборники, монографии, обобщающие работы, написанные британскими историками-«неоревизионистами»¹¹¹. Главной мишенью критики продолжают оставаться так называемые телеологические интерпретации истории (под которыми подразумеваются вигская и марксистская), центральным тезисом — отрицание наличия организованной и сознательной конституционной оппозиции короне в парламенте в первой половине XVII в. В сборниках под редакцией К. Шарпа и Х. Томлинсона основное место занимают статьи, посвященные парламентским сессиям 1603—1629 гг., проблемам лидерства в палате общин и роли аристократического патроната. В статье одного из лидеров «неоревизионистов», Кевина Шарпа, «Личное правление Карла I» было исследовано функционирование системы государственных институтов (без парламента) в 30-е годы. Центр проблематики был перенесен из конституционной сферы в административную. Автор справедливо подчеркнул, что государственная структура управления и в 30-е годы продолжала зависеть от сотрудничества с провинциальной правящей элитой. К. Шарп подверг резкой критике тезис об усилении влияния парламента и сделал заключение о том, что единственной последовательной тенденцией политического развития Англии в течение всего XVII в. была «эрозия провинциализма»¹¹².

¹⁰⁶ Аналогичную мысль о вероятности в этом случае гражданской войны в Англии, подобной французским религиозным войнам, высказал известный английский историк-компаративист Х. Кенигсбергер в дискуссии с Л. Стоуном. См.: *Early Modern Revolutions: An Exchange* // *Journal of Modern History*. 1974. Vol. 46, N 1. P. 101.

¹⁰⁷ Марксистско-ленинская концепция синхронных циклов революций как воплощения диалектики всемирно-исторического и локально-исторического в междоформационном переходе от феодализма к капитализму была недавно разработана в советской историографии. См.: *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI—XIX вв.) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 66—77; *Они же.* Великие социальные революции XVII—XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990.

¹⁰⁸ *Elliott J. H.* England and Europe. . . P. 249-257.

¹⁰⁹ П. Кристиансон предложил модель английского общества в виде взаимодействующих друг с другом четырех иерархических структур (деревенское, или локальное, общество, провинциальное общество, лондонское общество, двор с институтами центральной власти) и выдвинул тезис об усилении господства аристократии в политической жизни страны между 1560 и 1640 гг. См.: *Christianson P.* The Causes of the English Revolution: A Reappraisal // *Journal of British Studies*. 1976. Vol. 15, N 2. P. 40—75. Некоторые уточнения в теоретические положения Кристиансона с позиции «симпатизирующего критика» внес известный канадский философ У. Дрей. См.: *Dray W. H.* Presentism, Inevitability and the English Civil War // *Canadian Journal of History*. 1982. Vol. 17. P. 257-274.

Christianson P. The Peers, the People and Parliamentary Management in the First Six Months of the Long Parliament // *Journal of Modern History*. 1977. Vol. 49, N 4. P. 575—599; *Kishlansky M.* The Emergence of Adversary Politics in the Long Parliament // *Ibid.* P. 617—640; *Farnell J. E.* The Social and Intellectual Basis of London's Role in the English Civil Wars // *Ibid.* P. 641—660. С критикой в адрес американских «неоревизионистов» выступил Дж. Хекстер. См.: *Hexter J. H.* Power Struggle, Parliament and Liberty in Early Stuart England // *Journal of Modern History*. 1978. Vol. 50, N 1. P. 1—50. Д. Херст, признав, что необходимо учитывать роль аристократического патроната, выступил против недооценки значения других политических по своей природе группировок, а также социальных различий внутри самой системы вертикальных личностных связей. См.: *Hirst D.* Unanimity in the Commons, Aristocratic Intrigues, and the Origins of the English Civil War // *Ibid.* P. 51-71. См. также: *Babji T. K., Hirst D. M.* Revisionism Revised: Two Perspectives on Early Stuart Parliamentary History // *Past and Present*. 1981. N 92. P. 55-99.

¹¹¹ Сверх уже упоминавшихся работ Рассела и Элтона см.: *Faction and Parliament: Essays on Early Stuart History* / Ed. K. Sharpe. Oxford, 1978; *Kenyon J. P.* Stuart England. L., 1978; *The English Commonwealth 1547—1640: Essays in Politics and Society*. Leicester, 1979; *Coward B.* The Stuart Age: A History of England 1603—1714. I., N. Y., 1980; *Morrill J. S.* Seventeenth-Century Britain. 1608—1714. Folkestone, 1980; *Fletcher A.* The Outbreak of English Civil War. N. Y., 1981; *Button H.* The Royalist War Effort 1642—1646. Oxford; I., 1982; *Reactions to the English Civil War 1642—1649* / Ed. J. Morrill. L., 1982; *Before the English Civil War: Essays on Early Stuart Politics and Government* / Ed. H. Torrinsou. I., 1984.

¹¹² *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I // *Before the English Civil War*. . . P. 5.3-78.

На рубеже 70-х и 80-х годов «неоревизионисты» значительно расширили поле своих исследований. От интенсивного изучения проблемы происхождения Гражданской войны они со временем перешли к анализу и объяснению в рамках новой парадигмы последующих событий. «Ревизия» быстро вышла за пределы политической истории и захватила область истории английского протестантизма и контрреформационных течений, поскольку пересмотру подлежало не только «возвышение парламента» в первой половине XVII в., но и роль пуританизма как революционной идеологии¹¹³. Если исключить крайности в оценках, то в результате этих исследований научные знания об исторической ситуации 20—40-х годов несомненно возросли, многие ключевые понятия были уточнены. Когда негативный заряд тотальной ревизии ставших традиционными концепций был в значительной мере исчерпан, возникла естественная потребность в конструктивных решениях. Но на этом пути стояли серьезные трудности, одна из которых заключалась в ограниченности политического анализа вообще и невозможности, оставаясь в его рамках, объяснить сложные перипетии и последствия событий 1642—1649 гг. («второй революции», по К. Расселу). Особую проблему создавал сложившийся разрыв в изучении политической борьбы на национальном и региональном уровне.

* * *

Вопрос о соотношении национальной и локальной политики в период Гражданской войны вполне закономерно выдвинулся на первый план в конкретно-исторических исследованиях 80-х годов. Но уже в 70-е годы намечилось по крайней мере три подхода к решению этого вопроса. Во-первых, «ревизионистская» постановка проблемы: в частности, К. Рассел, отказавшись от дихотомии «Двора» и «Страны», продемонстрировал прочные личные связи членов придворных и провинциальных политических группировок¹¹⁴.

Дирек Херст, напротив, доказывал, что перед Гражданской войной система патроната разрушилась, связи между «Двором» и «Страной» ослабли и одновременно установились более тесные связи между провинциальными обществами и палатой об-

¹¹³ Как мы видели, активная роль в возникновении кризиса была отведена контрреформационному течению — арминианству. См.: *Tuスケ N.* Op. cit. Passim. См. также: *Morrill J.* The Church in England, 1642-1649 // *Reactions*. . . P. 89-114. Некоторые итоги в этой области исследований были подведены в работе канадского историка Майкла Финлейсона. См.: *Finlayson M. G.* *Historians, Puritanism, and the English Revolution: the Religious Factor in English Politics before and after the Interregnum.* Toronto, 1985. Вообще же подавляющее большинство работ, специально исследующих сферу религиозных представлений, принадлежит не британским историкам (если, конечно, не считать внушительную продукцию К. Хилла), а их коллегам из университетов США, Канады, Австралии.

¹¹⁴ *Russell C.* *Parliaments and English Politics*. . . P. 11.

Ицин¹¹⁵. В фундаментальной монографии «Представитель народа? Избиратели и выборы в Англии при ранних Стюартах» Д. Херст впервые с позиции «истории снизу» попытался дать ответ на корректный вопрос: о составе электората, процедуре выборов и взаимоотношениях между парламентариями и их избирателями. Выход в свет его книги обозначил новаторный пункт в изучении социально-политической истории Англии первой половины XVII в. прежде всего потому, что ему удалось на огромном фактическом материале из местных архивов убедительно доказать, что еще до Гражданской войны достаточно широкие слои непривилегированных сословий могли участвовать в политической борьбе на легальной основе. Д. Херст, таким образом, значительно расширил понятия «политической нации» и «провинциального общества» по сравнению с тем, как их понимали сторонники элитарного подхода, проявившегося и в первоначальном варианте концепции «локальной автономии», и в той ее модификации, которая учитывала «народную политику» исключительно в форме насильственных действий, и в неолиберальной концепции революции Л. Стоуна, и, наконец, даже в концепции Б. Мэннинга. Как показал Херст, ряд объективных (инфляция, резко изменившая социально-экономический смысл квалификации «40-шиллинговый фригольд», и недостаточное строгое формальное различие фригольда и наследственного копигольда) и субъективных (обострение соперничества в среде джентри, вызвавшее стремление новых претендентов на места в парламенте к искусственному расширению электората в графствах и городах) обстоятельств¹¹⁶ способствовал тому, что возможность оказывать воздействие на исход голосования получили не только джентри и средние слои, но и более широкие массы «простых людей». По подсчетам Д. Херста к 1640 г. электорат существенно расширился и стал включать в себя от 27 до 40 % взрослого мужского населения¹¹⁷. Он также сделал важный вывод, непосредственно опровергающий центральный тезис «неоревизионистов»: притязания парламента на представительство народа в 40-е годы XVII в. не были абсолютно бесосновательными¹¹⁸.

Третий подход к проблеме соотношения политической борьбы на национальном и провинциальном уровнях предложил американский историк Д. Андердаун. В статье, опубликованной в 1978 г.¹¹⁹, он поставил задачу уточнить расстановку политических сил на различных этапах революции и в аналитических

¹¹⁵ *Hirst D.* *The Representative of the People? Voters and Voting in England under the Early Stuarts.* Cambridge, 1975. P. 4, 157-158, 176-179, 188; *Idem.* *Court, Country and Politics // Faction*. . . P. 105—137.

¹¹⁶ *Hirst D.* *The Representative*. . . P. 30—103.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 105.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 192-193.

¹¹⁹ *Underdown D.* «Honest» Radicals in the Counties 1642—1649 // *Puritans and Revolutionaries: Essays in Seventeenth-Century History Presented to Chr. Hill.* Oxford, 1978. P. 180-205.

целях выдвинул ее трехчастную модель: 1) «умеренная конституционная революция 1640—1642 гг.» - конфликт внутри правящей элиты; 2) «более насильственная революция 1648—1649 гг.» и 3) «нереализованная демократическая революция, к которой стремились левеллеры и сектанты» (по К. Хиллу).

В конце 70-х годов историкам всех направлений стало ясно, что наименее изученной и наиболее сложной (и в то же время, бесспорно, ключевой) для интерпретации кризиса 1640—1660-х годов в целом является «вторая революция». Однако локальные историки консервативного толка придерживались традиционного взгляда, исходящего из полного отрыва локальной и национальной политики: события в центре в 1643—1649 гг. рассматривались как результат действий горстки политиков, испытывавших давление со стороны армии, но не имевших серьезной опоры в организованном революционном движении на местах. Считалось, что сторонники революции в провинции действовали исключительно из корыстно-карьеристских побуждений. Андердаун выдвинул гипотезу о существовании в провинции до 1648—1649 гг. достаточно широкой революционной партии, имевшей поддержку во всех слоях провинциального общества, партии, включавшей в себя не только «индепендентское джентри», но и «пролевеллерски настроенную часть рядовых членов»¹²⁰.

В 80-е годы проблема соотношения локального и национального заняла центральное место в конкретно-исторических исследованиях и научных дискуссиях.

В 1980 г. американский ученый К. Холмс выступил с острой критикой «локалистских» концепций А. Эверита, Дж. Моррилла и др. с позиций, близких к Д. Херсту, и показал тесную связь событий 30-х годов XVII в. в центре и на местах и невозможность объяснить их, учитывая только местнические интересы, поскольку во всех случаях сопротивления произвольному налогообложению в провинции в 30-е годы и в провинциальных петициях в парламент в 20-е годы поднимались вопросы более широкого политического звучания, вопросы национальной государственной политики¹²¹. Он отверг тезис об идейном единстве «провинциального общества» и о его исключительно гомогенном, элитарном социальном составе, а также отметил интенсивность местных связей других уровней (помимо графств): в деревнях, приходах, сотнях, городах, религиозных ассоциациях. Все эти вопросы далеко не случайно были стянуты в один узел: ведь именно три этих тезиса составляли логический стержень «локалистской» концепции, ту ее опору, которая была к началу 80-х годов основательно размыта в связи с накоплением многочисленных исторических фактов, свидетельствующих об обратном.

Восхождение к новому этапу развития историографии революции настоятельно требовало избавления «локалистской» и «ревизи-

онистской» концепций от излишних крайностей и схематизма. Одну из попыток частичной оптимизации этих концепций с учетом нового комплекса исторических данных предпринял А. Флетчер в монографии «Начало Английской гражданской войны», в которой он проделал детальный анализ сложных взаимосвязей политики Долгого парламента и политической борьбы на местах в 1640—1642 гг. Наряду с повторением некоторых общих мест, вроде тезиса о том, что «это была война, которой никто не хотел», что она явилась «результатом серии недоразумений» между королем, аристократией и джентри, Л. Флетчер констатировал наличие раскола в среде провинциального джентри и подчеркнул значение народных выступлений в поддержку парламента, признав ее решающей в начале войны¹²². В другой своей книге, «Реформа в провинциях: управление Англией при Стюартах», А. Флетчер напрямую обратился к проблеме эволюции «партнерства между короной и провинциальным джентри, осуществлявшим администрацию и правосудие на местах». Не оспаривая критических замечаний К. Холмса и необходимости учета внесенных им коррективов, Флетчер тем не менее вновь подчеркнул свою приверженность концепции «провинциального общества»¹²³.

Р. Хауэлл, исследуя позиции политических группировок в городах во время Гражданской войны, опровергает универсальность тезиса об их однозначной обусловленности местными интересами. Он демонстрирует разнообразие реагирования различных городских корпораций на проблемы, вставшие перед ними в ходе войны, и отмечает наличие размежеваний внутри городских общин. Причем если в одних городах это размежевание проявляло признаки социального конфликта, то в других — фракционной борьбы внутри городской верхушки, а в третьих — идейно-религиозного противостояния. Однако в целом, за небольшим исключением, реакция городов была консервативной и оборонительной¹²⁴.

Р. Хаттон, также выступающий с «неоревизионистской» платформы, сосредоточил внимание на военных усилиях роялистского лагеря в 1642—1646 гг. Он, в частности, пришел к выводу, что нейтрализм в Гражданской войне не был однозначным, а покрывал широкий спектр политических позиций — от подчинения приказам обеих сторон до отказа выполнять чьи-либо приказы и вооруженного противостояния обеим сторонам. Для обозначения последнего состояния Хаттон ввел специальный термин — «воинствующий нейтрализм». Он также уделяет большое место движениям клобменов и влиянию самостоятельных выступлений крестьянства на ход военных действий и политической борьбы. Но общие контуры концепции остаются неизменными: причины

¹²² Fletcher A. The Outbreak of English Civil War. N. Y., 1981. P. XXV, XXX, 302, 410, 417.

¹²⁴ Fletcher A. Reform in the Provinces: The Government of Stuart England. New Haven, 1986. P. 365-366.

¹²³ Howell R. Neutralism, Conservatism and Political Alignment in English Revolution: The Case of Towns, 1642-1649 // Reactions. . . P. 67-87.

¹²⁰ *ibid.* P. 194-195, 204-205.

¹²¹ Holmes C. The County Community in Stuart Historiography. P. 54 — 73.

Гражданской войны в провинциях не могут быть объяснены «ни социальным, ни экономическим, ни религиозным, ни политическим расколом внутри провинциального общества. Насилие было внедрено в него извне»¹²⁵.

А между тем активные исследования британских историков в области локальной истории XVI—XVII вв., вскрывшие значительную степень имущественной и социальной дифференциации в английской деревне того времени, а также сдвиги в религиозной и культурной сферах, расшатали главные опоры «локалистской» концепции Гражданской войны в провинции¹²⁶. Эта концепция нуждалась не в отдельных поправках, а в пересмотре, нужны были новые модели взаимодействия центра и периферии в событиях революции. Что же предложили оппоненты «неоревизионистов» взамен «одноклассового», идеологически монолитного и замкнутого в своем местническом патриотизме «провинциального общества»?

Совершенно новая интерпретация отношений между местным управлением и центральной властью во время Гражданской войны была дана в локально-исторических и обобщающих работах представителей радикально-демократического направления.

Энн Хьюз исследовала эту проблему на материале Уорикшира. Ей удалось, опираясь на довольно красноречивые свидетельства местных архивных источников, доказать несостоятельность механического отождествления локализма с консерватизмом и ошибочность объяснения всего конфликта в рамках локально-национальной дихотомии. Э. Хьюз понимает локализм не как негативную реакцию на давление центра, а как активную политику, преследующую вполне определенные цели, и призывает к регионально дифференцированному подходу к изучению взаимодействия локальной и национальной политики. Так, в Уорикшире в отличие от некоторых других районов вовсе не умеренные джентри, но как раз наиболее воинствующие сторонники парламента придерживались локалистских позиций, а умеренные джентри проявляло более широкий подход к ведению войны, причем все это было обусловлено конкретными военными и политическими задачами. Провинциальные же разногласия почти автоматически «включались» в национальные, так как соперники искали союзников в Вестминстере, и наоборот. Таким образом к концу войны было достигнуто большое соответствие между политическими и идеологическими размежеваниями в парламенте и в графствах. Схватки на арене провинциальной политики рассматриваются как часть национальной политической кампании, проводимой в парламенте и в прессе¹²⁷.

Hutton B. The Royalist War Effort 1642-1646. P. 10, 201.

Результаты этих исследований были обобщены в книге радикального английского историка Кита Райтсона: *Wrightson K.* English Society, 1580-1680 L 1982.

Hughes A. Militancy and Localism: Warwickshire Politics and Westminster Politics, 1643—1647 // Transactions of Royal Historical Society. 1981. Vol. 31. P. 51—

Э. Хьюз подчеркивает «политизацию многих аспектов провинциальной жизни, создание специфической политической сферы жизни там, где прежде преобладали ограниченные личные конфликты», причем речь идет о вовлечении в обсуждение политических вопросов представителей непривилегированных сословий¹²⁸. Опираясь не только на собственные исследования, но и на работы К. Холмса, Д. Херста, Д. Лидердаупа и др., Хьюз высказала предположение о том, что благодаря наличию в Англии единой правовой системы, ключевое положение в которой занимала структура местных судебно-административных институтов, а также благодаря существованию парламента имелись необходимые условия «для комплексной интеграции центральных и локальных интересов в единой национальной культуре и национальной административно-политической системе»¹²⁹.

Итак, «локалистскому» подходу был противопоставлен «интеграционистский», но дело этим не ограничилось. Э. Хьюз также принадлежит гипотеза о том, что причины победы парламента в Гражданской войне во многом объяснялись тем, что эта сторона смогла более гибко сочетать локальные и национальные интересы в сложившейся во время войны системе управления. Кроме того, большой плюрализм и подвижность политических позиций внутри парламентского лагеря сделали возможной победу его сторонников в провинции в 1648 г. В то же время слабости роялистов были заложены в самой природе личного управления, в скрытом противоречии между личной преданностью монарху и земскими связями. Парламент же являл собой естественное соединение локальных элит в национальный институт. Таким образом, «парламент победил, так как его программа представляла более логичное развитие идеологических и институционных аспектов сформировавшейся в середине XVI в. английской политической системы». «Возможно даже, — делает заключение Э. Хьюз, — что консолидация специализированной публичной сферы политики дает одно из лучших оснований рассматривать Английскую революцию как буржуазную революцию» «о. Речь здесь идет об отделении публичной и частной сфер как об одной из существенных характеристик буржуазного государства.

Несколько по-иному подходит к рассмотрению тех же проблем Б. Мэннинг¹³⁰. Подвергнув резкой критике основные модификации «локалистской» концепции (модели А. Эверитта и Дж. Морри-

68; *Idem.* Politics, Society and Civil War in Warwickshire 1620—1660. Cambridge, 1987.

¹²⁸ *Hughes A.* Parliamentary Tyranny? Indemnity Proceedings and the Impact, of the Civil War: A Case Study from Warwickshire // Midland History. 198b. Vol. 11. P. 49—78

¹²⁹ *Hughes A.* The King, the Parliament and the Localities during the English Civil War // Journal of British Studies. 1985. Vol. 24, N 2. P. 238.

«» *Ibid.* P. 259. 261, 263.

¹³⁰ *I Manning B.* Parliament, «party» and «community» during the English Civil War 1642—46 // Parliament and Community / Ed. A. Cosgrove, i. I. McGuire. Dublin, 1983. P. 97-119.

ла), он предлагает «третью» модель, в которой устанавливается связь между локальными и национальными вопросами, причем вводится объяснение происхождения последних из первых. В качестве примера Б. Мэннинг рассматривает религиозный вопрос: религиозные конфликты рисуются одновременно как локальные и как национальные, национальное пуританское движение — как возникшее из разногласий и конфликтов в приходских общинах. Опираясь на локальные исследования социальных историков, обнаружившие рост имущественной поляризации в среде английского крестьянства в первой половине XVII в. и присвоение его верхушкой особых функций в общине¹³², Мэннинг выявляет социальные основы религиозных размежеваний на местах, а затем прослеживает параллели на национальном уровне. Социальную базу пресвитерианства и индипенденства он видит в «новой политической элите». Б. Мэннинг делает следующее заключение: «Конфликт по поводу национального религиозного урегулирования и о форме национальной церкви явился отражением борьбы за контроль над приходами, а в этой борьбе вопрос стоял так: будут ли богатые фермеры и торговцы продолжать богатеть, повышать свой статус и усиливать свое влияние за счет менее состоятельных людей, или этим последним удастся создать институты, посредством которых они смогут утвердить свой статус, вернуть себе часть власти и таким образом остановить размывание их экономической независимости»^{III}.

Мэннинг противопоставляет модели «одноклассового провинциального общества» (построенной вокруг аргумента об отсутствии классового самосознания в национальном масштабе у всех социальных групп доиндустриального общества, за исключением аристократии и джентри) модель, учитывающую формирование классового сознания у «новой элиты» и бедноты деревни и города (хотя и в локальных границах), а также локальные классовые конфликты и различия в нормах и ценностях между ними. Кроме того, согласно этой модели, независимые крестьяне и ремесленники, оказавшиеся между двумя этими полюсами, обретают классовое самосознание, причем не ограниченное локальными рамками. Именно этот слой стал, по мнению Мэннинга, социальной базой радикальных сект и левеллеров. То, что местные общины оказались разделенными на «антагонистические локальные классы», не оставляет места для моделей, связанных с представлением о единой сплоченной территориальной общности. «Это объясняет, почему проблемы Гражданской войны не могли быть решены голосованием в Вестминстере, а только множеством локальных столкновений. Такая локализация классового конфликта имела

своим конечным результатом ограничение и **снижение** воздействия революции на существующий социально-экономический строй»¹³³.

Выше уже подробно говорилось о недостатках социального анализа Б. Мэннинга. IV этому можно добавить, что его попытка уточнить свою концепцию «среднего сорта», используя новые данные, полученные социальными историками, не увенчалась успехом. Дело в том, что принцип определения «среднего сорта» остался тем же — негативным и остаточным, а тезис о единстве классовых интересов самостоятельного крестьянства и независимых городских ремесленников — априорным, не подтвержденным свидетельствами источников, прежде всего теми, которые отражают содержание социальных конфликтов на локальном уровне. Сосредоточившись на проблеме социального контроля в местной общине, Б. Мэннинг упустил из виду единственный вопрос, в котором мог быть воплощен позитивный смысл позиции по крайней мере части его «среднего класса», — аграрный вопрос.

Вообще отсутствие в современной историографии конкретных исследований отношений между землевладельцами и их держателями во время самой революции (в условиях военных действий, массовых конфискаций, отмены прерогативных судов, т. е. в обстановке, способной оказать серьезное воздействие на эту сферу) в огромной степени затрудняет решение проблемы участия английского крестьянства в революции. В этом плане активно исследуются только два региона, характеризовавшиеся наибольшей интенсивностью аграрных конфликтов в 40—50-е годы XVII в., — болотистые местности в Кембриджшире и Линкольншире и лесные районы на западе Англии.

В локально-региональных исследованиях британского историка К. Линдли и американских историков Б. Шарпа и К. Холмса были выдвинуты три различные модели движений против огораживаний в этих районах¹³⁶. В интерпретации Б. Шарпа это был главным образом аполитичный классовый протест деревенской бедноты, безземельных коттеров, сельских ремесленников и наемных рабочих. К. Линдли отводит решающую роль инициаторов и руководителей движений против огораживаний местному джентри и отрицает наличие не только политической, но и какой-либо социальной их мотивации. И наконец, Холмс отбрасывает эти две противоположные трактовки как «отголоски дискуссии между Поршневым и Мунье»¹³⁷. В его модели главную роль играют йоме-ны и зажиточные земледельцы — «средний сорт» (но не тожде-

¹³² См. также: *Wrightson J., Levine D. Poverty and Piety in an English Village*. - 1979. P. 14-18, 103-109, 140, 156-162, 174.

¹³³ *Sharp B. In Contempt of All Authority: Rural Artisans and Riot in the West of England, 1586-1660*. Berkeley, 1980. P. 7-8, 36-40, 264.

^{III} *Manning B. Parliament*. . . P. 114.

^{III} См. также: *Holmes C. Seventeenth-Century Lincolnshire*. Lincoln, 1980. P. 22-28.

³⁰ *Manning B. Parliament*. . . P. 116.

³⁰ *Sharp B. Op. cit., passim; Idem. Popular Protest in Seventeenth-Century England // Popular Culture in Seventeenth-Century England // Ed. B. Reav. N. Y., 1985, P. 271-308; Lindley K. Fen land Riots and the English Revolution*. L., 1982; *Holmes C. Drainers and Fenmen: the Problem of Popular Political Consciousness in the Seventeenth Century // Order and Disorder in Early Modern England // Ed. A. Fletcher, J. Stevenson. Cambridge, 1985, P. 166-195.*

¹³⁷ *Holmes C. Drainers*. . . P. 179.

ственный «среднему сорту» Б. Мэннинга), носитель локально сформированного политического сознания, имевшего своим источником опыт участия в работе органов местного самоуправления.

Таким образом, если Б. Шарп и К. Линдли полностью разделяют тезис об отсутствии у этих движений какой-либо политической направленности и идеологической окраски, то К. Холмс считает не случайной поддержку Лильберном феномена манора Эпуорт, поскольку идеи левеллеров перекликались с целями их движения — защитой прав свободного держания¹³⁸.

Одной из главных примет историографии Английской революции последнего десятилетия является активное обсуждение вопроса о том, как относились и какое участие принимали в революционном конфликте большинство англичан, «простые люди», «народ». Кроме рассмотренных выше работ, нельзя хотя бы не упомянуть специальные монографические исследования по этой проблеме американских историков Дэвида Андердауна и Джойс Малколм, которым удалось убедительно доказать несостоятельность широко распространенного в немарксистской историографии представления о «почти полной пассивности сельских масс» как характерной черте Английской революции¹³⁹ и создать на основе синтеза методов политической и социально-антропологической истории свои оригинальные интерпретации самого конфликта и поведения народных масс в революции, которые можно условно назвать социально-культурными¹⁴⁰.

Важнейшим моментом в историографии 80-х годов было углубление понимания самого понятия «народ» в эпоху Английской революции и, соответственно, более дифференцированный подход к изучению политического поведения и сознания различных социальных групп «простых людей». К. Хилл в замечательной статье «Беднота и народ в Англии XVII века», опубликованной в 1985 г.¹⁴¹, обобщив результаты многочисленных локальных социальных исследований и работ историков Английской революции, придерживающихся демократических идейных позиций «истории снизу», опроверг утверждение Дж. Моррилла об отсутствии у современников событий такого понятия, которое объединяло бы те группы йоменов, ремесленников и купцов, которые переживали в первой половине XVII в. период экономического подъема¹⁴². К. Хилл предпринял семантический анализ понятия «народ» в современных источниках и нашел истоки его специфики в критериях традиционной избирательной системы, в протестант-

пи Ibid. P. 195.

¹³⁸ Stone L. The Causes. . . P. 54.

¹³⁹ Malcolm J. L. Caesar's Due: Loyalty and King Charles 1642—1646. L., 1983; Underdown D. Revel, Riot and Rebellion. Popular Politics and Culture in England 1603-1660. Oxford, 1985.

¹⁴⁰ Hill C. The Poor and the People in Seventeenth-Century England // History from Below: Studies in Popular Protest and Popular Ideology in Honour of George Bude/Ed. F. Krantz. Montreal, 1985. P. 75-93.

¹⁴¹ Morrill J. S. Seventeenth-Century Britain, 1603-1714. P. 108-109.

ской теологии, в патриархальном устройстве семьи и домохозяйства, в последствиях экономических кризисов 1590-х, 1620-х и 1640-х годов. Все эти факторы внесли свою лепту в формирование такого понятия «народ», которое, отделяя непривилегированные сословия от джентри, одновременно исключало неимущие слои города и деревни. Таким образом, в этом понятии идентифицировались те имущие, состоятельные слои населения городских и сельских приходов, о которых как о социально разобщенных писал Дж. Моррил. Именно такое ограниченное социальное содержание понятия «народ» лежит в основе концепции «народного суверенитета» левеллеров. «Только Уинстени, — пишет Хилл, — подразумевал под „народом“ действительно весь народ»¹⁴⁴.

В 80-е годы К. Хилл уделяет очень много внимания критике неоревизионистской интерпретации политической истории Англии XVII в. в целом и Гражданской войны в частности¹⁴⁵, а также изучению понятий и представлений участников и современников событий, языка эпохи¹⁴⁶. Он также продолжает свои изыскания в области идеологии радикального сектантства¹⁴⁶. Его концепция Английской революции, складывавшаяся постепенно почти за полстолетия активной научной деятельности, в большой мере учитывала все то позитивное новое, что способствовало движению истории исторической науки второй половины XX в. по восходящей спирали. В результате совершенствования средств и методов научного познания первоначальная концепция К. Хилла претерпела значительные изменения, стала более сложной и многомерной, полнее отражающей различные стороны исторической действительности, включающей в себя понимание как развития отдельных общественных структур, так и роли человеческого фактора в историческом процессе.

В ряде работ К. Хилла можно обнаружить налет модернизма, а также некоторые противоречивые положения (это относится главным образом к его полемическим и публицистическим выступлениям)¹⁴⁷, однако тезис о пересмотре Хиллом своих теорети-

¹⁴⁴ Hill C. The Poor. . . P. 89.

¹⁴⁵ Из многочисленных статей и рецензий хотелось бы выделить статью, специально подготовленную для советского издания: Хилл К. «Ревизионисты» и Английская революция // Историографические проблемы Английской революции середины XVII века / Под ред. М. А. Капра [в печати].

¹⁴⁶ Hill C. The World «Revolutions in Seventeenth-Century England // For Veronica Wedgwood These: Studies in Seventeenth-Century History / Ed. R. Ollard, P. Tudor-Craig. L., 1986. P. 134—151; Idem. Political Discourse in Early Seventeenth-Century England // Politics and People in Revolutionary England: Essays in Honour of Ivan Roots / Ed. Colin Jones, M. Newitt, S. Roberts. Oxford; N. Y., 1986. P. 41-64; et al.

¹⁴⁷ Hill C. The Experience of Defeat. Milton and Some Contemporaries. L., 1984; Idem. God and the English Revolution // History Workshop. 1984. N 17. P. 19-31; Radical Religion in the English Revolution / Ed. J. F. McCregor, B. Reay. Oxford, 1984. Ch. 8.

См., например: Hill C. Forerunners of Socialism in the Seventeenth-Century

ко-методологических позиций в 70-е годы¹⁴⁸ представляется необоснованным. Возможно, этот важный вопрос нуждается в специальном исследовании. Но внимательный читатель найдет в работах, опубликованных Хиллом в 70—80-е годы, и материалистическое объяснение истоков революционного конфликта, и классовый анализ политических событий и идейных течений в революции, и марксистскую оценку ее социальных последствий, и строгий научно-критический анализ новых либеральных и консервативных концепций. Именно неолиберальные и неоревизионистские оппоненты К. Хилла, отождествляющие — кто по неведению, а кто и преднамеренно — марксизм с экономическим материализмом, в свое время громкогласно обвиняли Хилла, как и других историков-марксистов, в редукционизме, проявлявшемся в решении им вопроса о причинах, характере и социальных последствиях революции, а впоследствии, когда он стал углубленно разрабатывать проблему субъективного фактора в Английской революции, поспешили приветствовать как свершившийся факт его отказ от экономического детерминизма и переход к рассмотрению идей в качестве самостоятельной движущей силы общественного развитияTM. Однако «слухи» об оставлении Хиллом историко-материалистических позиций в трактовке Английской революции «оказались преувеличенными». Недаром его концепция продолжала подвергаться непрерывной критике со стороны представителей всех направлений немарксистской историографии.

В наиболее завершенной и концентрированной форме эта концепция К. Хилла была изложена в статье «Буржуазная революция?», ставшей этапной в его творчестве¹⁵¹. Главное место в этой работе занимает развенчание имеющих широкое хождение в немарксистской историографии негативных стереотипов о марксистской методологии истории и марксистской интерпретации Английской революции. В самом общем виде К. Хилл формулирует концепцию буржуазной революции следующим образом: «Причиной Английской революции, как и всех революций, явилось разложение старого общества, она не была вызвана желаниями буржуазии или лидеров Долгого парламента. Но ее *результатом* стало создание значительно более благоприятных условий для развития капитализма, чем те, которые преобладали до 1640 года. . . Этот

English Revolution // Marxism Today. 1977. N 9; What is History? // History Today. 1984. Vol. 34, N 5. P. 10—11".

^u „ Шпрнфжипов И. П. Указ. соч. С. 8i -So.

¹⁴⁹ Кроме новых работ, упомянутых выше. см. также предисловии автора к переизданиям книг: *HIU C. The Century of Revolution, 1603—1714*. N. Y.; L., 1980; *Idem. Reformation to Industrial Revolution 1530—1780*. Harinondsworth. 1978. Ом. также: *Reviving the English Revolution: Reflections and Elaborations on the Work of Christopher Hill /Ed. G. Eley, W. Hunt. L.; N. Y., 1988.*

<i><> Приоритет здесь, видимо, принадлежит Л. Стоуну: *Stone L. The Causes. . . P. 40*. См. также: *Worden B. Puritan Advocate // New Statesman*. 1975. vol. 89, N 221*K P. 113.

¹⁵¹ *mil C. A Bourgeois Revolution?//Three British Hevolnt:**: 1641, 1688, 4776 /Ed, J. G. A. Pocock. Princeton, 1980. P. 109-139.*

результат революции не был осознанным желанием кого-либо из активных ее участников. Кап только старые препоны рухнули или были разрушены, очертания нового строя в конечном счете были определены потребностями общества. .»^{УЛ}.

Характеризуя складывание революционной ситуации и поэтапное развитие революции, IV. Хилл интенсивно использует весь комплекс исторических фактов, в том числе тех, что были впервые введены в научный оборот его самыми непримиримыми оппонентами. Особенное внимание он уделяет полностью игнорируемому в немарксистской историографии вопросу о борьбе за демократическое решение аграрного вопроса. Самым тщательным образом «взвешиваются» последствия революции в экономической, социальной, политической, религиозной, интеллектуальной, культурной сферах. Новые тенденции и новое содержание обнаруживаются под старыми, внешне не изменившимися, «реставрированными» структурами и институтами.

К. Хилл последовательно показывает вымышленный характер тех якобы центральных для концепции буржуазной революции положений, против которых направляют свои контраргументы ее противники. Он, в частности, справедливо отмечает недостаточность социологического анализа Долгого парламента для решения вопроса о природе политического конфликта, единичных локальных исследований — для характеристики расстановки сил в национальном масштабе, аргумента об отсутствии классового самосознания — для отрицания марксистской интерпретации революции: «Я считаю, — пишет он, — что класс определяется объективным положением его членов по отношению к процессу производства и к другим классам. Люди начинают осознавать общие интересы в процессе борьбы против общих врагов, но эта борьба может пройти долгий путь, прежде чем возникнет то, что мы могли бы назвать „классовым сознанием"»¹⁵². Нельзя не отметить большую гибкость классового анализа переходной эпохи у Хилла, который в отличие от Б. Мэннинга не ограничивается «средним сортом», а, следуя за К. Марксом, обращает внимание на изменения в социальной природе нового дворянства¹⁵⁴.

Редактор сборника «Три британские революции», в котором была опубликована статья К. Хилла, американский историк Дж. Покок задумал это издание как демонстрацию консенсуса, сложившегося в неолиберальной и неоконсервативной историографии революции на подготовленной дискуссиями 70-х годов платформе, отражающей «новую перспективу» английской истории XVII века, которая определяется непрерывностью развития доиндустриального общества, не поддающегося интерпретации в терминах классового конфликта¹⁵⁵. И действительно, голоса «ревизиониста» Р. Эштона и либералов Л. Стоуна и Дж. Эйлмера «звучат»

152 [ibid. P. 111-112.

153 Ibid. P. 130.

155 *Pocock J. C. A. Introduction // Three British Revolutions. . . P. 3—5.*

в этом сборнике достаточно согласованно¹⁵¹. В этом сближении позиций, однако, стороны прошли неравные части пути и встретились значительно ближе к консервативному «пункту отправления». Л. Стоун, например, пишет: «Главные последствия Великой революции середины XVII века были негативными. Реакция на ее эксцессы во многих областях привела к противоположному от планируемого результату. Существовавшая до революции элита еще более упрочила свою собственность и власть. Страх перед тем, что любое изменение может еще раз открыть дорогу революции, заблокировал проведение соответствующих новым условиям реформ более чем на век»¹⁵⁷. В ансамбле сторонников «новой перспективы», призванной остановить «сползание к марксизму» британской историографии, выступление К. Хилла прозвучало резким диссонансом, тем более что его критический заряд был направлен как раз против положений, составлявших основу консенсуса.

* * *

80-е годы стали временем подведения итогов. «Новый консенсус» нуждался в обкатке и популяризации. Одна за другой выходят обобщающие статьи и монографии, публикации в научно-популярных изданиях¹⁵⁸. Вполне различим и близкий результат этого процесса — превращение «нового консенсуса» в традицию.

Каковы самые общие места этой будущей традиции? Они отчетливо прослеживаются во всех недавно опубликованных обобщающих работах, в том числе в книгах А. Смита, Дж. Эйлмера, Д. Херста, в статьях Дж. Моррилла и др.¹⁵⁹ Несмотря на некоторые различия в решении целого ряда проблем, в этих работах можно выделить группу тезисов, которые составляют ядро «нового консенсуса». Это, во-первых, разграничение «мирной», «конституционной», «умеренной революции», или политического кризиса 1640—1641 гг., и Гражданской войны 1642—1646 гг., в результате которой произошла «более радикальная революция» 1648—1649 гг. Во-вторых, отрицание социально-экономических предпосылок и социально-классового характера революции. При этом предполагается, что сдвиги в социально-экономической и институциональной сферах, хотя и не были причинами Гражданской войны, тем не менее определили саму форму этого конфликта. В-третьих,

подчеркивание консерватизма идеологии лидеров парламента и «революционного характера» инициатив правительства в области финансов, управлении и церковного устройства. В-четвертых, полностью отвергаются географические или экологические основания для объяснения размежевания в Гражданской войне. В-пятых, решающая роль в определении позиций в Гражданской войне в конечном счете отводится религии. И в-шестых, результаты революции оцениваются как несущественные и главным образом негативные.

Вместе с тем многие авторы стараются внести некоторые коррективы в эту схему, по большей части за счет эклектического соединения противоположных аргументов и оценок. Особенно ярко эта тенденция проявилась в новых обобщающих работах Дж. Эйлмера и Б. Кауарда. Развертывая свою религиозно-политическую (религия играла преобладающую роль в парламентском лагере, политика — в роялистском) интерпретацию революции, Дж. Эйлмер практически по каждому пункту пытается найти компромиссное решение, «присваивая» и тезис и антитезис. Так, например, считая в принципе необоснованными какие-либо обобщения относительно социальных размежеваний в Гражданской войне, он тем не менее признает преобладание представителей аристократии и верхушки джентри среди роялистов, а среднего и мелкого джентри и «средних классов» — среди сторонников парламента¹⁶⁰. Оценивая последствия революции, он, с одной стороны, подчеркивает, что после нее не произошло серьезных сдвигов в экономике и социальной структуре, а с другой — отмечает, что Англия после 40—50-х годов XVII в. стала обществом с более благоприятными для развития предпринимательства условиями, чем до 1640 г.¹⁶¹ Расчленение событий 40—50-х годов на четыре последовательных «состояния» — «реформа» (1640—1641 гг.), «мятеж» (1641—1642 гг.), «война» (1642—1646 гг.), «революция» (1648—1649 гг.) — позволяет Эйлмеру «отдать должное» на соответственно ограниченном хронологическом отрезке почти каждой из существующих интерпретаций этих событий: и «мятежу знати», и «мятежу провинций», и «революции среднего класса», и «Пуританской революции». Но в результате Великая революция сводится к «моменту», главным непреходящим последствием которого провозглашается «травматическое воздействие на национальное сознание», что стало причиной отсутствия кровопролитных гражданских войн в последующей английской истории¹⁶².

Барри Кауард в статье «Была ли в середине XVII века Английская революция?» также ставит перед собой цель найти «золотую середину» в трактовке событий 40—60-х годов XVII в. С одной стороны, он стремится доказать, что они и их последствия не

¹⁵⁶ *Aylmer G. E. Rebellion or Revolution?* P. 41—42.

¹⁶¹ *Ibid.* P. 118.

¹⁶² *Ibid.* P. 204—205.

¹⁵⁶ *Stent L. The Results of the English Revolutions of the Seventeenth-Century // Three British Revolutions. . . P. 23—108; Aylmer G. E. Crisis and Regrouping in the Political Elites: England from the 1630s to the 1660 // Ibid. P. 140—162; Ashton J. Tradition and Innovation and the Great Rebellion // Ibid. P. 208—223. Stone L. The Results. . . P. 60.*

What was the English Revolution? Debate: J. Morrill. B. Manning. 1). Underdown//History Today. 1984. N 3. P. 11—25.

¹⁵³ *Smith A. G. Я. The Emergence of a Nation State: The Commonwealth of England 1529—1660. U; N. Y., 1984; Aylmer G. E. Rebellion or Revolution? England 1640—1660. Oxford; N. Y., 1986; Hirst D. Authority and Conflict. England 1603—1658. L., 1986; Morrill J. Introduction // Reactions. . . P. 1—27; Coward B. Was There an English Revolution in the Middle of the Seventeenth Century? // Politics and People. . . P. 9—39.*

укладываются пи в одну модель революции, и оправдание использования термина «Английская революция» он видит лишь в том, что последний наиболее распространен в научно-исторической литературе. Но, с другой стороны, сознавая, что акцентирование политического и религиозного консерватизма создает огромные трудности для объяснения «радикальной эскалации от конституционного кризиса 1640—1641 гг. к Гражданской войне в 1642 г. и далее через бунт армии к казни Карла I и уничтожению монархии в 1649 г.»¹⁴⁵, Кауард пытается сбалансировать различные оценки и учесть в объяснении причин, хода и последствий этих событий сосуществование и переплетение консервативных и радикальных, негативных и позитивных тенденций. Это «непредвиденное» развитие событий во всех трех фазах революции он объясняет в рамках теории «функционального радикализма»: складывавшиеся обстоятельства вынуждали оппонентов короны предпринимать радикальные меры вопреки их желаниям и планам. Таким образом, революционный поворот событий в 40-е годы произошел несмотря на консервативные настроения руководителей оппозиции. Главным в определении характера Английской революции, как и идеологии ее лидеров, выступает противоречие между политическим консерватизмом и религиозным радикализмом. Решение же этой дилеммы было, в свою очередь, обусловлено страхом перед вероятной социальной революцией («социальный консерватизм»). И так, Английская революция была остановлена в результате своих собственных внутренних противоречий. В оценке последствий революции Б. Кауард также старается занять компромиссную позицию: ее итоги были не абсолютно негативными, но амбивалентными, имевшими и определенное положительное воздействие в различных сферах жизни английского общества второй половины XVII—начала XVIII в. «4

Очевидная эклектичность построений сторонников «нового консенсуса» не должна тем не менее заслонять собой тот неоспоримый факт, что научные результаты недавних исследований историков различных направлений действительно требуют осмысления и внесения определенных коррективов в наши представления об Английской революции. Наступает время нового синтеза, который, однако, невозможен в отсутствие теоретически обоснованных методологических принципов. Аргументы типа «с одной стороны... с другой стороны...» практически ничего не объясняют.

Гораздо более цельной и последовательной выглядит претерпевшая в 80-е годы серьезные изменения «неоревизионистская» концепция Дж. Моррилла, который в поисках объяснения перерастания политического кризиса 1640—1641 гг. в Гражданскую войну и дальнейшего хода событий возрождает на новой основе интерпретацию Английской революции как религиозного конфликта, «как самой последней и самой крупной в Европе религи-

озной войны». Объективные условия для нее созрели в 1570—1580 гг., но она была отсрочена в результате целенаправленной политики Елизаветы и Якова I, которые сумели сбалансировать определенные перемены в расстановке сил в социально-экономической сфере некоторыми изменениями в распределении административных функций. IV .40 м годам XVII в. не было объективных условий для гражданской войны, но они были в конце концов «созданы» самим Карлом I, личность которого Дж. Моррил объявляет «если и не достаточной, то по крайней мере необходимой причиной войны»¹⁴⁶.

Концепция «религиозной войны» Дж. Моррилла, конечно, не возвращает нас к вигской концепции «Пуританской революции». Она построена на совершенно иной методологической и эмпирической базе¹⁴⁶. Признавая религиозный фактор как решающий в повороте событий 1640-х годов в радикальном направлении, он подчеркивает «реактивный» характер его действия. Ключевым понятием в мотивации вооруженного насилия становится «страх»: страх религиозных радикалов перед контрреформацией и страх религиозных консерваторов перед энтузиазмом пуританских активистов. Суть концепции лаконично выражена Моррилом в одной фразе: «Гражданская война не была столкновением различных социальных групп: она стала результатом некомпетентного управления, которое позволило религиозным активистам решать свои споры о природе церкви... вооруженным путем»¹⁴⁷.

Тем не менее нельзя не признать, что Дж. Моррил — а еще раньше А. Флетчер — под воздействием работ Б. Мэннинга, Д. Андердауна, Джойс Малколм и др. усложнил свое понимание позиции народных масс в Гражданской войне как «нейтралистской», согласившись с тем, что она не была однозначной и могла таить в себе совершенно различные отношения к противоборствующим сторонам: как «народный пуританизм/парламентаризм», так и «народный англиканизм/роялизм»¹⁴⁸. Однако акцент делается на то, что «средний сорт» и вообще все социальные слои были также разделены, как и джентри, и поэтому как таковые не могли играть решающей роли в исходе борьбы. Изменения в социальной базе политической власти в 40-е годы определяются как «смещение власти внутри джентри», а не от джентри к «среднему сорту»¹⁴⁹. Парадоксально, но именно Дж. Моррил оказался самым последовательным экономическим детерминистом в объяснении пропарламентской позиции большинства центров ткацкого производства и крупных портов: отвергнув все попытки более опосре-

¹⁴⁵ Reactions... P. 4.

¹⁴⁶ Morrill J. S. The Religious Context of the English Civil War//Transactions of Royal Historical Society. 5th series. 1984. Vol. 34.

¹⁴⁷ What was the English Revolution? P. 15.

¹⁴⁸ Reactions... P. 10—11; Morrill J. The Ecology of Allegiance in the English Revolution//Journal of British Studies. 1987. Vol. 26, N 4. P. 454-455; Fletcher A. The Outbreak of the English Civil War. Ch. 12. Reactions... P. 11—12.

¹⁴⁹ Coward B. Was There an English Revolution... P. 10
« Ibid. P. 23-26, 30-39.

дованной социокультурной трактовки их радикализма, Моррил напрямую вывел «политические приверженности» городов и провинций из «ближайшей экономической выгоды», из понимания того, что выступление против Лондона могло подорвать экономику многих местных центров". Однако этот парадокс лишь кажущийся: локально-экономическое объяснение позиций городов является частью обоснования *несоциальной* природы конфликта, отсутствия размежевания политических позиций внутри последних по социальному признаку. Оно подготавливает логический переход к чисто религиозной интерпретации характера Гражданской войны в национальном масштабе.

Что касается последствий революции, — по Моррилу, «последней религиозной войны в Европе», — то главное место здесь вполне естественно отводится негативным изменениям в духовной сфере: это был «конец религиозному энтузиазму, дискредитированному революцией», утрата религией ее прежней первостепенной роли в жизни общества, «превращение религии почти в хобби». Вместе с тем Дж. Моррил не упускает из виду и политические итоги событий 40—60-х годов, которые он обнаруживает в вынужденном признании короной гегемонии джентри в графствах и провинциальных городах, в укреплении автономии местного самоуправления. Результат, как видим, прямо противоположный тому, который отмечают многие другие исследователи.

Как в принципе можно оценить состояние изучения Английской революции в британской (и в мировой) историографии в конце 80-х годов? Оно характеризуется наличием широкого спектра интерпретаций, традиционных и оригинальных, более или менее сложных, объясняющих события 40—60-х годов XVII в. самым различным образом: и как совершенно случайное стечение обстоятельств, и как «мятеж провинций», и как «раскол внутри элиты», и как буржуазную революцию. Столь же широк и диапазон мотивационных объяснений: политический карьеризм, конституционные принципы, личные связи, религиозные убеждения, классовые интересы, материальная выгода, психологические состояния, культурные ценности и нравственные приоритеты.

Но дело не сводится к накоплению большого числа разнообразных интерпретаций. Действительно, после знаменитого «спора о джентри» поиски причин Гражданской войны шли в самых различных направлениях, и при этом каждая новая одномерная интерпретация, абсолютизирующая тот или иной аспект революции, оказывалась несостоятельной в свете последующих исследований, выявляющих исторические факты, в нее не укладывающиеся. В настоящее время, когда черед тезисов и антитезисов, кажется, замкнулась и пошла по кругу, наметилось вполне осознанное

стремление к синтезу. При имеющиеся попытки соединить различные односторонние толкования носят эклектичный и ограниченный характер, они не дают такого объемного, стереоскопического портрета революции, в котором мог бы найти отражение весь комплекс ее существенных характеристик. Нет, однако, сомнений в том, что прогрессивное развитие историографического процесса изучения Английской революции середины XVII века пойдет в дальнейшем именно в этом направлении, по пути целостного постижения сложнейшего исторического явления во всех его многосторонних причинных и не причинных связях.

Глава 5

ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Современный этап ознаменован важными изменениями в британской историографии рабочего движения. Своеобразной «точкой отсчета» нового периода ее развития обычно считают монографию Э. П. Томпсона «Формирование английского рабочего класса», увидевшую свет в 1963 г.¹ Подобное мнение отнюдь не бесспорно, ибо монография Томпсона отразила тенденции британской исторической науки, развивавшиеся на протяжении по крайней мере десятилетия до ее выхода. Но очевидно и то, что она впервые с такой полнотой в законченной форме воплотила новое исследовательское видение истории рабочего класса Великобритании. Споры вокруг концепций Томпсона определили облик современной британской историографии рабочего движения, тенденции развития ее важнейших направлений.

Монография Томпсона повлияла на существенное изменение объекта исследования британских рабочих историков. Если прежде в британской историографии доминировал институциональный метод изучения истории рабочего класса, означавший сосредоточенность исследователей на организационно оформленных институтах рабочего движения — профсоюзах, политических партиях, то на современном этапе в поле зрения британских историков оказался пролетариат «в целом», т. е. рабочий класс, включающий в себя не только организованных, но и значительно превосходящую их по численности массу неорганизованных рабочих. Расширился, изменившись качественно, и взгляд на организованное рабочее движение. В отличие от своих предшественников, изучавших по преимуществу источники и документы, исходившие от руководства или верхнего эшелона рабочего движения (материалы конгрессов и конференций профсоюзов, съездов партий, прессы рабочих организаций, мемуары лидеров рабочего класса и т. д.),

¹ Ibid. P. 14; *Morrill J. S. England's Wars of Religion, 1637-1662* (forthcoming).
i" What was the English Revolution? P. 16.

¹ *Thompson E. P. The Making of the English Working Class. L., 1963.*

переменные британские историки целенаправленно и с повышенной активностью анализируют источники, исходящие от огромной массы рядовых рабочих. Не случайно, определяя исследовательское видение своих предшественников как метод анализа рабочего класса «сверху», современные историки противопоставляют ему собственный подход как метод изучения истории пролетариата «снизу».

Современные исследователи истории рабочего класса очень часто называют себя социальными историками. Это означает, что они не только ставят целью изучить экономическую борьбу рабочего класса и его политическое поведение, что было характерно для традиционных историков, но и стремятся исследовать его повседневную жизнь: взаимоотношения в семье, организацию отдыха и досуга, его этику, привычки, поведение на рабочем месте и вне работы, а также многие другие аспекты обыденного сознания и поведения рабочих. Естественно, подобное расширение проблематики историков рабочего класса потребовало от них существенного обновления исследовательской методики, овладения междисциплинарным подходом, и в первую очередь методами исторической демографии, антропологии и социологии. Обновление исследовательского инструментария не обошлось без издержек: многие социальные историки стали пренебрегать традиционными методами исторической науки. Сосредоточившись на изучении повседневности рабочего класса, его обыденного сознания и поведения, они стали уделять гораздо меньше внимания организованным политическим и экономическим выступлениям против капитала. Этот перекосяк в исследованиях социальных историков не удовлетворил представителей левого крыла британской историографии, которые выступили с призывом не сводить социальную историю рабочего класса к истории повседневности, какой бы важной и интересной она ни была, а рассматривать ее как совокупность, «тотальность» всего исторического опыта трудового люда².

Обновление британской историографии рабочего движения коснулось всех историографических направлений. Но теоретико-мировоззренческие и исследовательские расхождения между различными направлениями вследствие появления у них общего «знаменателя» в методике и тематике отнюдь не исчезли.

Либеральные и консервативные авторы, освоив так или иначе новые подходы, предложенные левым крылом британской историографии, использовали их для модернизации собственных интерпретаций исторического опыта британского пролетариата. Каковы же основные черты их исследований? Рассмотрим этот вопрос на примере наиболее заметных обобщающих работ современного этапа³, среди которых присутствуют исследования таких

авторитетных либеральных историков, как А. Бриггс и Г. Пеллинг, и историков-консерваторов типа А. Е. Муссона.

Основополагающей для либеральных и консервативных интерпретаций является теория исключительности британского рабочего движения, которая, в свою очередь, вытекает из теории исключительности британского исторического опыта. Вот основные ее положения: британский рабочий класс всегда лидировал в завоевании экономических и политических прав и свобод (опережая в этом отношении, что составляет предмет особой гордости британских историков, даже рабочих США) и неуклонно расширял сферу своего влияния в обществе, став в конце концов вровень с капиталом и государством; рабочий класс, используя с момента своего рождения преимущества Великобритании как родины конституционализма, парламентаризма и плюрализма, успешно осваивал и использовал мирные, эволюционистские методы достижения своих целей, он в целом даже в самые трудные для себя периоды был чужд революционной традиции, способы его самоутверждения не противоречили, а находились в гармонии с магистральной эволюционистской линией национального исторического развития; пролетариат Великобритании в сравнении с рабочим классом всех других европейских стран отличался аполитичностью, а когда же прибегал к помощи политических партий, в первую очередь лейбористов, то делал это исключительно с целью улучшения своего положения в рамках британского общества, а не с целью его радикальной реконструкции и тем более замены на утопический социалистический строй.

Основные концепции и обобщения либеральных и консервативных историков являются логическим развитием теории исключительности рабочего класса Великобритании. При характеристике его взаимоотношений с государством доказывается, что эти отношения на каждом новом историческом этапе развивались в направлении гармонии и взаимопонимания. Более болезненно, но также в направлении социальной гармонии и партнерства развивались и отношения рабочих с капиталом. Переломным моментом в развитии отношений между трудом, с одной стороны, и государством и капиталом — с другой, объявляется чаще всего 1926 год, когда вследствие анализа уроков всеобщей стачки британское общество, согласно формулировке Г. Пеллинга, «раз и навсегда» осознало, что единственной альтернативой социальной революции и гражданской войны в Великобритании является партнерство труда, предпринимателей и правительства.

Очевидный консенсус достигнут между либеральными и консервативными историками и в трактовке отношения рабочего класса к социализму (как революционному, так и реформистскому).

² Eley G., Nield K. Why does Social History Ignore Politics? // Social History. 1980. May. Vol. 5. N 2.

³ Briggs A. A Social History of England. L., 1983; Benson J. British Coalminers in the Nineteenth Century: A Social History. Dublin; N. Y., 1980; A History of British Trade Unions Since 1889. Vol. 1 / H. A. Cligg, A. Fox, A. F. Thompson. Oxford,

1964; Vol. 2 / H. A. Cligg. Oxford, 1985; Hunt E. H. British Labour History, 1815-1914. N. Y., 1981; Ideology and Labour Movement / Ed. I). E. Martin, D. Rubinstein. Sheffield, 1979; Musson A. E. Trade Union and Social History. L., 1974; Pelling H. A History of British Trade Unionism. N. Y., 1979.

Утверждается в первую очередь, что социализм вообще не есть классовая идеология рабочих, а средой его зарождения и формирования является исключительно радикальная интеллигенция, которая пытается подчинить своему идеологическому влиянию пролетариат.

Концепция ограниченности собственных классовых интересов пролетариата реформистскими экономическими целями определила исследовательскую линию консервативных и либеральных социальных историков. Ярким ее выражением является, в частности, монография Д. Бенсона «Британские шахтеры в девятнадцатом веке: социальная история»⁴. Автор заявил о намерении написать исчерпывающую социальную историю шахтеров, но в действительности ограничил себя подробным анализом их обыденного сознания и поведения, изъав из истории одного из наиболее представительных и боевых отрядов рабочих классовые взаимоотношения с капиталом, а главное, конфликты и схватки с предпринимателями, тем более политическую борьбу. Использование модных методов исторической антропологии, демографии, социологии отнюдь не избавило его книгу от старого стереотипа исторического опыта британского пролетариата: жизнь шахтеров, какой бы трудной она ни была в отдельные периоды, развивалась неуклонно от плохого к хорошему, а от хорошего к лучшему.

Восприняв призыв Э. П. Томпсона и других левых историков дойти до всех и всяческих слоев и прослоек рабочего класса, консервативные и либеральные историки буквально расщепили его на мелкие частички, объявили едва ли не главным выводом своих собственных исследований положение об отсутствии единого рабочего класса на всех этапах британской истории и в пику левому историографическому крылу провозгласили, что концепция единого рабочего класса и его единого классового сознания — это миф, сотворенный левыми историками в соответствии с их собственными идеологическими представлениями⁵.

* * *

Острые размежевания в британской историографии выявились в трактовках первого крупного этапа рабочего движения Великобритании — конца XVIII — первой половины XIX в. Ее развитие определяется концепциями Э. П. Томпсона, изложенными в упомянутой монографии 1963 г. Необходимо отметить, что эти концепции не были вполне оригинальными: они были подготовлены предшествующими исследованиями Э. Хобсбаума, Дж. Рюде⁶ и, конечно, самого Томпсона. В частности, в трудах Рюде было исследовано соотношение иррационального и рационального в спонтанных выступлениях народных низов в XVIII в., их формы

⁴ Benson J. Op. cit.

⁵ Hunt E. H. Op. cit. P. 340; Musson A. E. Op. cit. P. 3, 5.

⁶ См. подробнее; Барг М. А. «Народная история» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. 1987. № 4. С. 71—72.

и тины, а Хобсбоум использовал схожие приемы изучения классового протеста низов «снизу» относительно ранних форм движения трудовых масс в Великобритании. (Их обобщающие труды вышли несколько позже монографии Томпсона⁷.)

В центре исследования Томпсона оказались три проблемы: социальные последствия промышленного переворота, ранние формы пролетарского протеста против промышленного капитализма, особенно луддизм, и, наконец, высшая форма рабочего движения этого этапа — чартизм.

Обратившись к первой проблеме, историк придал новую направленность затянувшемуся спору оптимистов и пессимистов по поводу социальных последствий промышленного переворота. Если оптимисты, рассматривавшие промышленный переворот как благодеяние для пролетариата, и пессимисты, доказывавшие, что он привел к ухудшению положения рабочего класса, спорили исключительно о количественных сторонах изменений в положении рабочих, в первую очередь о динамике их заработной платы⁸, то Томпсон выдвинул во главу угла вопрос о качестве и образе жизни рабочих в эпоху промышленного переворота.

Методу технологического детерминизма и концепциям «экономического роста», трактующим последствия промышленного переворота при помощи оптимистических данных о «средней зарплате» и «среднем уровне потребления» «среднего рабочего», Томпсон противопоставил дифференцированный социально-антропологический, историко-демографический и социально-психологический анализ положения различных слоев рабочего класса в эпоху промышленного переворота. Этот анализ показал, что сверхэксплуатация и резко усилившаяся интенсификация труда эпохи промышленного переворота крайне неблагоприятно отразились на трудовой этике рабочих, жизненных ориентациях и ожиданиях пролетариата, его физическом здоровье и моральном состоянии, восприятию им своего места в окружающем мире и самого окружающего мира, положению рабочих семей. Данные факторы, а также порожденные промышленным переворотом массовая безработица, нищета, производственный травматизм, постоянно усиливавшие «отчужденность» пролетариата в обществе, но никак не учтенные в оптимистических выкладках концепции «экономического роста», обусловили сформулированный Томпсоном парадокс социальных последствий промышленного переворота: в период с 1790-х по 1840-е годы материальное положение «среднего рабочего» несколько улучшилось, но в этот же период рабочий класс стал чувствовать себя гораздо более незащищенным и несчастным, воспринимая свое положение в обществе как катастрофиче-

⁷ Rude G. The Crowd in History: A Study in Popular Disturbances in France and England (1730-1848). N. Y., 1964; Hobsbawm E. J. Labouring Men. L., 1964. « См.: Ерофеев Н. А. Английская буржуазная историография о социальных последствиях промышленного переворота // Новая и новейшая история. 1983. № 2. С. 59-71.

ское¹¹. Выводы и аргументация Томпсона существенно укрепили позиции социально-критического крыла британских историков в споре с апологетами.

Исследуя многочисленные выступления британского трудового люда против нарождавшейся системы промышленного капитализма, в первую очередь опыт луддитского движения, Томпсон сумел выявить в стихийных и по видимости иррациональных народных бунтах процесс формирования ростков классового сознания английского рабочего класса. Он решительно отверг укоренившееся представление о луддитах как о слепых «разрушителях машин» и на основе анализа многочисленных нетрадиционных источников (к ним относятся, например, свидетельства осведомителей, засланных в луддитские организации властями) пришел к выводу, что луддиты выдвинули вполне рациональную идеологию и программу, которая включала защиту свободного квалифицированного труда независимых производителей, обоснование коллективистских способов взаимодействия рабочих и, кроме того, политические требования, направленные на демократизацию британского государства¹⁰.

«Луддитская культура», которую Томпсон трактовал не только как рациональную идеологическую платформу, но и как богатую социально-психологическую традицию коллективного взаимодействия рабочих, подготовила, согласно его концепции, чартистское движение, включавшее в свои цели завоевание рабочими политической власти и социальное освобождение пролетариата". В исследовании Томпсона чартизм перестает быть радикальным эксцессом молодого английского рабочего движения, а оказывается закономерным итогом богатого, необычайно насыщенного событиями и идеями процесса формирования английского пролетариата в 1780-е — 1840-е годы.

Томпсону, ставившему перед собой задачу воссоздать живой полнокровный процесс рождения рабочего класса, удалось раскрыть ряд новых важных сторон генезиса рабочего класса в Англии. Вместе с тем его выводы об оформлении к 1830-м годам английского пролетариата и его классового самосознания звучали очень категорично, создавая впечатление о «завершении» процесса складывания пролетариата не только как «класса в себе, но и как класса для себя»¹². Уязвимость этих выводов обнаруживается особенно в связи с неоднократным указанием Томпсона на тот факт, что к 1830-м годам фабричный, т. е. промышленный, пролетариат еще не занял ведущей позиции в классовой борьбе, а решающая роль в формировании классового сознания рабочих принадлежала ремесленникам и мастерам, вытесняемым из сферы производства промышленным капитализмом. В действительности относительно исследуемого Томпсоном периода можно говорить

о зарождении, но не об оформлении классового самосознания пролетариата.

Критическое отношение вызывает предположение Томпсона о том, что классовое самосознание пролетариата может обрести заверченный вид на основе стихийного развития, т. е. без участия политической партии рабочего класса. Для позиции Томпсона весьма характерно и упрощенное определение классового самосознания пролетариата как осознания рабочими «общности собственных интересов и общности противостояния правителям и предпринимателям». Фактически классовое сознание выступает у него как социально-психологическая, а не политико-идеологическая категория.

Уязвимым в концепции Томпсона является и то, что главным признаком класса он считал наличие у него классового самосознания. Фактически категория *класс* была охарактеризована им преимущественно в социально-антропологическом и социально-психологическом измерениях. Если следовать логике Томпсона, то можно прийти к выводу, что смена исторических типов классового сознания пролетариата равнозначна рождению каждый раз нового рабочего класса.

Высказывая критические замечания по адресу Томпсона, мы ни в коей мере не хотим умалить значение его монографии, которая на сегодняшний день остается самым полным исследованием процесса зарождения английского рабочего класса и его классового сознания. Недвусмысленным признанием значения его работы явились развернувшиеся вокруг нее острые дебаты историков.

Последователи Томпсона составили своего рода школу, которая задалась целью на основе выдвинутых им исследовательских приемов всесторонне изучить процесс формирования рабочего класса Великобритании. В исследованиях К. Д. Лоуга, Д. Янга, К. Добсона, Р. Уэлша и других историков был собран огромный фактический материал, показывающий процесс нарастания активности британских рабочих в конце XVIII — начале XIX в. Добсон, насчитав более 400 ярко выраженных конфликтов между трудом и капиталом в Великобритании в период с 1717 по 1800 г., подчеркивал, что эти конфликты представляли видимую часть айсберга пробуждавшейся коллективной активности рабочих, выступавших открыто против работодателей только тогда, когда были исчерпаны все иные способы достижения их целей. Уэлш и Лоуг приходили к выводу, что в условиях жесткого репрессивного курса правительства трудовой люд формировал своего рода массовое «революционное подполье», деятельность которого осталась совершенно вне поля зрения либеральных и консервативных историков. При этом рабочее движение, развивавшееся по видимости как

» Thompson E. P. Op. cit. P. 231

¹¹ Ibid. P. 600-658.

¹² Ibid. P. 883-913.

¹³ Ibid. P. 12, 213.

¹³ Logue K. J. Popular Disturbances in Scotland 1780-1815. Edinburgh, 1979; Young J. D. The Rousing of the Scottish Working Class. Edinburgh, 1979; Dobson C. R. Masters and Journeymen: A Prehistory of Industrial Relations. L., 1980; Wells R. Insurrection: The British Experience 1795 — 1803. L., 1983.

стихийно-бунтарское, в действительности вынашивало рациональную программу, составными частями которой были как экономические, так и демократические политические требования. Особенно важным компонентом формирующейся классовой культуры рабочего класса являлись новые формы морально-этических взаимоотношений и поведения, свидетельствовавшие о крепнувшем коллективизме рабочих, осознании ими общей классовой принадлежности.

Последователи Томпсона готовы были признать, что он преувеличил степень оформленности рабочего класса и его самосознания к началу XIX в., но неизменно подчеркивали, что это обстоятельство никак не может перечеркнуть реальные свидетельства бесспорного и сознательного сопротивления пролетариата предпринимателям и властям, появления самостоятельной, обладающей едиными признаками оппозиционной культуры рабочего класса, проявлявшейся в его социальной психологии, быте и нравах, семейных и соседских отношениях, поведении во время работы и вне ее.

В последние годы появился и ряд солидных исследований о чартизме, основывающихся на приемах и концепциях, выдвинутых Э. П. Томпсоном. Среди них можно выделить монографии Д. Джоунса, Д. Фостера и Д. Томпсон. Ч От традиционных исследований о чартистском движении их отличает стремление дойти до корней чартизма, исследовать образ мышления и активность не руководства, а огромной массы рядовых участников (Д. Томпсон, например, проанализировала деятельность свыше 1000 местных чартистских организаций). В фокусе этих исследований оказались мужчины и женщины, квалифицированные и неквалифицированные, промышленные и ремесленные рабочие, участвовавшие на том или ином этапе в чартистском движении. Стремясь к максимальному раскрытию локальных уровней чартизма, деятельности низовых организаций, авторы в то же время не позволяют локальной специфике пленить себя, а выявляют общенациональную объединительную сущность чартизма. Эта же сущность, согласно их выводам, заключалась в оформлении единого классового самосознания пролетариата, во все более четком выявлении им своих классовых интересов, в стремлении к подчинению себе механизма политической власти, который, в свою очередь, должен был быть направлен на социальное освобождение рабочего класса. Для последователей Томпсона характерно также сосредоточиваться не на политических документах и иных идеологических источниках, исходящих от лидеров чартизма, а на свидетельствах, раскрывающих массовое сознание, или культуру, чартизма. Последняя исследована ими на основе изучения деятельности чартистских школ (создававшихся специально с целью

обучения детей рабочих), приходов, кооперативов, собраний, клубов, сходок, листовок. При этом были полнокровно использованы междисциплинарный и количественный методы анализа источников.

В рассматриваемых исследованиях налицо определенные различия в характеристике ядра чартистской культуры. Например, Джоунс полагает, что оно воплощало еще сознание ремесленного пролетариата, а Фостер доказывает, что оно было равнозначно революционному мировоззрению промышленных рабочих. Но оба автора едины в том, что чартизм создал альтернативную классовую культуру, стиль поведения, при этом в отличие от Э. П. Томпсона они доказывают, что оформление классового самосознания пролетариата произошло именно в 1840-е годы, а не в предшествующий период.

Как откликнулись консервативные и либеральные авторы на работы Э. П. Томпсона и его последователей? Консервативные авторы, признавая наличие определенных ростков революционного и радикального сознания в Великобритании конца XVIII — первой трети XIX в., рассматривают их как аномалию британского исторического опыта. И. Кристи доказывает, что элементы «революционной патологии» в Великобритании конца XVIII в. никак не влияли на ее исключительное положение среди других стран: в эпоху революции Великобритания воплощала общественную гармонию, поскольку главными факторами ее развития стали динамичная экономика, увеличивающееся процветание и высокая социальная мобильность¹⁵. М. Томис и П. Холт также доказывая, что революционные настроения среди трудовых масс не смогли приобрести массового характера и свелись к «серии заговоров», объясняют наличие этих настроений не классовыми антагонизмами, а упрямым нежеланием правительства пойти на ряд умеренных, в духе британского конституционализма, реформ. По их убеждению, сущность британской исключительности во все эпохи проявлялась в том, что все классы Великобритании, в том числе и пролетариат, свято верили в целительные свойства конституционализма, континитета и осуществляемых на основе компромисса классов реформ. Стоило либеральным тори в 1820-е годы проявить добрую волю и осуществить некоторые реформы, рассуждают эти авторы, как почва для революционных настроений раз и навсегда исчезла в Великобритании.

Но как же быть в таком случае с революционными идеями, выдвигавшимися рабочим движением, например чартистами, в последующем? С точки зрения Томиса и Холта, идея революционного насилия для чартистов была не более чем средством тактического давления на правительство, т. е. тем же, чем она была для добывавшейся парламентской реформы буржуазии. Таким образом,

Jones D. Chartism and Chartists. L., 1975; Foster J. Class Struggle and the industrial Revolution: Early Industrial Capitalism in Three English Towns. L., 1974; Thompson T). The Chartists. L., 1984.

is Christie J. R. Stress and Stability in Late Eighteenth-Century Britain: Reflections on the British Avoidance of Revolution. Oxford, 1984.

ii Thomis M. I., Holt P. Threats of Revolution in Britain, 1789-1848. L., 1977.

концепция вызревания в этот период какого-то особого, а тем более революционного классового самосознания пролетариата заносится консервативными авторами в разряд идеологических мифов.

В отличие от консерваторов либеральные историки категорично отвергают выводы школы Томпсона только относительно социально-экономических последствий промышленного переворота. Они доказывают, что промышленный переворот, безусловно, сказался благоприятно на условиях существования рабочих ⁷. Если же рост их жизненного уровня не был достаточно быстрым, то причиной, доказывает Э. Хант, была не капиталистическая эксплуатация, а чрезвычайно быстрый рост численности рабочих семей ¹⁸. Воспроизводя по сути мальтузианскую интерпретацию, Хант облачает ее в модные одежды историко-демографического анализа, списывая негативные социальные последствия промышленного переворота на счет неблагоприятного действия в первой половине XIX в. демографического фактора.

В вопросах изучения характера рабочего движения либеральные историки внешне оказались восприимчивы к исследовательскому подходу и выводам школы Томпсона. В их трудах Томпсон признается одним из главных, если не главным авторитетом рабочей истории. Предложенные им способы изучения рабочего движения «снизу» обрели в этих трудах права гражданства. Современные либеральные историки готовы признать, что выступления трудового люда в Великобритании в конце XVIII — начале XIX в., в том числе и даже в особенности луддитское движение, характеризовались организованностью, преследовали рационально сформулированные цели, среди которых определенное место занимали демократические политические требования. Некоторые из них согласны с тем, что революционная идеология проникла в сознание части британских трудящихся. Высоких оценок в их работах удостоивается чартистское движение. Оно характеризуется как первое в мире массовое самостоятельное политическое движение пролетариата, свидетельствовавшее о росте классового самосознания британского рабочего класса <».

Все это, на первый взгляд, серьезные и многозначительные признания либеральных историков. Однако, если рассмотреть эти признания в контексте исследований либеральных авторов, можно обнаружить, что, по их убеждению, отмеченные черты рабочего движения характеризовали отдельные его тенденции, но отнюдь не главные линии, а тем более закономерности его развития. А в чем же состояли закономерности рабочего движения Великобритании?

Первая закономерность рабочего движения, согласно концепции либеральной историографии, заключалась в том, что даже на его «бунтарском» этане большинство трудящихся разделяли

исконные британские ценности конституционализма и эволюционизма. Второй закономерностью было то, что сами народные бунты в большинстве своем не выходили за рамки экономических требований и являлись грубой формой достижения коллективного договора с работодателями («коллективный договор посредством бунта» — буквальное определение либеральных историков) ²⁰. Таким образом, классовое сознание ¹ пролетариата, по заключению либеральной историографии, изначально формировалось как тред-юнионистское, а не революционное, обретая со временем все более цивилизованные, т. е. классические, британские формы. Наконец, третья и, пожалуй, главная в глазах либеральных историков закономерность сводилась к наличию множества «рабочих классов» с несовпадающими и даже антагонистическими интересами, которые определялись профессионально! принадлежностью, уровнем дохода, местом проживания, вероисповеданием и множеством других признаков. Радикальное и революционное сознание оставалось достоянием меньшинства рабочих, но и для них оно было «болезнью роста», преодоление которой означало утверждение такой британской добродетели, как классовый мир труда и капитала ²¹.

В чем же причина того, что либеральные историки, восприняв призыв Томпсона к исследованию истории рабочего класса «снизу», пришли в конечном итоге совершенно к другим выводам? Наиболее откровенно она изложена Д. Стивенсоном, одним из самых активных современных либеральных исследователей истории рабочего класса. Источники по массовому сознанию рабочего класса, к которым привлек внимание Томпсон, отмечает он, содержат весьма противоречивые данные и дают историку возможность рассуждать по хорошо известному принципу: «... с одной стороны... но с другой стороны...» А в этом случае идеологические симпатии исследователя приобретают решающее значение для его интерпретации и выводов ²².

* * *

Второй крупной дискуссионной темой в современной британской историографии рабочего движения оказались исторические судьбы пролетариата в третьей четверти XIX в., или, как говорят в Великобритании, в средневикторианский период. Этот период правления королевы Виктории, как известно, ознаменовался подъемом британского капитализма, стал для него «золотым веком». Сверхприбыли позволили британской буржуазии придать более цивилизованные формы капиталистической эксплуатации. Радикальная тенденция в рабочем движении пресеклась, процесс развития

a' *Stevenson J.* Op. cit, P. 155; *Hunt E. H.* Op. cit, P. 238.

²¹ *Briggs A* Op cit. P. 198-199; *Pelting H.* Op. cit. P. 285; *Mollis P.* Op. cit. P. XXVII; *Hunt E. H.* Op. cit, P. 203-210, 232-241, 247; *Stevenson J.* Op. cit. P. 300, 316-319, 323.

²² *Stevenson J* Early Trade Unions: Radicalism and Respectability//Trade Unions in British Politics/Ed. B. Pimlot, C. Cook. L.; N. Y., 1982. P. 23-24.

¹⁷ *Briggs A.* Op. cit. P. 185; *Hunt K. H.* Op. cit. P. 57, 63, 101 100 339
ts *Hunt E. H.* Op. cit. P. XI, 34. 72.

ib *Stevenson J.* Popular Disturbances in England 1700—1870 L 1979 P 316- *Hunt E. H.* Op. cit. P. 219, 232; *Briggs A.* Op. cit. P. 198; *Ho/lis P.* Class and Conflict in Nineteenth Century England, 1815-1850. L., 1973. P. XXI.

классового самосознания пролетариата затормозился. Рабочее движение Великобритании, опережавшее в предшествующую четверть века рабочее движение других стран, резко откатилось назад. Как отмечал В. И. Ленин, в развитии классовых взаимоотношений в Англии с середины XIX в. выступили черты и тенденции, которые в других странах проявились полстолетия спустя и уже в иную эпоху — империализма: «... в Англии тенденция империализма раскалывает рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке». «... Эти миллиарды сверхприбыли — есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении»²³. В отношении оппортунистической части рабочего класса Англии домонополистической эпохи Ленин, так же как и Ф. Энгельс, употреблял понятие «рабочая аристократия».

Тема формирования и влияния на пролетариат Великобритании средневикторианского периода рабочей аристократии как раз и оказалась в центре споров современных британских историков. И в этой дискуссии, продолжающейся вот уже более 20 лет, тон был задан трудами марксистских и радикально-демократических историков. А ее своеобразной отправной точкой стали концепции, высказанные Э. Хобсбоумом и Д. Фостером. Хобсбоум рассматривал процесс складывания рабочей аристократии как по преимуществу стихийный. В ходе и вследствие глубоких технологических изменений эпохи промышленной революции, доказывал он, возникали аристократические профессии рабочих, воспользовавшихся благоприятными для себя условиями на рынке труда и извлекавших выгоду при помощи узкоцеховых профсоюзов. В рабочую аристократию, на его взгляд, вошли две группы привилегированных рабочих: во-первых, высококвалифицированные рабочие угледобывающей, металлургической и текстильной отраслей, наиболее преуспевшие под воздействием промышленного переворота, а во-вторых, представители профессий, мало затронутых промышленным переворотом, но сумевших воспользоваться созданной им благоприятной экономической конъюнктурой (например, строительные рабочие, стеклодувы, портные и некоторые другие). Хобсбоум выделил шесть признаков «рабочих аристократов», главным среди которых являлась величина заработной платы и регулярность ее получения. Он же сделал подсчет численности «рабочих аристократов»: они составляли от 10 до 15 % всех рабочих. Рабочая аристократия сумела определить тонус и магистральную линию рабочего движения, отбросить его назад, подавить вызревавшие в нем радикальную и революционную тенденции: арьергард

23 См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 404 -405; Т. 41. С. 231.

рабочего движения заши... иронии судьбы место, предназначенное авангарду²⁴.

Фостер дал несколько иное объяснение оформлению рабочей аристократии. Он, как и Хобсбоум, приводил аргументы, показывающие складывание к середине XIX в. объективных экономических условий для возникновения рабочей аристократии, но вместе с тем доказывал, что она формировалась не стихийно, а пестовалась и насаждалась буржуазией. То есть появление рабочей аристократии, по Фостеру, было следствием сознательной и целенаправленной социальной стратегии капитала. Сама эта новая социальная стратегия буржуазии зарождалась в 1830—1840-е годы как ответ на революционный вызов чартизма и свидетельствовала о признании капиталом невозможности покончить с ростом классового самосознания пролетариата репрессивными мерами. Так же в отличие от Хобсбоума Фостер полагал, что местом формирования рабочей аристократии был не рынок труда, а непосредственно производство: предприниматели вполне по доброй воле повышали сверх обычного зарплату наиболее трудолюбивым, инициативным рабочим, как и организаторам производства из числа пролетариев (механики, бригадиры и пр.)²⁵. Еще один важный вывод Фостера, в данном случае объединявший его с Хобсбоумом, заключался в том, что рабочая аристократия по своим ценностным ориентациям, образу мысли и поведению смыкалась со средним классом, являясь реальным проводником классовой гегемонии (термин А. Грамши) буржуазии в рабочем движении.

Концепции Хобсбоума и Фостера подверглись острому критическому анализу как справа, так и слева. В работах консервативных и либеральных историков сверхзадачей (открыто неформулируемой) выступает стремление обелить рабочую аристократию, представить ее как истинную выразительницу интересов рабочего класса и доказать, что ее оформление и деятельность ни в коем случае не означали консервативного перерыва в развитии рабочего движения, а соответствовали его национальным закономерностям. Критики слева стремились преодолеть незавершенность и упрощения, свойственные концепциям Хобсбоума и Фостера.

В качестве ведущего консервативного критика Хобсбоума и Фостера выступил А. Е. Муссон²⁶, который решительно отверг вывод о приостановке с 1850-х годов поступательного процесса развития рабочего движения. Согласно приводимым им фактам (подобраным, надо сказать, откровенно тенденциозно) и аргументам, радикальная и революционная тенденция не были ни ведущими, ни даже сколько-нибудь влиятельными ни в первой, ни во второй четверти XIX в., поэтому-то, доказывает Муссон, и не

²⁴ Hobsbawm E. J. *Labouring Men* (особенно главы *Trends in British Labour Movement Since 1850, The Labour Aristocracy in Nineteenth Century Britain*).

²⁵ Foster J. *Op. cit.* P. 203-204, 200-211, 250, 254.

²⁶ Musson A. E. *British Trade Unions, 1800...1875*. L., 1972; *Idem. Trade Union and Social History*. P. 1 — 22; *Idem. Class Struggle and Labour Aristocracy, 1830 - 1860 // Social History*. 1976. N 3. P. 335-356.

приходится говорить об их резком ослаблении в средневикторианский период. Рабочее движение Великобритании, по Муссону, и в эпоху луддизма, и в чартистский период развивалось на основе не усиливающегося «классового самосознания, а продолжительного и крепнущего классового сотрудничества»²⁷. Отсюда следует вывод, что торжество тред-юнионизма в третьей четверти XIX в. не прервало, а закрепило магистральную линию в развитии рабочего движения, поскольку таковой является не классовая борьба, а социальное партнерство труда и капитала. Муссон решительно отвергает и положение о появлении к середине XIX в. в экономическом облике и социальной стратегии британского капитализма новых качественных характеристик, которые, согласно выводам Хобсбоума и Фостера, и послужили основой возникновения рабочей аристократии. Британский капитализм, по Муссону, всегда обладал способностью выделять из среды пролетариата и поощрять рабочую аристократию.

Как видно, Муссон не отрицает наличия в пролетариате Великобритании слоя рабочей аристократии, более того, доказывает, что он в виде ремесленной элиты существовал и в первой половине XIX в. Но в отличие от Хобсбоума и Фостера Муссон считает рабочую аристократию цветом британского пролетариата. Именно благодаря усилиям рабочей аристократии, доказывал он, пролетариату Великобритании были обеспечены необходимые экономические и политические права.

Выводы Муссона с определенными модификациями воспроизводятся и в работах либеральных историков. У. Фрейзер в отличие от Муссона признает, что в 1820—1840-е годы рабочее движение Великобритании развивалось под знаком радикализма, но видит в этом болезнь роста, которая была преодолена в средневикторианский период. Любопытно, что действия рабочей аристократии Фрейзер определяет как «классовую борьбу», позитивным результатом которой — характерный парадокс либеральной интерпретации — явилось утверждение (даже вопреки твердолобой позиции большей части буржуазии)... классового мира²⁸. Другой либеральный историк — Д. Кайнэстон доказывал, что благодаря усилиям рабочей аристократии к плодам промышленной революции был допущен и остальной пролетариат. В сравнении с Фрейзером он представляет в более благоприятном свете буржуазию, которая, согласно его интерпретации, обрела в третьей четверти XIX в. цивилизованный облик и сама стала переходить от конфронтации к миролюбивым отношениям с пролетариатом²⁹.

Еще один либеральный историк — Хант утверждал, что рабочая аристократия благодаря умелой тред-юнионистской борьбе дала пролетариату то, чего не смог дать ему чартизм. Именно

27 *Musson A. E. Class Struggle and Labour Aristocracy. . . P. 350.*

28 *Fraser W. H. Trade Unions and Society: The Struggle for Acceptance. 1850—1880. L. 1974. P. 13, 54-55, 213, 224-225.*

29 *Kunastm D. King Labour: The British Working Class, 1850 -1914. L., 1976. P. 3, ii—12.*

успехи рабочей аристократии, действовавшей в рамках конституционности, **утверждает** Хаит, **навсегда** отвернули британский пролетариат от наследия чартизма, способствовали его переходу с «ложного» на «истинный» путь достижения своих прав.³⁰

Отметим, что Хобсбоум и Фостер не отрицали настойчивости рабочей аристократии в **отставании** своих целей, но они не отождествляли этих целей с классовыми интересами пролетариата, а определяли их как мелкобуржуазные. Либеральным же историкам, даже и такому **критически мыслящему, как А. Бриггс**³¹, свойственно доказывать, что достижения рабочей аристократии **отвечали интересам** всего пролетариата. Конечно, нет оснований отвергать то положение А. Бриггса, что предоставление тред-юнионам в 1871 г. права юридического лица, завоеванного цеховыми, т. е. «аристократическими», профсоюзами, отвечало интересам **всего пролетариата, но, но нашему** убеждению, нельзя **не** видеть то, что сами цеховые профсоюзы руководствовались корпоративными интересами, не гнушались часто ради достижения своих экономических целей ущемлением интересов неорганизованных рабочих.

Ряд либеральных историков³² отрицают наличие особой прослойки рабочей аристократии в третьей четверти XIX в. Аргументация их строится по преимуществу на показе «открытости» границ между разными слоями пролетариата, несовпадении подчас состава цеховых профсоюзов с категориями наиболее высокооплачиваемых рабочих, наличия принципиально общих черт в образе жизни высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих. Эти аргументы стимулировали историков, выделяющих рабочую аристократию в особый слой, к более утонченному и всестороннему анализу верхушки пролетариата третьей четверти XIX в. Такой анализ, на наш взгляд, был дан в работах Д. Кроссика, Р. Грея, Д. Филда, К. Барджесса³³, близких по мировоззренческим позициям к Хобсбоуму и Фостеру, но определенно отличающихся от них по исследовательским выводам.

В работах Кроссика, Грея, Филда, Барджесса был подтвержден и снабжен дополнительными доказательствами вывод о наличии у рабочей аристократии экономических преимуществ, в первую очередь более высокой заработной платы. Вместе с тем в них обосновывалось то положение, что экономический фактор не был единственным и даже определяющим в формировании рабочей

• «' *Hunt E. H. Op. cit. P. 278.*

• » *Briggs J. Op. cit. P. 203.*

¹² *Pelting H. The Concept of the Labour Aristocracy / Popular Politics and Society in Late Victorian Britain. L., 1968. P. 37-61; Moorhouse H. F. The Significance of the Labour Aristocracy // Social History. 1981. N 2. P. 229—234.*

³³ *Gray B. Q. The Labour Aristocracy in Victorian Edinburgh. Oxford, 1976; Idem. The Aristocracy of Labour in Nineteenth-Century Britain, 1850-1900. L., 1981, Crossick G. An Artisan Elite in Victorian Society. L., 1978; Field J. British Historians and the Concept of the Labour Aristocracy // Redical History Review Winter 1978/79. N 19. P. 61-86; Burgess K. The Challenge of Labour: Shaping British Society 1850—1930. L., 1980*

аристократии и что своего рода «связующим материалом», превращавшим представителей разных, а подчас существенно разнородных профессий и занятий в «избранный слой» рабочего класса, являлась особая «субкультура».

Приведенные Кроссиком и Греем данные свидетельствуют, что в мировосприятии и жизненных ориентациях рабочей аристократии доминировали такие понятия и ценности, как *обеспеченность, респектабельность, семейное благополучие, трудолюбие*. В ее сознании укоренилось представление о рабочей силе как о своеобразной форме частной собственности. Рабочая аристократия признавала правомочность конкуренции и расправы на рынке труда с «менее достойными собственниками» рабочей силы — малоквалифицированными и неквалифицированными рабочими. Она стремилась выделиться среди пролетариата созданием не только цеховых тред-юнионов, но также клубов, касс взаимопомощи, кооперативных магазинов, престижным досугом. Во второй половине XIX в. четко проявилось стремление «рабочих аристократов» придать своим привилегиям наследственный характер: они стремились ограничить проникновение в свои профессии детей малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих, вступали в брак чаще с представителями и представительницами собственной среды, в целом пытались как бы забаррикадировать возможность социальной мобильности даже внутри рабочего класса.

В работах Кроссика и Грея обосновывается положение, что жизненные ориентации и поведение рабочей аристократии были более сложными и противоречивыми, чем это представлялось Хобсбоуму и Фостеру. Это особенно проявлялось в ее отношении к работодателям и в целом к буржуазии. «Рабочие аристократы» гордились принадлежностью к своим профессиям, поддерживали в собственной среде культ высокопрофессионального труда, их субкультура не была каким-то механическим заимствованием ценностей среднего класса. Их отношения с предпринимателями также отличались неоднозначностью, им была присуща наряду со стремлением к социальному партнерству и весьма высокая степень конфликта. Капитал стремился к замене высокооплачиваемого труда более дешевым, пытался при помощи разделения, дробления и упрощения трудовых операций вовлечь в производственный процесс на место «рабочих аристократов» женщин и подростков, что заставляло «рабочих аристократов» держать «порох сухим» и в случае необходимости защищать свои права, прибегая к стачкам. Таким образом, облик и социальная позиция рабочей аристократии характеризовались двойственностью: она стремилась возвыситься себя над пролетариатом в качестве привилегированного сословия, с одной стороны, и использовала эффективные средства защиты своих интересов от буржуазии — с другой.

Некоторые представители левого крыла британской историографии, например Г. Стедман-Джоунс и П. Джойс³⁴, полагают,

что концепция рабочей аристократии не может быть применена к истории рабочего движения Великобритании второй половины XIX в. Их аргументация сводится к тому, что, поскольку верхние слои пролетариата во второй половине XIX в. вели активную борьбу с предпринимателями, они не могут быть определены в качестве рабочей аристократии. Сами Стедман-Джоунс и Джойс объясняли возобладание консервативной тенденции в рабочем движении средневикторианского периода выработанной капиталом системой патернализма, распространившегося на весь промышленный пролетариат и означавшего внедрение разнообразных мер социального контроля и привязывания рабочих к интересам предпринимателей как в сфере производства, так и в повседневной жизни. Однако эта концепция, основанная на крайне ограниченном количестве фактических данных и отличающаяся, по крайней мере в своем современном выражении, умозрительностью, не получила распространения среди историков.

* * *

В конце XIX—начале XX в. в Великобритании происходит (естественно, на новой качественной ступени) восстановление чартистской традиции, что проявилось в росте классового самосознания пролетариата, обращении его к независимым политическим действиям и, конечно же, в развитии нового юнионизма, воплотившего радикальные устремления малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Вместе с тем чартистская традиция развивается на фоне, а подчас в тени классической тред-юнионистской традиции. Соперничество, в отдельные периоды необычайно острое, этих двух традиций составило содержание британского рабочего движения эпохи перехода к империализму. Какой была сила каждой из традиций, какая из них определяла закономерности рабочего движения в Великобритании — вот вопросы, которые находятся на острие дискуссий британских историков.

Отметим, что активность левого крыла современных британских историков в изучении рабочего движения конца XIX — начала XX в. оказалась гораздо меньшей, нежели в изучении предшествующих периодов. Его представители пока не создали фундаментальных исследований ни о новом юнионизме, ни о политических партиях рабочего класса. Нацеливаясь на изучение истории «рядовых», они не сумели исследовать ее с той полнотой, которая характеризует монографию Э. П. Томпсона о рабочем классе конца XVIII — первой трети XIX в. Вместе с тем ими подготовлен ряд ценных исследований о важных, но практически не изученных прежде вопросах рабочего движения и, что не менее важно, выдвинут ряд оригинальных концепций, без которых уже невозможно представить британскую историографию рабочего движения.

England. Brighton, 11)80; *Stedman-Jones G. Language of Class: Studies in English Working Class History. 1832- № 2* . Cambridge. 1983.

³⁴ *Joyce P. Work. Society and Politics: The Culture of the Factory in Later Victorian*

В центре внимания монографии А. Клинтона оказались объединенные местные советы профсоюзов, в которых, пусть и локальном уровне, преодолевалась характерная для Великобритании автономия тред-юнионов, строившихся на национальном уровне по цеховому или отраслевому принципу. Клинтон избрал такой угол зрения на рабочее движение, который дает возможность исследовать общеклассовые интересы рабочих. Героями его монографии при этом выступили, по собственному определению автора, «активные солдаты и офицеры запаса» рабочего движения, мировоззрение которых отличалось от мышления как бюрократической верхушки профсоюзов, так и массы тред-юнионистов, активность которых проявлялась только в периоды обострения классовых противоречий³¹. Разнообразные и многочисленные факты, привлеченные Клинтоном, позволили оспорить укоренившиеся в либеральной историографии представления о местных профсоюзных советах как об аномалии рабочего движения. Клинтон показал, что эти органы, утратившие с конца XIX в. функцию ведения переговоров с предпринимателями (она перешла полностью к национальным профсоюзам), сосредоточились на борьбе с буржуазией и властями по социальным и политическим вопросам. Историк выявил их важную роль в подготовке «снизу» независимых политических действий пролетариата, а также в воспитании у рабочих чувства коллективизма и привитии им тяги к социализму. Особенно интересно обоснование Клинтоном того вывода, что в 1917 г. ориентация радикальных профсоюзных советов на идеалы французского синдикализма уступила место ориентации на идею «власти советов», выдвинутую Октябрьской революцией в России³¹.

Новый взгляд на синдикалистскую тенденцию в рабочем движении Великобритании начала XX в. развит в монографии Б. Холтона³⁷. Холтон отверг представление о синдикализме как о воплощении стихийно иррационального бунтарства рабочих. На основе многочисленных документальных данных он доказывает, что синдикализм в Великобритании свидетельствовал о новом уровне классовой солидарности и боевитости рабочих, воплотив в себе готовность части «рядовых» подвергнуть сомнению «святость» частной собственности и незыблемость устоев власти.

Одним из самых интересных и оригинальных исследований, созданных представителями левого крыла британской историографии, явилась монография ученика Э. Хобсбоума Д. Хинтона, посвященная движению шоп-стюартов в период первой мировой войны. Хинтон исследует и объясняет весьма необычный факт оформления радикальных настроений в среде квалифицированных

рабочих машиностроительной отрасли, т. е. той части пролетариата, которая по всем меркам олицетворяла рабочую аристократию.

Положение квалифицированных машиностроителей в результате жестких мер военного государственно-монополистического регулирования, как показано в монографии, резко ухудшилось, что и послужило почвой для возникновения среди них радикального движения, создавшего вопреки воле бюрократического руководства советы цеховых старост (шоп-стюартов). Хинтон раскрывает радикализацию движения шоп-стюартов, опыт которого представлял «большой вклад в развитие в Великобритании теории власти советов»³⁸. Полемизируя с либеральными и консервативными авторами, утверждавшими, что идея рабочих советов была «навязана» британскому пролетариату опытом Октябрьской революции в России, Хинтон доказывает, что она вызрела в Великобритании еще в годы первой мировой войны под воздействием внутренних закономерностей классовой борьбы³⁹. На наш взгляд, самого серьезного внимания и научного осмысления заслуживает выдвинутая в его книге концепция о радикальных потенциях верхнего слоя британского пролетариата, которые в определенных исторических условиях могут трансформироваться в революционное действие и социалистическое мышление.

Направленность работ современных представителей левого крыла британских историков очевидна: они пытаются исследовать самые разнообразные пласты коллективного сознания пролетариата эпохи перехода к монополистическому капитализму. При этом большинство среди них преследует цель выявить радикальный и революционный — как реализованный, так и нереализованный — потенциал рабочего движения. Но есть и те, кто нацелен на раскрытие другой стороны менталитета британского пролетариата — истоков его конформизма в отношении буржуазного общества. К ним, например, относятся Г. Стедман-Джоунс и К. Барджесс.

Концептуальный подход Стедман-Джоунса и Барджесса представляет собой, на наш взгляд, проявление леворадикального пессимизма. Оба историка активно используют категориальный аппарат радикальной социальной критики капитализма, оба признают антагонизм труда и капитала, классовый характер буржуазного государства. Вместе с тем оба они доказывают, что доминирующей тенденцией в противостоянии рабочего класса капиталистической эксплуатации с конца XIX в. становится «оборонительный консерватизм» (термин Стедман-Джоунса)⁴⁰. Они приводят данные, призванные доказать, что не только квалифицированные, но также и малоквалифицированные рабочие на рубеже XIX — XX вв. сделали выбор в пользу стратегии самовывживания в капиталистическом обществе. Это проявилось в эволюции их ценностных ориентации:

³¹ > Clinton A. The Trades Union Movement in Britain 1900 - 1940. Manchester, 1977. P. 1.

³⁶ Ibid. P. 90.

³⁷ Holton B. British Syndicalism 1900 - 1914: Myths and Realities - 1976.

as Hint on J. The First Shop Stewards Movement. L., 1973. P. 330.

³⁸ Ibid. P. 17.

⁴⁰ Sledman-Jones G. Op. cit. P. 183.

рабочие во все большем масштабе избирали в качестве способа снятия отчуждения, отчаяния, гнева не стачки и политические демонстрации, а посиделки в пивных, посещение спортивных состязаний, скачек и дансингов, т. е. те формы «бегства» от гнетущих реалий капитализма, которые относятся к типичным атрибутам массовой культуры⁴¹.

Как оценить концепцию Стедман-Джоунса и Барджесса? Не вызывает сомнения, что консервативная тенденция, выявленная ими в идеологии и культуре широких слоев рабочего класса Великобритании в конце XIX—XX в., существовала реально. Вместе с тем в оценке ее масштабов и исторического значения оба историка, на наш взгляд, чересчур увлеклись ее ретроспективным рассмотрением, т. е. проанализировали ее с точки зрения того соотношения сил между трудом и капиталом, тех ценностных ориентации и культуры рабочего класса, которые возобладали в 1980-е годы. Концепция Стедман-Джоунса и Барджесса пронизана изрядной долей антиисторизма и вряд ли может служить основой для обобщающей концепции закономерностей рабочего движения Великобритании конца XIX—начала XX в. Впрочем, полнокровный синтез закономерностей и тенденций рабочего движения Великобритании этого периода остается пока не решенной задачей для левого крыла современной британской историографии в целом: его представители до сих пор сосредоточивались на отдельно взятых противоречивых тенденциях рабочего движения, как бы отодвигая на будущее исследовательское решение вопроса о соотношении и взаимоотношении этих тенденций.

Подход современных консервативных и либеральных историков к рабочему движению конца XIX—начала XX в. по сути воспроизводит уже давнее высказанное оценки и интерпретации. Эти авторы не отрицают успехов нового юнионизма, но в то же время доказывают, что успехи эти «не нужно преувеличивать». Они готовы согласиться с тем, что самосознание рабочих несколько выросло в этот период, но тут же утверждают, что пролетариат в целом продолжал оставаться «классом в себе»⁴². Любопытно, что Э. Хант, на которого мы в данном случае сослались, весьма широко использует при характеристике рабочего движения Великобритании оценки В. И. Ленина, но обращается с ними крайне вольно, приводит только те из них, в которых указывается на отсталые черты британского рабочего движения, но даже не упоминает о тех, в которых прямо говорится о развитии в рабочем движении Великобритании прогрессивных тенденций⁴³.

При анализе нового юнионизма либеральные и консервативные авторы формулируют концепцию о его «плюрализме». Объединившиеся в новые тред-юнионы малоквалифицированные и не-

квалифицированные рабочие, доказывают они, были разделены «многообразием политических взглядов», ни в коем случае не проявляя единства классовой культуры. Далее обосновывается, что радикализм и тем более социалистические устремления были присущи крайне незначительному числу новых тред-юнионов, подавляющее большинство среди них являлись «по сути чисто инструментальными», т. е. преследовали узкие экономические цели. Но даже таким, подогнанным под трафарет классические профсоюзов, новым тред-юнионам отводится место на периферии рабочего движения. Облик же последнего продолжали определять цеховые профсоюзы^{44,1}.

«Проникновение» социалистов в новые тред-юнионы консервативные и либеральные историки считают делом случая: малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие не могли выдвинуть образованных организаторов из своей среды и в силу этого должны были прибегнуть к услугам социалистической интеллигенции. Показателем же зрелости нового тред-юнионизма объявляется его освобождение из-под влияния социалистов. Доказывается также, что резко возросшая в 1880-е—1910-е годы политическая активность пролетариата никак не была обусловлена влиянием социализма и что возникновение Независимой рабочей, а затем лейбористской партии было обусловлено не оформлением у пролетариата классовой идеологии, а исключительно его желанием иметь свою «группу давления» в парламенте⁴⁵.

* * *

В изучении развития рабочего движения новейшего времени британские историки, на наш взгляд, мало продвинулись в пересмотре традиционных подходов и концепций. На протяжении последних 20 с лишним лет среди британских историков не возникло крупной дискуссии по проблемам рабочего движения новейшего времени, что, как нам представляется, в значительной степени объясняется пассивностью представителей левого историографического крыла (напомним, что именно оно было инициатором важнейших дискуссий и освоения новых методов в изучении рабочего движения предшествующих периодов).

Концепции консервативных и либеральных авторов относительно тенденций рабочего движения новейшего времени укладываются в ряд схем. Магистральной линией рабочего движения, отождествляемого с историей профсоюзов, объявляется утверждение социального мира и сотрудничества с предпринимателями и государством. В качестве «критической вехи», окончательно определившей ее торжество в рабочем движении, как правило,

⁴¹ Ibid. P. 181-213; *Burgess K.* Op. cit. P. 97-99.

⁴² *Clegg H. A., Fox A., Thompson A. E.* A History of British Trade Unions Since 1889. Vol. 1. P. 488; *Hunt E. H.* Op. cit. P. 332.

⁴³ См., например: *Ленин, В. И.* Поли. собр. соч. Т. 17. С. 239; Т. 22. С. 39; Т. 23. С. 401, 404.

Lovell J. Trade Unions and the Development of Independent Labour Politics // *Trade Unions in British Politics.* P. 39-41; *Clegg H. A., Fox A., Thompson A. E.* Op. cit. P. 95; *Hunt E. A.* Op. cit. P. 329-331; *Belling H. A.* History of British Trade Unionism. P. 117, 140-141.

Lovell J. Op. cit. P. 49. 5b; *Pelting H.* A History of British Trade Unionism. P. 115, 123.

берется 1926 год — год всеобщей стачки. ГЗ трактовке этого события встречаются очевидные противоречия: с одной стороны, в специальных работах, посвященных всеобщей стачке, ее значение в развитии рабочего движения всячески принижается⁴⁷, но с другой — в обобщающей концепции доказывается, что именно это событие окончательно убедило профсоюзы и предпринимателей в опасности «перехлеста» социальных страстей (тем самым признается масштабность и чрезвычайная острота классовой схватки 1926 г.)⁴⁸. Важнейшим реальным следствием стачки объявляется становление системы «мондизма» (по имени известного теоретика и практика социального партнерства Монда, равнозначной новой, партнерской системе индустриальных отношений. Неотъемлемой чертой новой системы объявляется окончательная деполитизация профсоюзов, означающая их отказ в своих конфликтах с предпринимателями от выдвижения политических целей, полностью переданных лейбористской партии.

История профсоюзов эпохи государственно-монополистического капитализма в трудах консервативных и либеральных авторов фактически лишается самостоятельности, рассматривается в рамках истории «индустриальных отношений». В свою очередь, цели профсоюзов, исследуемых не в их взаимоотношениях с обществом в целом, а в узкой системе «индустриальных отношений», ограничиваются откровенно прагматическими экономическими интересами, достигаемыми на основе коллективного договора с предпринимателями. Оценка лидеров профсоюзов в историографии «индустриальных отношений» определяется их способностью «мудро» и «всесторонне» соотнести требования своих подопечных с возможностями «своего» предприятия, экономической конъюнктурой на внутреннем и мировом рынке. Стачка в такой схеме выглядит как нежелательное явление и даже стихийное бедствие, в лучшем случае она объективируется динамикой экономических циклов, но отнюдь не законами классовых взаимоотношений. Прогрессивная линия в деятельности профсоюзов отождествляется с их интеграцией в систему «индустриальных отношений»⁴⁸.

Как консервативные, так и большинство либеральных авторов фактически отчуждают политическую деятельность от простых рабочих и рассматривают ее в качестве функции лейбористской партии и профсоюзного руководства. Ими отрицается сама возможность проявления пролетариатом массового политического радикализма и выработки единого массового политического самосознания. Главной детерминантой политического поведения рабочих в новейшее время, в том числе и их выбора между двумя

главными политическими партиями, признается не классовое положение пролетариата, а окружающие рабочих локальные экономические и социально политические условия. Политические же представители профсоюзов в парламенте рассматриваются в качестве «группы давления», аналогичной «группам давления» других социальных слоев⁴⁹.

Необходимо отметить, что концепция интеграции рабочего движения в государственно-корпоративную систему разделяется и многими представителями левого крыла британской историографии. Вместе с тем причины подобной интеграции они определяют иначе, чем консервативные и либеральные авторы. С одной стороны, следуя широко распространенной среди современных леворадикальных обществоведов Запада концепции корпоративного либерализма⁵⁰, они увязывают интеграцию профсоюзов с либеральными методами воздействия государственно-монополистического капитализма на рабочее движение. С другой стороны, они доказывают, что государственно-монополистический капитализм при любом удобном случае в целях интеграции профсоюзов прибегал и к откровенно репрессивным мерам. Одной из таких мер был, например, антипрофсоюзный закон 1927 г., сыгравший в укрощении профсоюзов не меньшую роль, чем мондизм. Этот закон, по мнению К. Барджесса, практически запрещал забастовщикам ставить политические цели⁵¹. Таким образом, деполитизация стачек явилась следствием сознательного репрессивного курса правящего класса.

Важной причиной подчинения профсоюзного движения государственно-монополистической стратегии представители левого историографического крыла считают ошибки политических партий пролетариата. Острой критике подвергалась ими лейбористская партия, которая, по заключению Стедман-Джоунса, продемонстрировала теоретическую беспомощность перед лицом структурных и идеологических изменений в рабочем классе, вызванных оформлением государства всеобщего благосостояния, научно-технической и электронно-компьютерной революцией современности⁵². Но гораздо чаще острая критика адресуется ими Коммунистической партии Великобритании.

Ряд замечаний, высказываемых в адрес компартии Великобритании, вполне обоснованны. Например, нельзя отрицать сектантских ошибок британских коммунистов 1920—1930-х годов, которые в значительной степени являлись следствием стратегических

Peacock A. / Working Class Angels // Bulletin of the Society for the Study of Labour History. 1969. N 18. P. 54-60; Renshaw P. The Depression Years 1918-1931 // Trade Unions in British Politics. P. 102-115.

⁵⁰ Midler W. The «Kept Men»? The First Century of Trade Union Representation in the British House of Commons, 1874-1975. L., 1975; Martin R. M. TUC: The Growth of Pressure Group 1868-1976. L., 1980.

⁵¹ Подробнее об этой концепции см.: Cozzini B. B. Критические направления немарксистской историографии США XX вена. М., 1987. С. 236-237

⁵² Burgess K. Op. cit. P. 236.

⁵³ Stedman-Jones G. Op. cit. P. 221-222.

⁴⁷ f- The General Strike. L., 1975; Phillips G. A. The General Strike; The Politics of Industrial Conflict. L., 1976. P. 293-294

⁴⁸ Pelting H. A History of British Trade Unionism P. 182

⁴⁹ Clegg H. A History of British Trade Unions Since 1889. Vol. 2. 1911-1933. ЖяГне! г ; « X ? • i Stol, yor and Herita * e: The Social Origins of the British Industrial Unionism. L., 1985: PHe * . Lab0Ur Britlsh So™ * : An Interpretation

ошибок Коминтерна. Необходимо признать и то, что позиции компартии в британском обществе в благоприятный для нее период 1930-х годов были ослаблены из-за негативного восприятия массами внутривластного курса Сталина в СССР. Но в то же время нельзя не видеть и того, что критика некоторыми представителями левого историографического крыла компартии Великобритании обусловлена их антикоммунистическими предрассудками. Примером такого рода предрассудков является, в частности, концепция У. Кендэлла: он утверждает, что компартия с самого начала была чужеродным телом в Великобритании и что деятельность «агентов Коминтерна» на Британских островах погубила мощные и здоровые социалистические ростки периода первой мировой войны⁵⁴. Очевидный идеологический стереотип заключен в критике компартии Великобритании в книге Д. Хилтона и Р. Хаймэна: эти историки доказывают, что компартия совершила непоправимую ошибку, пытаясь организовать политические альянсы с реформистским профсоюзным движением⁵⁵.

В целом усилия левого крыла британских историков оказались сосредоточенными на негативных явлениях рабочего движения Великобритании новейшего времени. А вот число работ, анализирующих радикальные тенденции рабочего движения на основе современных исследовательских методов, пока невелико. К ним можно отнести, например, книги П. Кингсфорда, Р. Кроучера, Э. и Р. Фроу, в которых рассматриваются различные проявления движения «рядовых», действовавших в обход официальной политики профсоюзов⁵⁶.

Наиболее интересной нам представляется фундаментальная монография Р. Кроучера, посвященная движению шоп-стюартов в машиностроительной отрасли накануне и в период второй мировой войны. Автор воссоздал историю стихийных стачек 1934, 1937, 1941, 1944 гг., в которых наиболее полно проявился радикализм движения «рядовых», но которые до сих пор оставались «белыми пятнами» британской историографии рабочего движения. Как показано в исследовании Кроучера, движение «рядовых», возглавляемое квалифицированными рабочими, не ограничивалось непосредственными экономическими требованиями, но выдвигало радикальные политические идеи, в том числе и принцип непосредственного участия пролетариата в управлении производством. Монография свидетельствует о наличии преемственности в рабочем движении Великобритании, приобретающей характер закономерности: в экстремальных экономических и политических условиях, которые, в частности, сопровождали пе-

риод первой и второй мировых войн, выявлялся радикальный потенциал пролетариата, причем выразителями радикализма выступали не только низшие его слои, но и квалифицированные рабочие.

Новой темой в историографии рабочего движения, поднятой представителями ее левого крыла в 1970—1980-е годы, стало изучение взаимоотношений между рабочими и предпринимателями непосредственно в сфере производства, на рабочих местах. Обращение к этой теме, стимулированное новаторским трудом американского историка и социолога Г. Бравермана⁵⁷, позволило расширить традиционное понимание сферы конфликта между трудом и капиталом. Его британские последователи показывают, что рабочие вели повседневную упорную борьбу за сохранение и расширение своей автономии на рабочих местах, против обезчеловечивания трудовой деятельности и превращения пролетариата в простой придаток машинной индустрии и механизма воспроизводства и расширения прибавочной стоимости⁵⁸.

Подводя итог развитию британской историографии рабочего движения, необходимо отметить, что она поднялась на новый качественный уровень благодаря активному освоению и использованию междисциплинарной методологии, вовлечению в научный оборот нового корпуса источников. Позитивные изменения наиболее полно проявились в изучении истории рабочего класса в новое время. Освоение новаторских методов исследования не устранило разногласий между разными направлениями и школами историков, но их дискуссии сегодня ведутся на более высоком профессиональном уровне, чем прежде.

Современные дискуссии британских историков включают в себе и серьезный урок для советских исследователей, ведь в освоении новейших методов изучения истории рабочего класса зарубежных стран, а следовательно, в ее всестороннем анализе мы оказались позади зарубежных коллег. Наши собственные дискуссии и плодотворный научный диалог с зарубежными учеными возможны только при условии ликвидации этого отставания.

⁵⁴ Kendall W. The Revolutionary Movement in Britain, 1900 -1921: The Origins of British Communism. L., 1969.

⁵⁵ Hint on J., Hyman R. Trade Unions and Revolution: The Industrial Politics of the Early British Communist Party. L., 1975.

⁵⁶ Kingsford P. The Hunger Marchers in Britain. 1920 — 1940. I., 19K2: Croucher R. Engineers at War 1939 - 1945. L., 1982; Prow E., Prow H. Engineering Struggles: Episodes in the Story of the Shop Steward's Movement. Manchester, 1982.

~Braverman Я. Labour and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the 20th Century. N. Y., 1974.

Struggle at Work and Monopoly

Глава 6

ИСТОРИЯ
ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Политическая история традиционно занимает важнейшее место в британской исторической науке. Для многих поколений британских историков излюбленной являлась тема плавной прогрессивной эволюции британского государства и политической системы в целом, обеспечивавшей бескровное разрешение всех социальных конфликтов, утверждавшей исключительность британского исторического опыта и его очевидное превосходство над историей других стран и народов.

Исследовательские интересы британских историков в изучении политической истории в последние десятилетия претерпели определенные изменения. Одно из главных среди них сводилось к следующему: если прежде британские историки сосредоточивали внимание по преимуществу на парламентской и административной истории, взаимоотношении различных ветвей и органов государства, то на современном этапе в центре их внимания оказалась историческая эволюция британской партийно-политической системы и ее главных участников — тори и вигов в XVIII в., консерваторов и либералов в XIX, консерваторов и лейбористов в XX в.

Пристальный интерес британских историков к развитию партийно-политической системы Великобритании формировался под воздействием изменений представлений западных обществоведов о распределении властных функций в политической организации капитализма. Эти изменения не в последнюю очередь были обусловлены влиянием концепций такой авторитетной современной обществоведческой науки, как политология, которой как раз и принадлежал вывод о британском государственном управлении как партийном правлении. В одном из новейших пособий по британской политической системе Ф. Н. Форман уже в качестве аксиомы высказал то суждение, что концепция классической либеральной историографии о центральной роли парламента в политической истории Великобритании применима только к узкому, хотя и несомненно важному периоду 1832—1867 гг. До этого периода существенную роль в государственном управлении играли монархия и кабинет министров, а после него ведущую позицию в политической системе заняли партии².

От политологии британская историография заимствовала и взгляд на национальные политические партии как на систему, сущность которой определялась взаимодействием двух главных партнеров-соперников. Вместе с тем в отличие от политологов для

историков характерен своего рода индивидуализирующий подход к изучению партийно-политической системы, сосредоточенность на изучении роли и места в ней на разных исторических этапах отдельных партий.

Теоретико-мировоззренческие и методологические размежевания среди исследователей политических партий соответствуют линиям размежеваний в британской исторической науке в целом, но проявляются с большей полнотой. Это признают и сами британские историки. Так, консерватор Д. Рэмсен объявил само собой разумеющейся четкую идеологическую позицию историка партий: «Совершенно естественно, что история партий пишется с партийных позиций»³ V Рэмсен отметил и очевидный факт своеобразного разделения труда среди историков политических партий Великобритании: подавляющее число работ о тори и консерваторах написано приверженцами принципов британского консерватизма, о виггах и либералах — либеральными авторами, о лейбористской партии — лейбористами. Партийно-политическая историография в Великобритании не только перекликается с интересами политических партий, но подчас и открыто обслуживает их. Вместе с тем необходимо отметить, что теоретико-мировоззренческая однородность в наибольшей степени проявляется в рамках консервативного и либерального историографических направлений и в наименьшей — лейбористского. Представители левого крыла лейбористского направления выступают подчас с острых социально-критических позиций и даже заявляют о своей оппозиции политическому курсу лейбористской партии. Необходимо также заметить, что марксистская историография до сих пор не заняла весомого места в изучении партийно-политической системы, а по сути даже не сложилась.

Ведущая роль в изучении партийно-политической истории Великобритании принадлежит, безусловно, консервативному и либеральному направлениям. Известно, что со второй четверти XX в. их взаимоотношения характеризовались решительной попыткой консервативного направления во главе с Л. Нэмиром и его школой пересмотреть господствовавшую в тот период вигско-либеральную концепцию политической истории Великобритании, изображавшую виггов и их наследников либералов в качестве главных творцов английской либеральной демократии. Л. Нэмир, Г. Баттерфилд и их последователи немало преуспели в развенчании виггов, вскрывая их продажность, цинизм и приверженность олигархическим политическим принципам, но одновременно консервативные авторы попытались представить тори в качестве рдетелей английского конституционализма и демократии⁴.

з Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940. L.; N. Y.. 1978. P. XII.
< См Ерофеев И А. Л. Нэмир и его место в буржуазной историографии // Вонр. истории. 1973. № 4. С. 79-83; Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., Д/о. в. о. оо.

< Современная буржуазная политическая наука: проблем., гп, у...рсг«й ,, тм-
мократи. М., 1982. С. 155, <.i д<.
2 Eon-gan /*. N. Mastering British Politics. L., 1985. P. 11

Консервативный ревизионизм в значительной мере определял развитие британской немарксистской историографии и в последующем, а на современном этапе в условиях распространения в Англии волны неоконсерватизма он как бы обрел второе дыхание. В 1980-е годы число сочинений, изображающих тори XVIII в. и консерваторов XIX—XX вв. в качестве выразителей общественного прогресса и всеобщего благоденствия, существенно увеличилось. Массированная атака консервативных историков определенно застала либеральных авторов врасплох, их ответом была не контратака, не развенчание консервативных концепций и не раскрытие подлинного облика тори на разных этапах британской истории, а поиск примирения с консерваторами ценой определенных уступок в собственных трактовках политики вигов и либералов.

Показательны в свете сказанного суждения и выводы известного либерального историка А. Бриггса. Английские историки, отмечал он, выражая типичную позицию современной либеральной историографии, стали гораздо критичнее в отношении политической риторики британских государственных деятелей XVIII—XIX вв., проявляя больший интерес к недостаткам и несовершенствам ганноверской и викторианской Англии и оценивая гораздо скромнее преобразования того периода. «Другими словами, мы перестали быть вигами»⁵. Говорить о полном разрыве Бриггса с традицией отца-основателя вигско-либеральной историографии Т. Маколея было бы, однако, преувеличением: на практике он модифицирует традиционно-либеральную интерпретацию партийно-политической истории Великобритании. Давая острокритические оценки ганноверским вигам, находившимся у власти в 1710—1760-е годы, и идя в этом вопросе на очевидные уступки оппонентам из лагеря консервативных историков, Бриггс одновременно пытается реабилитировать викторианских вигов второй трети XIX в. Так, анализируя вигские реформы 1830—1835 гг., ученый доказывает, что они обнаружили способность, избегая кровопролития, свершать «крупномасштабные изменения»⁶.

В работах Бриггса и других британских историков предпринята попытка достичь консенсуса — выработать единый теоретический критерий в оценке исторической роли, успехов и неудач как либералов, так и консерваторов. Критерием, позволяющим выставлять плюсы или минусы исторической деятельности и либералов, и консерваторов, была признана их способность приспособлять законы и политические институты Великобритании к меняющейся экономической и социальной реальности, предотвращать общественные конфликты, а тем более революции. Как доказывал Н. Гэш, выразивший широко распространенное среди британских историков мнение, в приобретении тори и вигами этой способности решающее значение имел период 1830—1870-х годов, когда были приняты две известные парламентские реформы, рас-

ширившие избиратель!... право, а также ряд социальных и экономических актов, ограничивавших интересы земельной аристократии, укреплявших позиции промышленной буржуазии и заключавших в себе определенные уступки эксплуатируемым массам. Согласно Гэшу, смена тори и вигами в этот период своих названий на консерваторов и либералов не была случайной, но означала складывание новой двухпартийной системы, которая преодолела политический догматизм, присущий тори и вигам, прежней двухпартийной системе в целом. Названия *консерваторы* и *либералы* в отличие от названий *тори* и *виги* заключают для Гэша и разделяющих его концепцию историков положительный смысл, а конституирование двухпартийной системы консерваторы—либералы означает вступление Великобритании в этап «либеральной демократии»⁷.

Концепция Н. Гэша воспринята не всеми британскими историками, некоторые из них придерживаются идеи об исконном прогрессизме тори и вигов, но все же, как представляется, для современной британской историографии типичен именно подход Гэша. Он позволяет представить британскую партийно-политическую систему как саморазвивающийся организм, способный радикально преодолевать собственные пороки, эволюционировать от плохого к хорошему, а потом к лучшему и вследствие этого разрешать острые общественные коллизии, предотвращать революционные потрясения и все более расширять границы всеобщего благосостояния.

- Среди британских политических историков сейчас уже редко встретишь таких, кто полностью игнорирует воздействие социально-экономических факторов на эволюцию политических партий. Например, изменение социального состава либеральной и консервативной партий, их политических платформ, стратегии и избирательной тактики на различных исторических этапах так или иначе, в той или иной степени увязывается с промышленным переворотом, формированием и развитием промышленной буржуазии и пролетариата, экономическими кризисами и обострением социальных конфликтов внутри страны и крупными историческими событиями в мире, такими, как Американская и Французская революции в XVIII в., европейские революции 1848—1849 годов, первая и вторая мировые войны в XX в. Вместе с тем для многих историков характерно сосредоточивать внимание на воздействии на партии политических лидеров, подчеркивать именно их особую и даже решающую роль в изменении исторического облика либералов и консерваторов. Конечно, было бы неверно и наивно осуждать стремление создать полнокровные и запоминающиеся портреты Фокса и Питта Младшего, Ливерпуля и Каннинга, Грея и Пиля, Дизраэли и Гладстона, Асквита и Ллойд Джорджа, Чер-

⁵ B.iggis A. The Age of Improvement, 1783-1835. L.; N. Y. 1979. P. 4.
⁶ Ibid. P. 282.

⁷ I Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832-1852. Oxford, 1965. P. 120, 129; *Idem*. Aristocracy and the People: Britain. 1815—1865. Harvard (Mass.), 1979. P. 163-165.

чила и Тэтчер: такие портреты наполняют исторические работы реальными страстями, чувствами и настроениями исторических деятелей, оживляют события прошлого. Критическое отношение вызывает, однако, отчетливое стремление многих авторов сотворить культ своих героев, приписать им воздействие на ход истории, в сравнении с которым меркнет, а порой исчезает роль самых крупных социальных движений.

Некоторые историки вообще изображают усвоение партиями новых, более передовых социально-политических принципов как исключительно добровольное по своему характеру, продиктованное просвещенным подходом к меняющимся реалиям их лидеров. Влияние трудовых масс на мотивы партий и их лидеров преуменьшается. Примечательна концепция, высказанная в одной из монографий М. Бентлея: признание классовой борьбы в качестве фундаментальной причины, воздействовавшей на эволюцию партий, утверждал он, приводит к подмене истории партий, определявшейся многообразными, но меньше всего зависевшими от классовой борьбы практическими заботами их лидеров, историей рабочего класса⁸. Следуя подобному методологическому кредо, Бентлей фактически вычеркнул рабочее движение из факторов, определявших позиции консервативной и либеральной партий в XIX — начале XX в.

Как это ни покажется странным, проблема разработки и научного обоснования периодизации истории партийно-политической системы Великобритании не заняла самостоятельного места в британской историографии. Одна из причин пренебрежения вопросом о периодизации партийно-политической системы заключена в крайне узкой специализации британских историков: подавляющее большинство среди них поглощены изучением той или иной партии в рамках определенного хронологического периода. И все же при анализе совокупности исследований британских историков можно обнаружить наличие среди них определенного согласия, пусть и достигнутого стихийно, без специальных обоснований, относительно этапов партийно-политической истории. Основными среди этих этапов могут быть названы следующие: 1) 1689—1714 гг. — зарождение партий вигов и тори; 2) 1715—1760-е годы — период возвышения вигов, поглощения ими тори, а затем кризиса и упадка самой вигской партии; 3) 1770—1820-е годы — возрождение и усиливающаяся консолидация вигов и тори, переживающих переход от фракций к партиям; 4) 1830—1870-е годы — трансформация вигов и тори в либералов и консерваторов и обретение последними облика партий в подлинном смысле этого слова; 5) 1880-е годы—1918 г. — второй и последний этап существования двухпартийной системы либералы — консерваторы;

Bentley M. Politics Without Democracy: Great Britain, 1815-1914; Perception and Preoccupation in British Government. Oxford, 1985. P. 13.

(jj) 1918 — 1940 п. **перегруппировка** партийно-политической системы, вытеснение либералов из двухпартийного механизма лейбористами; 7) 1940 — 1980-е годы — современный этап двухпартийной системы, разделяющийся на два подэтапа: на первом, в 1940—1960-е годы, во взаимоотношениях консерваторов и лейбористов преобладает консенсус, на втором, в 1970—1980-е годы, обостряются разногласия.

Весьма острые разногласия характерны для современной британской историографии в оценке двух первых этапов складывания партийно-политической системы. Большая часть британских историков⁹ приходит к выводу, что на первом этапе, в период пребывания у власти последних Стюартов, Вильгельма Оранского и королевы Анны, тори и виги представляли реальное разделение интересов на основополагающим политическим и религиозным вопросам. Если тори мечтали о восстановлении старых, дореволюционных принципов, то виги стремились закрепить умеренные завоевания двух английских революций. В то же время эти историки обходят вопрос о социально-классовых основах партийных размежеваний. Меньшая часть историков вслед за американским профессором Р. Уолкотом полагает, что парламент, а следовательно, и правящие верхи в целом были разделены не на партии, а на множество группировок, скрепленных родственными, профессиональными, должностными и прочими связями¹⁰.

Относительно периода 1715—1760-х годов в британской историографии сохраняется авторитет вывод Л. Нэмира о том, что в рамках этого этапа преобладали многочисленные рыхлые коалиции, к которым неприменимо понятие *партия*¹¹. Историки, разделяющие мнение о распаде в этот период двухпартийной системы и об утверждении политической гегемонии вигов, растерявших постепенно партийно-идеологические принципы и озабоченных соображениями политической карьеры, далеки от раскрытия социально-классовых причин серьезной метаморфозы в партийно-политической истории Великобритании. Исчезновение партийных размежеваний объясняется крахом якобитского заговора 1714 г., а вместе с ним и реставрационных замыслов тори. С теми или иными ню-

¹⁰ См., например: *Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. 1640-1923. I., 1967. Vol. 1; Holmes G. British Politics in the Age of Anne. L., 1967; Burton J. F., Riley R. W., Rowlands E. Political Parties in the Reigns of William III and Anne: the Evidence of the Division Lists. L., 1968; Speck W. A. Tory and Whig: The Struggle in The Constituencies. L., 1970; Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester, 1977; Jones J. R. Country and Court: England 1658-1714. Cambridge, 1978; Coward B. The Stuart Age: A History of England, 1603-1714. L., 1980.*

¹¹ Анализ британской историографии партийно-политической истории Великобритании 1689—1714 гг. см.: *Лабутина Г. Л. Буржуазная историография о становлении двухпартийной системы в Англии // Вопр. истории. 1986. № 4. С. 150-156.*

и См.: *Plumb J. H. The Growth of Political Stability in England 1671-1725. L., 1967; Owen J. The Eighteenth Century, 1715-1815. L., 1975; Cowie L. W. Hannoverian England 1714-1837. L., 1974; Stuart R. The Foundation of the Conservative Party, 1830-1867. L.; N. Y., 1978.*

ансами сохраняется и сформулированная Нэмиром и консервативными ревизионистами острокритическая оценка правления вигов. Либеральные историки¹² оказались фактически не в состоянии что-либо противопоставить ей.

В то же время новейшим веянием в британской историографии, отражающим, на наш взгляд, усиление влияния неоконсерватизма в современной политической жизни Великобритании, являются попытки некоторых авторов¹³ «поправить» Нэмира с еще более консервативных позиций. Наиболее полно они воплотились в книге Л. Коллей, обосновывающей тезис о выживании и прогрессивном развитии партии тори в 1715—1760-е годы. Правда, Коллей не удалось обосновать сохранение партии на национальном уровне, но она попыталась компенсировать эту неудачу фактами политической активности тори в провинции. Причем в ее книге настойчиво доказывается, что тори выступали с требованиями демократических политических реформ, были но меркам XVIII в. чуть ли не радикалами и популистами и что именно они подготовили выступление Дж. Уилкеа и других критиков вигской олигархии последней трети века. Фактически Коллей обосновывает концепцию исключительности британского консерватизма, который якобы изначально, с момента зарождения был гибким, подлинно прогрессивным организмом, выражавшим не классовые, а национальные, к тому же согласовывающиеся с принципами либеральной демократии интересы.

Этап 1770—1820-х годов в современной британской историографии рассматривается как переходный от «беспартийного» правления к конституированию двухпартийной системы. В работах, посвященных этому этапу, налицо реалистические черты: например, новое, второе после периода 1689—1714 гг., размежевание правящих кругов Великобритании на вигов и тори увязывается с воздействием Американской и Великой Французской революций. Но распространены и идеалистические определения движущих факторов партийно-политического развития, и апологетические оценки «прогрессивного» приспособления политических партий к меняющейся реальности. Подобных оценок чаще удостоиваются лидеры нового ториизма¹⁵. В работах целого ряда историков налицо одно очевидное и многозначительное противоречие: с одной стороны, в них отмечается, что положительная реакция на

Американскую и Французскую революции была характерна для вигов, а тори заняли в отношении революций охранительно-консервативную позицию, с другой стороны, генезис принципов просвещенного и либерального политического лидера увязывается преимущественно с эволюцией партии тори.

Обращает на себя внимание, что главным героем прогрессивной эволюции партийно-политической системы этого периода в современной британской историографии выступает лидер тори Ливерпуль¹¹⁵, пребывание которого у власти ознаменовалось приостановкой действия «Хабеас корпус акта», кровавой расправой над демонстрацией рабочих близ Манчестера («сражение при Питерлоо») и другими репрессивными мерами. Несмотря на это, существенными и заслуживающими первоочередного внимания фактами партийно-политической истории Великобритании в годы деятельности Ливерпуля считаются легализация политической оппозиции, признание авторитета общественного мнения, постепенные изменения соотношения сил в правительстве в пользу либеральных тори. Так реальный исторический процесс интерпретируется в соответствии с концепциями исключительности британского консерватизма и лидирующей роли политических партий в утверждении либеральной демократии.

* * *

Три первых этапа партийно-политической истории в Великобритании рассматриваются в британской историографии все же в качестве преддверия истинной партийно-политической системы. А оформление последней относится к периоду 1830—1870-х годов. Для современных британских историков характерен большой критицизм в отношении «золотого века» английского либерализма, как поименовала этот период традиционная вигско-либеральная историография. Вместе с тем этот критицизм на поверку призван не отменить, а придать более взвешенный и убедительный характер выставляемым в конечном счете высоким оценкам британской партийно-политической системе.

В значительной степени критицизм относительно внутренней и внешней политики Великобритании данного этапа присущ консервативным авторам, что вполне понятно: на протяжении большей части периода 1830—1870-х годов у власти находились либералы и критика в их адрес не ущемляет интересов консервативной партии. Примечательно, что если либеральный историк А. Бриггс воздерживается от определения знаменитой парламентской реформы 1832 г. как «демократической»¹⁷, то ведущий консервативный автор Р. Блейк отказывается видеть в ней даже существенную уступку земельной аристократии буржуазии¹⁸.

¹² Cowie L. W. Op. cit. P. 426—427; Briggs A. Op. cit. P. 216; Blake B. The Conservative party from Peel to Thatcher. L., 1985. P. 6; Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics. . . P. 120.
¹³ Briggs A. Op. cit. P. 2S6.
¹⁴ Blake B. Op. cit. P. 16.

См., например: Langford P. The First Rockingham Administration 1763—1765. Oxford, 1973.

¹⁵ Hill B. W. The Growth of Parliamentary Parties 1689-1742. L., 1976; Idem. British Parliamentary Parties 1742—1832: From the Fall of Walpole to the First Reform Act, L., 1985; Colley L. In Defiance of Oligarchy: The Tory Party 1714—1760. Cambridge, 1982.

ii. Colley L. Op. cit. P. 290-292.

¹⁵ Foord A. S. His Majesty's Opposition, 1714—1830. Oxford, 1964; Steven Watson J. The Reign of George III, 1760-1815. Oxford, 1960; Mitchell A. The Whigs in Opposition 1815-1830. Oxford, 1967; Mitchell L. G. Charles James Fox and the Disintegration of the Whig Party, 1782 - 1794. Oxford, 1970. P. 283; Cowie L. W. Op- cit.

Мо может ли в таком случае реформа 1832 г., в которой вигские историки видели некогда воплощение образцовой демократической меры, заслужить положительную оценку? Ответить на этот вопрос и одновременно примирить либеральных и консервативных авторов в оценке реформы — предмета традиционной гордости либеральной партии — попытался один из наиболее авторитетных современных политических историков — М. Брок. Он соглашается с тем, что и после одобрения реформы контроль над политической властью в стране сохранился в руках земельной аристократии, но, отталкиваясь от известного определения политики как искусства возможного, доказывает, что только такая реформа могла быть одобрена без крайнего обострения классовых страстей и гарантировать мирный — нечто более ценное, чем демократия, — путь развития в направлении утверждения политического равенства. Реформа, по Брок, не воплотила демократических принципов, но без нее не стали бы возможны мирные парламентские реформы 1867, 1884 и 1918 гг., которые шаг за шагом вели к торжеству полной политической демократии¹⁹.

• Современные британские историки признают узкий классовый состав обеих партий викторианского периода: консерваторы оставались оплотом земельной аристократии, а либералы медленно превращались из олигархической вигской партии в партию ленд-лордов, финансистов и промышленников. Вместе с тем развивается тезис, что классовый состав партий не тождествен их классовой сущности. Согласно современным концепциям британской историографии, более важной, нежели сохранение узкоклассового состава обеих партий, являлась их идейно-политическая эволюция, завершившаяся обращением либералов и консерваторов в последней трети XIX в. в партии национальных интересов. Как утверждал Н. Гэш, либералы и консерваторы викторианского периода, оставаясь аристократическими по составу, стремились править, опираясь на общественное мнение²⁰. Тот же Гэш доказывал, что идеология обеих партий была «антидоктринерской и прагматической», ориентирующейся на «экспериментальные импровизации», а не на чьи-либо классовые интересы²¹. Скромные результаты практической деятельности двух партий в викторианский период оказываются в свете подобной интерпретации не следствием их классовой позиции, а отражением «прагматического экспериментального» характера их стратегии.

С точки зрения как консервативного, так и либерального направления британской историографии практическое экспериментаторство превращалось в викторианский период в достояние обеих партий, что явилось важным условием обеспечения преемственности в политике британского государства и одновременно стало краеугольным камнем двухпартийной системы. Спор среди

британских историков ведется преимущественно по вопросу о том, какая из партий являлась лидером в освоении новой стратегии. На современном этапе британская историография более благосклонна к консервативной партии, что заключает в себе очевидное противоречие, ибо большинство реформ в викторианский период было проведено либералами.

Эволюция консервативной партии трактуется как острое соперничество разных группировок, завершившееся торжеством либеральной фракции. Р. Стюарт выделяет в ней три фракции: «ультра», или классические тори, отстаивали бескомпромиссно позиции монархии, англиканской церкви, земельной аристократии и гегемонию Англии в Великобритании; тори-заднескамеечники противились реформам, но считали необходимым в случае одобрения их парламентом принять нововведения, подчинив их интересам консерватизма; тори-либералы, или собственно консерваторы, требовали строить политику партии с учетом общественного мнения и выступать инициаторами нововведений, когда последние станут требованием нации²². Р. Блейк также разделяет консерваторов на три фракции, но, помимо «ультра» и либералов, включает в них «радикальных тори», выступавших за объединение консерваторов с рабочим классом против промышленной буржуазии²³. Несколько расходясь в определении размежеваний среди консерваторов, Стюарт и Блейк, как и многие другие современные британские авторы, едины в восхвалении «либерального торизма», победа которого в 1870-е годы означала, по их заключению, превращение партии консерваторов в выразительницу национальных интересов и общественного прогресса.

Этим историкам присущ повышенный интерес к деятелям, руками которых осуществлялась «либерализация» партии тори. Если предтечами либерального торизма объявляют Ливерпуля и Каннинга, то его отцами-основателями, преобразовавшими тори в консервативную партию, считают Р. Пиля и Б. Дизраэли. В современной британской историографии сотворен настоящий культ Р. Пиля, главы правительства консерваторов, отменившего в 1840-е годы хлебные законы и проведшего билли о запрещении ночного труда женщин и об ограничении 12 часами их рабочего времени. В заслугу Пилю ставят то, что он не только создал новую стратегию консерваторов, но ради претворения ее в жизнь не побоялся в 1846 г. пойти на раскол партии. В результате раскола фракция Пиля оказалась вне партии — этот факт многими расценивается как героическая жертва со стороны Пиля, которая была вознаграждена два десятилетия спустя победой либерального консерватизма. Ну а в чем же заключалась стратегия Пиля? «Гармония и процветание для самых разных классов общества в эпоху нищеты, насилия, угнетения и революции» — так отвечает на этот

• с Brock M. The Great Reform Act. L., 1973. P. 328-333.

²⁰ Gash N. Aristocracy and the People. . . P. 165.

** Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics. . . P. 129.

²² Stuart J. The Foundation of the Conservative Party, 1830-1867. L.; N. Y., 1978. P. XII-XIII.

²³ Blake B. Op. cit. P. 22-25.

вопрос Р. Блейк² отказавшийся от упоминаний о репрессивных мерах Пия по отношению к народным массам.

Столь же хвалебных характеристик удостоивается и лидер консерваторов 1860—1870-х годов Б. Дизраэли, который, по Р. Блейку, через два десятилетия после поражения Пия возродил стратегию классово-гармоничности, добиваясь устранения противоречий между разными слоями собственников и укрепляя социальную опору партии за счет рабочего класса. Главную заслугу Дизраэли историк видит в том, что тот превратил консерваторов в «национальную партию»²⁵.

Приоритет Пия в выработке гибкой стратегии британских политических партий сегодня признают не только консервативные, но и либеральные историки. Вместе с тем либеральные авторы доказывают, что в дальнейшем преодоление консерваторами принципов торизма, а либеральной партией аристократических установок в итоге осуществлялось синхронно и обе партии в третьей четверти XIX в. успешно осваивали прогрессивные социально-экономические и политические принципы. Показателен вывод А. Бригса, доказывающего, что к 1867 г., т. е. к моменту принятия второй парламентской реформы, английские политики «разделились не столько на либералов и консерваторов, сколько на пессимистов и оптимистов»: оптимисты из обеих партий полагали, что расширение демократии упрочит Великобританию, пессимисты утверждали, что демократия приведет к толнократии²⁶.

Среди лидеров либеральной партии, сыгравших наиболее важную роль в преодолении ею вигских принципов, неизменно называют Гладстона. Либеральные историки, как, например, Д. Саутгейт, полагают, что избрание Гладстона лидером партии в 1868 г. имело решающее значение для сокрушения принципов вигизма. Для либеральных историков типична и оценка Саутгейтом Гладстона как искреннего сторонника прогрессивных принципов: «Великая цель для Гладстона заключалась в осуществлении реформы, в то время как для обычных либералов главным было сохранить за партией политическую власть»²¹.

Господствующему в современной британской историографии представлению об активной и даже решающей роли просвещенного руководства двух партий в утверждении принципов либеральной демократии противостоят голоса немногочисленных критиков, доказывающих, что Ливерпуль, Пиль, Дизраэли, Гладстон руководствовались в своей деятельности охранительными мотивами, а их прагматизм, по существу, носил консервативный характер.

Как консервативно-прагматические определили мотивы Ливерпуля, Пия, Дизраэли и Гладстона Б. Хилтон, М. Каулинг и Дж. Дерри². В их исследованиях, особенно в монографии

Каулинга, приведены доказательства того, что каждая уступка народным массам со стороны «просвещенных» консерваторов и либералов свершалась в условиях, когда были исчерпаны возможности защитить интересы «верхов» на репрессивной основе.

* * *

Либеральные историки добились преобладания — по крайней мере количественного — над консервативными авторами в изучении следующего периода партийно-политической системы Великобритании — 1880-е—1918 г. Впрочем, в центре внимания всей британской историографии партийно-политической системы Великобритании 1880-х—1918 г. на протяжении уже весьма длительного периода находится драматическая судьба либеральной партии. С точки зрения либеральных авторов развитие партийно-политической системы в 1880-е—1918 г. является собой поразительный и труднообъяснимый парадокс: либеральная партия достигла наибольших успехов в развитии принципов не только политической, но и социальной демократии, она оставила консерваторов далеко позади по части прогрессивных начинаний, но именно она в конце этого периода была оттеснена с ведущих позиций партийно-политической системы ее бледной «тенью» и «высочкой» — лейбористской партией.

В исследованиях либеральных авторов остается без ответа вопрос о долговременных объективных причинах стремительного падения популярности либеральной партии после первой мировой войны. Их исследования оставляют впечатление, что либеральная партия на протяжении всего периода 1880-х—1918 г. действовала безошибочно в вопросах экономической, социальной и национальной политики. М. Баркер объявляет либеральное правительство 1892—1895 гг., т. е. периода, когда Великобритания стремительно уступала экономические позиции США и Германии и когда рабочий класс внутри страны все более терял доверие к либеральной партии, «одним из наиболее успешных реформистских правительств XIX века»²⁹. Х. В. Эми обосновывает положение, что в период с 1886 по 1914 г. либеральная партия сознательно и целеустремленно следовала курсу «социального радикализма» и являла образец организации, достигшей единства «теории и практики». Выработанная либералами в этот период доктрина нового либерализма, по заключению историка, была без изменений воспринята впоследствии лейбористской партией, а заложенный ими фундамент государства всеобщего благосостояния стал той основой, на которой строили свою социальную политику английские реформаторы XX в. В либеральной партии, но утверждению Эми, резко уменьшилось число бизнесменов и резко возросла про-

²ⁱ Ibid. P. 20.

¹ Ibid. P. 118, 130.

²⁽¹⁾ Briggs A. Op. cit. P. 515.

²¹ Southgate D. Passing of the Whigs, 1832-1886. L.; N. Y., 1962. P. 327.

²⁸ Hilton B. Corn, Cash, Commerce: The Economic Policies of the Tory Government,

1815—1830. Oxford, 1977; Cowling M. 1867. Disraeli, Gladstone and Revolution: The Passing of the 2nd Reform Bill. Cambridge, 1967; Dery J. W. Reaction and Reform, 1793-1868: England in the Early Nineteenth Century. L., 1970.

²⁹ Barker M. Gladstone and Radicalism: the Reconstruction of Liberal Policy in Britain. 1885-1894. Brighton, 1975. P. 253.

слойка профессионалов, в результате она перестала быть «капиталистической» и превратилась в партию всеобщего благоденствия³⁰. П. Ф. Кларк, М. Бентлей, М. Фриден и другие историки попытались доказать, что либеральная партия в начале XX в. успешно боролась с лейбористами за голоса рабочих в промышленно развитых районах и не менее успешно, чем лейбористы, вбирала в себя радикальные, в том числе фабианские, идеи **31**. В результате отрицается наличие объективной закономерности в вытеснении либералов лейбористами из двухпартийной системы.

Названные авторы объясняют стремительное падение влияния либеральной партии после мировой войны исключительно организационными ошибками и разногласиями среди ее лидеров. Некоторые, как, например, Эми, полагают, что социальные реформаторы из числа либералов, завоевав прочные позиции в парламенте, не уделили внимания укреплению своих позиций на местах³². Большая же часть историков видит причину политического поражения либералов в тактических ошибках их руководства, в слабости внутривнутрипартийной дисциплины, постоянно приводившей к расколу партии на фракции.

Воплощением такого подхода является монография Р. Дугласа, заслужившая высокую оценку руководства современной либеральной партии. Согласно его концепции, либеральная партия всегда умела брать на вооружение передовые социально-политические принципы, дающие ключ к решению самых острых вопросов: в конце XIX в. она выдвинула идею самоуправления для Ирландии, в начале XX в. предложила радикальные социальные реформы для трудящихся, в 1929 г. восприняла спасительные для капиталистической экономики кейнсианские принципы³³. Но, сокрушается Дуглас, на каждом этапе партию подводили незадачливые лидеры: в начале XX в. нерасчетливые парламентские «хлысты» партии упустили возможность удержания под своим влиянием лейбористов, в период первой мировой войны и после нее Асквит и Ллойд Джордж принесли единство партии в жертву личным амбициям, расколов либералов на непримиримые фракции, в период между двумя мировыми войнами либералы вместо того, чтобы последовательно поддерживать независимую политическую линию, начали ориентироваться на союз с одной из двух ведущих партий³⁴. Ошибки лидеров либералов, по заключению Дугласа, имели трагические последствия не только для них, но и для двухпартийной системы, так как вытеснившие их из системы лейбори-

сты никогда не смогли стать достойными конкурентами консерваторов.

К ошибкам субъективного плана сводит причины упадка либерализма Д. Хамер¹. Согласно его анализу, партии либералов не удалось добиться оптимального сочетания в своей программе ударных стратегических целей, таких, например, как ирландский гомруль или социальный реформизм, с многообразными задачами более мелкого масштаба, отражающими интересы отдельных социальных слоев, регионов, политических групп. Партия слишком увлеклась ударными целями, пренебрегала секционными интересами и потеряла в результате многочисленных потенциальных сторонников. Для монографии Хамера характерно то, что, проигрывая заново варианты партийной стратегии либералов конца XIX — начала XX в., он сам откровенно запутался в поисках оптимальной программы для своих героев и пришел фактически к выводу о фатальной неизбежности утраты либеральной партией влияния в политической жизни³⁶.

Среди современных британских историков есть и те, кто признает наличие объективных, не зависевших от субъективных намерений лидеров либеральной партии причин ее упадка. Их можно разделить на три группы: 1) авторы, симпатизирующие либералам; 2) критики «слева»; 3) представители консервативного направления.

К первой группе принадлежат К. Кросс, Т. Вильсон, К. О. Морган, доказывающие, что сокрушительный удар по либеральной партии нанесла первая мировая война, которая привела к резкой поляризации классовых сил в Великобритании, расколу страны на сторонников авторитарного управления и радикалов и не оставила места для либерально-реформистского курса, преследующего цель достижения классовых компромиссов и всеобщего благоденствия³⁷. Рассмотрение первой мировой войны в качестве фактора, нанесшего удар по стратегии классового примирения, которой следовали либералы, не вызывает возражений, но, конечно, этот фактор не был единственной причиной «краха либерализма». Рассматривая концепцию Кросса и Вильсона, нельзя также не дать критической оценки их характеристике либеральной партии предвоенного периода как основательницы британского государства всеобщего благосостояния, совершавшей «тихую социальную революцию». А их заключение о том, что, не разразись мировая война, либералы никогда бы не уступили своих позиций лейбористам и успешно завершили революцию «всеобщего благосостояния», воплощает откровенно идеологизированную интерпретацию истории.

35 Hamer D. A. Liberal Politics in the Age of Gladstone and Rosebery: A Study of Leadership and Policy. Oxford. 1972. SB Ibid. P. 329.

37 Wilson T. The Dawn fall of the Liberal Party, 1914-1935. L., 1966; Cross C. The Liberals in Power (1905—1914). L., 1963; Morgan K. O. Consensus and Disunity: The Lloyd George Coalition Government 1918-1922. Oxford, 1979.

³⁰ Emy H. V. Liberals, Radicals and Social Politics 1892—1914. Cambridge, 1973. P. 2, 192, 295.

³¹ Clarke. P. F. Lankashire and New Liberalism. Cambridge, 1971; Bentley M. The Liberal Mind 1914-1929. Cambridge, 1977; Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford, 1978.

³² Emy H. V. Op. cit. P. 289.

³³ Douglas R. The History of the Liberal Party. L., 1971. P. 9Я, ?32.
³⁴ Ibid. P 2-3, 22, 91. 107, 153, 186-187, 231-232.

Вторая группа историков рассматривает упадок либерализма как следствие фундаментальных социальных и экономических изменений в Великобритании эпохи перехода к империализму. Некоторые из них приводят убедительные свидетельства отхода влиятельных профсоюзных организаций от либеральной партии, рассматривая этот отход как следствие роста классового самосознания пролетариата³⁸. Ряд историков, исследуя классовый характер либеральной партии, приходят к выводу, что партия, претендовавшая на внеклассовую позицию, в действительности и по своей идеологии, и по социальному составу оставалась буржуазной партией, что маскировка классовой сущности партии удавалась только парламентской фракции, а местные организации раз за разом выдавали свое пренебрежение интересами рабочих. А это усиливало тягу последних к лейбористам³⁹. Некоторые авторы, признавая падение влияния либералов среди рабочих, вместе с тем преувеличивают роль избирательной реформы 1918 г. в вытеснении лейбористами либералов из двухпартийной системы⁴⁰.

Наконец, к третьей группе принадлежат авторы, критикующие либеральную партию «справа»: ее беспринципная демагогия, доказывают они, привела к тому, что партия утратила доверие среди «осторожных консерваторов», без поддержки которых невозможны политические успехи в Великобритании⁴¹. Интересно, что консервативные авторы критикуют либералов за отсутствие подлинного интереса к нуждам рабочего класса и развитию социальной демократии. Подобная критика, звучащая внешне убедительно, в случае с консервативными историками продиктована конъюнктурно-политическими соображениями: преуменьшая роль либералов в проведении социально-реформистского курса в начале XX в., они как бы подготавливают почву для того, чтобы изобразить в качестве творца британского государства всеобщего благосостояния консервативную партию, обратившуюся к стратегии социального реформизма уже в период между мировыми войнами.

Так, Р. Д. Джеймс объявляет мифом представление о Ллойд Джордже, Асквите и других либералах как об отцах-основателях государства всеобщего благосостояния, ибо их реформы не затрагивали основных трудовых слоев, а введенное либералами социальное страхование безработных, престарелых и инвалидов было столь мизерным, что не могло обеспечить им сносного существования⁴². В отличие от либеральных историков Джеймс

отсрочивает на несколько десятилетий возникновение государства всеобщего благосостояния в Великобритании, но это позволяет ему закрепить честь создания такового за консервативной партией.

Британские историки, среди них и консервативные, уделяют относительно немного внимания истории консервативной партии рассматриваемого периода исходя из того, что ее способность адаптации к новым реалиям классовых взаимоотношений в эти годы проявилась весьма слабо. Те же работы, как, например, монография П. Марша, в которых доказывается, что консерваторы и в этот период лидировали в утверждении либеральной демократии⁴³, исполнены таких натяжек, что получают негативные отзывы даже в весьма умеренных научных журналах⁴⁴.

* * *

Отсутствие в британской историографии пристального интереса к консервативной партии эпохи перехода к монополистическому капитализму компенсируется многочисленными трудами об истории партии тори в новейшее время. История партии тори в период после окончания первой мировой войны до наших дней рассматривается во многих трудах как история нового консерватизма, расставшегося бесповоротно с торийско-олигархическим наследием и присягнувшего идеалам утверждения на месте классовых антагонизмов дизраэлиевской «единой нации» и государства всеобщего благосостояния.

Большинство современных историков характеризуют консервативную партию новейшего времени как чуждую каких-либо идеологических установок, строящую свою политику на основе учета общественного мнения, предпочитающую социально-политические и экономические эксперименты мировоззренческим догмам. Хотя, как доказывает Р. Блейк, консерваторы оставались по своему социальному составу «партией богатых людей», это ни в малейшей степени не помешало им быть восприимчивыми к нуждам рабочего класса в такой же степени, как к нуждам среднего и высшего классов⁴⁵. Более того, «открытость партии для идей левых групп», по утверждению другого консервативного историка — Д. Рэмсдена, постоянно приводила к тому, что беглецы из левых партий — сначала либералов, потом лейбористов, разочаровавшись в догматизме своих лидеров, неизменно находили пристанище в лагере консерваторов, которые, если того требовало общественное мнение, могли стать «либералами» и даже «полусоциалистами»⁴⁶.

По убеждению историков, отдающих симпатии консервативной

³⁸ Gregory R. *The Miners and British Politics 1906-1914*. Oxford, 1968; McKibbin R. *The Evolution of the Labour Party 1910-1924*. Oxford, 1974; Adelman P. *The Decline of the Liberal Party*. L., 1981.

³⁹ Thompson P. *Socialist, Liberals and Labour. The Struggle for London, 1885—1914*. L., 1967; Cook C. *Labour and the Dawnfall of the Liberal Party, 1906-1914 // Crisis and Controversy* / Ed. A. Skeed, C. Cook. L., 1976.

«> McKibbin R. *The Evolution of the Labour Party 1910-1924*. L., 1975; Pugh M. *Electoral Reform in War and Peace 1906—1918*. Routledge, 1978.

*1 James R. J. *The British Revolution. British Politics 1880-1939*. L., 1977. P. 616; Ball A. R. *British Political Parties: the Emergence of a Modern Party System*. L., 1981. P. 80.

*2 James R. J. *Op. cit.* P. 220, 245, 323.

⁴³ Marsh P. *The Discipline of Popular Government: Lord Salisbury's Domestic Statecraft, 1881-1902*. Hassocks: Sussex, 1978.

⁴⁴ *English Historical Review*. 1980. Vol. 95. P. 871.

⁴⁵ Blake R. *Op. cit.* P. 245.

⁴⁶ Ramsden J. *Op. cit.* P. XL

партии, именно она, а не либералы или лейбористы сумела в новейшее время стать чуткой выразительницей британской исключительности, слиться с самим «народным британским духом». Британская же политическая суть, которую воплотила в своей деятельности консервативная партия, определена Блейком следующим образом: «Во все времена среди нас сохраняется вера в то, что Великобритания, особенно же Англия, как правило, стоит на верном пути. Во все времена мы верили в ценность плюрализма, независимых институтов, право собственности и во все времена не доверяли централизованному управлению, эффективности государственного вмешательства (исключая сохранение порядка и национальной безопасности), разного рода утопическим панaceaм и интеллектуалам-доктринерам. . . И во все времена мы проявляли одинаковую готовность к принятию осторожных эмпирических реформ, если консервативное правительство доказывало, что они необходимы»⁴⁷. При подобном понимании общественного прогресса существует возможность доказать, что он воплощался в деятельности консервативной партии даже тогда, когда та противилась каким-либо реальным уступкам в отношении трудящихся масс.

Первым этапом качественного обновления стратегии и тактики консервативной партии, означавшего оформление нового консерватизма, объявляется период между мировыми войнами. На наш взгляд, концепция обретения консерваторами в 1920—1930-е годы свойств социально-реформистской партии исполнена очевидных противоречий. С одной стороны, утверждается, что «консерваторы определенно двигались влево в период между 1919 и 1939 гг.», «предотвратили схватку с профсоюзами в 1920-е годы и продемонстрировали готовность к терпимости и реформам в 1930-е годы»⁴⁸, что они жаждали покончить с безработицей, подчинить интересам общего блага промышленность и финансы, наконец, сократить вооружения и бесповоротно порвали с наследием Солсбери и Бальфура, твердолобых лидеров партии конца XIX—начала XX в.⁴⁹ Но, с другой стороны, не приводится сколь-нибудь убедительных свидетельств (например, законодательных актов, одобренных консерваторами, не говоря уже об их практическом воплощении), которые бы подтверждали вывод о радикальном обновлении характера партии. Даже некоторые консервативные историки признают, что партия не смогла принять никаких действенных мер по борьбе с безработицей, нищетой, а во внешней политике вообще скатилась к реакционному курсу «умиротворения». Но в чем же в таком случае проявился новый консерватизм?

Ответ на этот вопрос заключает в себе еще один парадокс. Действительно, все симпатизирующие консервативной партии

⁴⁷ Blake R. Op. cit. P. 359.

⁴⁸ James B. J. Op. cit. P. 617.

⁴⁹ Middlemas K., Barnes J. Baldwin: a Biography. L., 1969; Ramsden J. Op. cit. P. 42.

дружно провозглашают главной ее особенностью то, что она стоит вне идеологии, но они же, рассматривая процесс обновления консерваторов в межвоенный период, сосредоточивают внимание почти исключительно на риторике партии, ибо в ней, как выясняется, и проявились черты нового консерватизма. Консерваторы, пишет Р. Блейк, стали «по-новому осознавать социальные проблемы, овладевать новым пониманием проблем нищеты и безработицы»⁵⁰. К идеологическому обновлению сводит процесс модификации консерватизма также А. Болл, по замечанию которого партия в межвоенный период еще «не смогла освоить кейнсианскую политэкономия, но стала постепенно отказываться от доктрин нерегулируемого индивидуализма»⁵¹.

Главным же действующим лицом и героем процесса обновления партии, а следовательно, отцом-основателем нового консерватизма провозглашается С. Болдуин, политик, известный рассуждениями о классовом мире. Но и в оценке Болдуина допускаются очевидные противоречия. С одной стороны, утверждается, что отличительной чертой Болдуина был прагматизм и подозрительное отношение к теоретикам типа лорда Кейнса⁵², но с другой стороны, дело представляется так, что он разработал цельную программу нового консерватизма. Каковы же основные черты этой программы?

Согласно Рэмсдену, автору известного современного труда о консервативной партии межвоенного периода, она включала в себя следующие положения: во-первых, Болдуин признал необходимость интеграции лейбористов в партийно-политическую систему Великобритании; во-вторых, потребовал демократизации по примеру лейбористов как программы консервативной партии, так и ее организационной структуры; в-третьих, настаивал на утверждении чистоты моральных основ консерватизма; в-четвертых, добивался формирования партийного руководства не по социальному происхождению и положению претендентов, а по их профессиональным качествам з. Сравнение этой программы с высказываниями самого Болдуина свидетельствует, однако, на наш взгляд, что Рэмсден допустил откровенные натяжки в обобщении философии нового консерватизма, придав ей цельность и законченность, которых не было ни в одной из деклараций консерваторов межвоенного времени.

Концепция об оформлении реформистского нового консерватизма в период между мировыми войнами находится и в явном противоречии с распространенным в британской же исторической литературе положением о том, что в 1945 г. консерваторы потерпели поражение от лейбористов в первую очередь потому, что не могли предложить массам избирателей позитивной со-

⁵⁰ Blake R. Op. cit. P. 245.

⁵¹ Ball A. B. Op. cit. P. 105.

⁵² Ibid. P. 104-105.

⁵³ Bamsden J. Op. cit. P. 182, 189, 207, 351.

циально-экономической программы и были слишком отягощены грузом старого «торийского» консерватизма⁵⁴. И вот, пытаясь снять это новое противоречие в характеристике эволюции консервативной партии в новейшее время, ряд историков, причем даже те из них, которые писали о решительном разрыве партии с торийскими догмами в межвоенный период, утверждают, что партия твердо встала на почву социально-экономического реформаторства только после второй мировой войны. Так, А. Болл, доказывавший, что «прагматический подход Болдуина к консерватизму доминировал в межвоенный период», в той же книге делал вывод, что прагматический подход к социально-экономическим реалиям возобладал в партии к 1951 г. Именно в этом году, доказывая историк, консерваторы, почерпнув полезный опыт из правления лейбористов, «одобрили концепцию государства всеобщего благосостояния, откликнулись на нужды безработных, престарелых и больных»⁵⁵.

Обращаясь к истории консервативной партии в период после второй мировой войны⁵⁶, многие британские авторы обосновывают вывод о том, что в 50—60-е годы между консерваторами и лейбористами установился прочный консенсус в отношении кейнсианской программы государственного социально-экономического регулирования и что консерваторы даже превзошли лейбористов в насаждении на британской почве государства всеобщего благосостояния⁵⁷. В то же время выявились и разногласия в оценке исторических судеб консерватизма. Представители набравших силу в 70—80-е годы «новых правых» Х. Бартон, Р. Бойсон и др.⁵⁸ подвергли критике консервативные правительства 1950-х годов за «предательство» принципов классического торизма, «непроизводительные» социальные расходы, которые, по их убеждению, явились главной причиной инфляции, падения жизненного уровня средних слоев и застоя в британской экономике. От этих авторов досталось и лидеру консерваторов 60-х—начала 70-х годов Э. Хиту, обещавшему в период пребывания в оппозиции возродить истинный «рыночный» торизм, но после прихода к власти в 1970 г. взявшему на вооружение политику государственно-монополистического регулирования экономики и социальных отношений. Новые правые связывают с правлением М. Тэтчер

надежды на возрождение классического рыночного капитализма, демонтаж государства всеобщего благосостояния, превращение консерваторов в партию «патриотизма, закона и порядка».

С точки зрения авторов, поддерживающих социально-реформистскую политику консервативной партии, выдвижение новых правых создает в перспективе опасность не только для консерваторов, но и для всей двухпартийной системы. Как отмечал Ф. Н. Форман, нарушение в 70—80-е годы консенсуса во взаимоотношениях консерваторов и лейбористов, усилившаяся идеологическая поляризация двух партий создают почву для возникновения третьих партий⁵⁹. Сторонники «социально ответственного» консерватизма вместе с тем воздерживаются от негативных и даже острокритических оценок деятельности правительства Тэтчер. Признавая, что Тэтчер в идеологическом отношении является последовательницей новых правых и что ее приход к власти ознаменовался сокращением социальных расходов, ростом безработицы, в целом существенным «пересмотром целей и приоритетов современного консерватизма»⁶⁰, они доказывают, что в деятельности нынешнего консервативного правительства все же преобладает не идеологизированный, а прагматический подход и что оно продолжает укреплять ценности либеральной демократии⁶¹.

В современной британской историографии консерватизма, как видно из вышесказанного, господствующим является апологетическое направление, наделяющее консервативную партию качествами движущей силы общественного развития, способной успешно врачевать социальные антагонизмы, объединять под единой крышей «национального интереса» все классы, слои и группы британского общества. На наш взгляд, было бы неверно огульно отрицать концепции и выводы его представителей. Поступать так значило бы не замечать продемонстрированную консервативной партией на разных этапах истории Великобритании, в частности в викторианскую эпоху и в период после второй мировой войны, способность приспосабливаться к меняющимся социально-политическим и экономическим реалиям, модернизировать свою стратегию и тактику в соответствии с изменениями в расстановке социальных сил, включать в орбиту своего влияния низшие и средние слои. Благодаря этой способности консервативная партия играла важную инициативную роль в упрочении капиталистического строя в Великобритании, гашении кризисных явлений в экономике и социальных отношениях. Но консервативная историография, безусловно, поступает истиной при рассмотрении вопросов о мотивах стратегических модернизаций партии тори и реальных результатах ее практической деятельности.

⁵⁴ См.: *Adelman P.* The Rise of the Labour Party, 1880-1945. L., 1972. P. 82.
⁵⁵ *Ball A. R.* Op. cit. P. 104, 152.

⁵⁶ Здесь мы ограничимся характеристикой основных концепций эволюции консервативной партии в послевоенный период. Подробнее см.: *Горбик В. А., Остапенко Г. С.* Консервативная партия в английской историографии 70-х годов // Проблемы британской истории. М., 1984. С. 191—218.

⁵⁷ *Blake R.* Op. cit. P. 270; *Ball A. B.* Op. cit. P. 152; *Beer S.* Modern British Politics. L., 1969. P. 278-301.

⁵⁸ *Burton H. C.* The Great Betrayal: An Indictment of the Conservative Government's Departure from Conservative Principles, 1951—1963. L., 1963; 1985: An Escape from Orwell's 1984: A Conservative Path to Freedom. L., 1975; *Boyson B.* Centre Forward: A Radical Conservative Programme. L., 1978; *Gilmour J.* Inside Right: A Study of Conservatism. L., 1977.

⁵⁹ *Forman F. N.* Op. cit. P. 55.

⁶⁰ Ibid. P. 74.

⁶¹ *Behrens R.* The Conservative Party from Heath to Thatcher: Policies and Politics, 1974-1979. Westmead, 1980. P. 124-125; *Blake R.* Op. cit. P. 301; *Ball A. R.* Op. cit. P. 208.

Неубедительна попытка представить основополагающий мотив консерваторов как стремление выразить «общенациональный интерес» и по доброй воле провести необходимые для этого социально-политические реформы. Более близок к истине в этом вопросе М. Каулинг, один из немногих среди консервативных авторов, раскрывавших глубоко охранительные мотивы лидера тори в межвоенный период Болдуина, решившегося в 1924 г. признать лейбористскую партию в партийно-политической системе Великобритании⁸². Правда, Каулинг явно переоценивает стратегические способности Болдуина, приписывая ему решающую роль в перегруппировке сил в партийно-политической системе и замене либералов в качестве одного из двух главных участников двухпартийной системы на лейбористов. Но консервативные политические расчеты Болдуина определены им верно.

Необоснованной выглядит и повторяемая во многих работах мысль о консервативной партии как о создательнице государства всеобщего благосостояния в Великобритании. И дело здесь не только в уязвимости концепции утверждения в Великобритании в новейшее время государства всеобщего благосостояния. Важно и другое: в проведении социально-экономических реформ консервативная партия не опережала и даже не шла «на равных» с лейбористами, а отставала от них, обращаясь при любом удобном случае к политике «контрреформации» и восстановлению позиций свободного рынка.

* * *

Если в современной историографии консервативной партии почти безраздельно властвует апологетическое направление, то в историографии лейбористской партии преобладают критики «справа» и «слева»: в первом случае это авторы консервативного толка, во втором — представители социально-критического направления от левых лейбористов до левых радикалов. Между этими двумя группами критиков расположились умеренно-консервативные и право-лейбористские авторы, которые при всех различиях между ними дают в целом позитивную оценку исторической эволюции лейбористов и ее роли в партийно-политической системе Великобритании.

Критики «справа» объявляют лейбористов идеологизированной и классовой партией, нацеленной на перераспределение «богатства и власти в пользу рабочего класса»⁸³. Доказательство пролетарского характера партии они видят в тесной ее связи с профсоюзами. На современном этапе в качестве наиболее яркого примера такой связи приводится социальный контракт лейбористов и профсоюзов 1974 г. Отметим, что этот социальный контракт носил прагматический характер, по своему содержанию и целям не выходил за рамки либерально-реформистской концепции госу-

⁸² *Cawling M.* The Impact of Labour 1920—1924; The Beginnings of Modern British Politics. Cambridge, 1971.

⁸³ *Forman F. N.* Op. cit. P. 53.

дарства всеобщего благосостояния: тред-юнионы обязывались в случае прихода лейбористов к власти проявлять сдержанность в требованиях повышения заработной платы, а лейбористы в ответ обещали отменить антипрофсоюзные меры консерваторов, усилить контроль над рыночными ценами, расширить социальные расходы и укрепить национализированный сектор экономики. Но в глазах правоконсервативных авторов социальный контракт 1974 г. приобрел масштаб классового заговора, вынудившего консерваторов к жестким ответным мерам и расшатавшего двухпартийную систему.

Ряд идеологов консерватизма выражают недовольство даже правым крылом лейбористской партии, считая, что оно не может оценить по достоинству возможности частного предпринимательства; один из них, лорд Хейлшэм, обосновывал целесообразность замены лейбористов в двухпартийной системе другой партией, не «привязанной» к профсоюзам и социалистическим идеалам⁶⁴. Некоторые консервативные авторы уверены, что социалистические идеалы лейбористов, под которыми понимаются требования национализации и расширения социальных расходов, разобьются в конечном итоге о саму жизнь и что в интересах самосохранения лейбористы должны будут присягнуть принципам рыночного капитализма.

Современная правоконсервативная интерпретация исторических судеб лейборизма получила характерное воплощение в монографии М. Холмса, посвященной последнему из послевоенных лейбористских правительств⁶⁶. Холмс считает истинным водоразделом в эволюции лейборизма не 1974 г., когда партия одержала победу на парламентских выборах, опираясь на социальный контракт с профсоюзами, а 1977 г., когда Г. Вильсона в качестве лидера партии и главы правительства сменил Каллагэн, не только отказавшийся от обязательств перед профсоюзами, но и свернувший либерально-реформистские мероприятия кейнсианского толка. Консервативный историк выставляет высокие баллы Каллагэну за то, что тот практически одобрил принципы монетаризма, т. е. экономическую платформу неоконсерватизма, и проложил дорогу тэтчеризму. Одновременно Холмс подвергает критике и даже осмеянию критиков Каллагэна из числа левых лейбористов, которые, по его утверждению, питаются романтическими иллюзиями относительно классового самосознания рабочих и современных экономических реалий Великобритании. Холмс убежден, что научно-техническая революция привела к обуржуазиванию рабочего класса, а это, по его убеждению, повлечет за собой обуржуазивание и целей лейбористской партии, которая, согласно

(w *Hallsham L.* The Dilemma of Democracy: Diagnosis and Prescriptions. L., 1978. P. 20, 47.

Holmes M. The Labour Government, 1974-1979: Political Aims and Economic Reality. L., 1985.

ее *Ibid.* P. 167, 181-192.

его рецептам, должна стремиться к консенсусу с правым консерватизмом^{fi7}.

Умеренно-консервативные и либерально-реформистские авторы в отличие от правых консерваторов рассматривают лейбористскую партию как неотъемлемую часть двухпартийной системы и полезного партнера консерваторов, подчеркивая, что у консерваторов и лейбористов имеется ряд фундаментальных общих черт. К чертам, сближающим лейбористов с консерваторами, относят широкий коалиционный характер партии и ее прагматизм, умение пожертвовать идеологическими стереотипами ради успехов на выборах. Среди либерально-реформистских историков распространена и та точка зрения, что социалистическое движение не имело никакого отношения к возникновению лейбористской партии, что ее рождение отразило отнюдь не сдвиг рабочего класса влево, к социализму, а только его желание иметь собственное политическое представительство⁶. Интерпретируя подобным образом раннюю историю лейбористской партии, либерально-реформистские авторы доказывают, что социализм вообще не является идеологией пролетариата, что он не более чем форма утопического сознания интеллигенции, а что же касается пролетариата и лейбористов, то им предопределено развиваться на платформе тред-юнионистского мировоззрения. Именно приверженность тред-юнионистским принципам, доказывал Р. Мак Киббин, позволила лейбористам добиться большого влияния в среде рабочих уже в начальный период своей деятельности.

И все же либерально-реформистские историки не могут отрицать того, что в истории лейбористской партии были и периоды сдвига влево, как это имело место, например, в годы, последовавшие после окончания первой мировой войны. Как же оцениваются эти периоды? С точки зрения Д. Робертса, типичной для либерально-реформистских историков, лейбористская программа 1918 г., включавшая в себя требование обобществления средств производства, так же как и программа 1928 г., была опутана идеологическими догмами, делавшими партию нежизнеспособной в условиях Великобритании. Днем освобождения лейбористов от диктата идеологических догм он объявляет 24 августа 1931 г., когда Р. Макдональд пошел на образование коалиционного правительства с консерваторами и либералами. Поступок Макдональда, воспринятый в 1931 г. лейбористами как «великое предательство» (напомним, что он был исключен из партии), в глазах Робертса выглядит как героический акт, свидетельствующий, что лидер лейбористов сумел наконец-то возвысить национальные цели над узкоклассовыми и партийными интересамиTM. По заключению другого либе-

рально-реформистского автора — Д. Стила, лейбористы окончательно выработали способность руководить страной, действуя строго в рамках английской конституционной системы и укрепляя ее, в период после второй мировой войны и именно тогда они стали интегрированной и полезной частью двухпартийной системы⁷¹.

Еще один либерально-реформистский историк — А. Тейлор считает важнейшим и плодотворным фактором в развитии лейбористской партии ревизионизм, который, как он доказывает, позволяя проводить фабианские принципы, лежавшие в основе мировоззренческого кредо партии, в соответствие с запросами избирателей. В отличие от Мак Киббина Тейлор считает, что лейбористы всегда ориентировались на принципы градуалистского социализма и что чуждым лейборизму и пролетариату Великобритании во все времена был только марксизм⁷². М. Хатфилд, высказывая, подобно Тейлору, благожелательное отношение к принципам градуалистского социализма, доказывает вместе с тем, что в условиях Великобритании они не имеют шансов получить практическое воплощение. Доказательство этому он видит в крушении упоминавшегося выше социального контракта лейбористов и профсоюзов в период пребывания лейбористов у власти (1974—1979)⁷³.

Для ряда авторов либерально-реформистского толка характерно стремление раскрыть отличие лейбористов от консерваторов: эти авторы исходят из того, что для британской двухпартийной системы описаны как чрезмерная идеологическая поляризация, так и абсолютный консенсус, приводящий к тому, что избиратели перестают видеть различия между двумя главными партиями и начинают обращать свои взоры к их противникам справа или слева. И если консерваторы доказывают, что прочную основу для функционирования двухпартийной системы создает именно консенсус, то либерально-реформистские авторы считают не менее важным условием ее самосохранения наличие осязаемой альтернативы в платформах консерваторов и лейбористов.

К данной группе авторов, кроме А. Тейлора и М. Хатфилда, можно отнести также Х. Дракера. Дракер подверг критике как леволейбористских историков, доказывающих, что на протяжении XX в. лейбористы все более и более интегрировались в британскую партийно-политическую систему, так и праволейбористских авторов, сокрушающихся по поводу сохраняющегося в идеологии партии «социалистического наследия». Проследивая историческую эволюцию лейбористской партии, Дракер приходит к заключению, что сохранение в платформе партии социалистических обещаний обеспечивало ей поддержку значительной части рабочего класса и средних слоев и не позволяло консерваторам поглотить платформу лейбористов и их самих⁷⁴. В то же время Дракер закрепляет

⁶ Ibid. P. 35, 168, 174.

^в Ball A. B. Op. cit. P. 243-256; James R. J. Op. cit. P. 617.

⁹ Adelman P. Op. cit. P. 85-86; McKibbin R. Op. cit. P. 50-74.

TM Roberts D. Labour in Office: 1924, 1929-1931 // The Labour Party: An Introduction to its History, Structure and Politics / FA. C. Cook, J. Taylor. L.; N. Y., 1980. P. 106-127.

⁷¹ Steel D. Labour in Office: The Post-War Experience // The Labour Party. P. 147.

⁷² Taylor I. Ideology and Policy // The Labour Party. P. 15.

TM Hatfield M. The House the Left Built: Inside Labour Policy Making 1970-1975. L., 1978. P. 228.

TM Drucker H. M. Doctrine and Ethos in the Labor Party. L., 1979. P. 38.

за «социалистическим наследием» функционально идеологическое значение: оно должно питать социально-психологические запросы тех англичан, которые недовольны фундаментальными основами британского общества, но не должно обременять лейбористов в период их пребывания у власти.

В литературе, посвященной истории лейбористской партии, весомое место по традиции принадлежит леволейбористскому направлению. В период после второй мировой войны его наиболее известным представителем был Р. Милибэнд, в работах которого лейбористы предстают как партия, беспринципно присягнувшая идеалу парламентского социализма и беспрестанно предающая в погоне за депутатскими местами классовые интересы пролетариата⁷⁵. Современные леволейбористские авторы внесли в интерпретацию Милибэнда определенные модификации. При этом говорить о единой леволейбористской концепции истории лейборизма сегодня затруднительно, скорее можно засвидетельствовать несколько точек зрения, характерных для левых критиков исторического опыта лейборизма.

Одна из них принадлежит Д. Хауэллу. Сам Хауэлл определил свою интерпретацию как историю «развития и упадка британской социал-демократии»⁷⁶. Согласно ей, лейбористская партия, родившаяся как партия политического представительства профсоюзов, обрела подлинное социал-демократическое кредо только в 1930—1940-е годы. Именно это социал-демократическое кредо, включавшее в себя не только абстрактные теоретические постулаты, но и практические рекомендации, привело, по Хауэллу, партию к власти в 1945 г. В период пребывания у власти в 1945—1951 гг., доказывает он, партия воплотила в жизнь все свои практические программы, что поставило перед ней задачу дальнейшей конкретизации социал-демократической доктрины⁷⁷. Но лейбористы не смогли развить ее, превратившись в прагматическую партию политических менеджеров капитализма.

Как видим, в отличие от либерально-реформистских авторов Хауэлл считает подлинным достижением в истории лейбористской партии выработку социал-демократического кредо, а не отказ от него. Также в отличие от них Хауэлл выставляет лейбористской партии высший балл за политическую деятельность в 1940-е годы и низший за период 50—70-х годов. Анализ Хауэллом современного лейборизма включает много точных и глубоких наблюдений, но его критика лейбористской партии за неспособность развить «социал-демократические достижения» 1945—1951 гг. уязвима по той причине, что превозносимые им «социалистические меры» правительства Эттли не выходили за рамки левого кейнсианства и служили облагораживанию капитализма, но не подрыву его устоев.

Известный исследователь Д. Коутс в отличие от Хауэлла полагает, что на современном этапе лейбористам была присуща по-

пытка развить социал-демократическое кредо, но это кредо опиралось на несостоятельную теоретическую основу. Выражение такого кредо он видит в социальном контракте лейбористов и профсоюзов 1974 г., в котором было заключено обещание ввести всесторонний демократический контроль в промышленности, утвердить и расширить участие рабочих в управлении производством. Но ни это, ни другие, менее радикальные, предложения не были осуществлены в течение пяти лет пребывания лейбористов у власти. Причину провала лейбористской программы Коутс усматривал в неспособности идеологов партии соотнести социально-экономические проблемы Великобритании с общими закономерностями и кризисными явлениями в мировом капиталистическом хозяйстве⁷⁸.

Концепция Коутса, заключающаяся в том, что социально-экономические и политические проблемы британского капитализма должны рассматриваться и тем более решаться с социал-демократических позиций только на основе рассмотрения их в системе современного мирового капитализма, включает в себе очевидное рациональное зерно. Однако сам исследователь также не смог предложить сколь-либо удовлетворительного социально-критического анализа мировой системы капитализма. Кроме того, его предположение о наличии у лейбористской партии субъективного желания переходить от левокейнсианских программ к социалистическим мерам зиждется на крайне зыбкой основе — принятии за чистую монету предвыборных обещаний лейбористов 1974 г.⁷⁹

Еще одна критическая концепция истории лейбористской партии выдвинута Л. Паничем⁸⁰. Она содержит прямую полемику с Хауэллом, Коутсом и другими критиками лейборизма, анализировавшими причины неудач лейбористской партии в расшатывании капитализма. По Паничу, сущность лейбористской партии и подлинный смысл ее деятельности на всех исторических этапах заключались отнюдь не в замене капитализма системой демократического социализма, а в интеграции рабочего класса в капиталистическое общество. Интеграционная функция лейбористов, по его аргументации, выступила во весь рост в период после второй мировой войны, когда резко усилилось государственно-монополистическое регулирование, апологетом которого лейбористская партия выступала уже на протяжении многих лет. Если судить о деятельности лейбористов с точки зрения выполнения ими интеграционной функции, то тогда, доказывает Панич, напрашивается вывод об их политическом успехе в обеспечении классового партнерства.

Панич вообще не видит в лейбористской партии сил, способных бороться за социал-демократические принципы. По его убежде-

⁷⁸ Coates D. Labour in Power? A Study of the Labour Government, 1974—1979. L.; N. Y., 1980. P. 17, 52.

⁷⁹ Ibid. P. 17, 131.

⁸⁰ Panitch L. Social Democracy and Industrial Militancy: The Labour Party, the Trade Unions and Incomes Policy, 1945-1976. Cambridge, 1976; *Idem*. Working-Class Politics in Crisis: Essays in Labour and the State. L., 1986.

⁷⁵ Miliband R. Parliamentary Socialism. L., 1961.

⁷⁶ Howell D. British Social Democracy: A Study in Development and Decay. L., 1976.

⁷⁷ Ibid. P. 176-177.

нию, антикапиталистические помыслы чужды не только правым, но и левым лейбористам. Возможность возрождения социалистической тенденции в рабочем движении он связывает с радикализацией британских профсоюзов, поворот которых влево только и может привести к рождению подлинно социалистической партии пролетариата. Как видим, на концепции Панича лежит отчетливая печать леворадикального мировоззрения.

Исследования британских историков, посвященные лейбористской партии, так же как и труды по истории консервативной и либеральной партий, свидетельствуют, что историография британской партийно-политической системы принадлежит к одному из самых политизированных направлений исторической науки в Великобритании. Политические позиции и симпатии историков партий и партийно-политической системы проявляются очень полно, а спектр историографических размежеваний отражает изменения в расстановке и взаимоотношениях социальных сил на политической арене страны. Рост влияния консерватизма на современном этапе и оформление неоконсерватизма нашли отражение в усилении позиций консервативного направления в историографии всех, в том числе и ранних, периодов британской партийно-политической системы. Из трех крупных партий, действовавших на разных этапах британской истории, — консервативная, либеральная, лейбористская — наибольшего внимания и наибольшего числа позитивных оценок со стороны современной британской историографии удостоиваются консерваторы. Критические интерпретации — от правоконсервативных до леворадикальных — оказываются по преимуществу уделом исследований о политических «неудачницах» — либеральной и лейбористской партиях.

Глава 7

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX—XX ВЕКАХ

В британской исторической науке историография истории внешней политики традиционно остается отраслью политической и конституционной истории. В настоящее время она не представляет собой монолитного целого, подразделяясь на: 1) собственно внешнеполитическую (межгосударственную) историю, которая изучается преимущественно в русле дипломатической истории и охватывает взаимоотношения Великобритании с европейскими странами, США, Японией; 2) военную и стратегическую историю, включающую сюжеты военного, военно-морского, ядерного и прочих видов соперничества с другими странами и историю локальных и мировых войн с участием Великобритании; 3) имперскую историю и историю отношений Великобритании со странами Содружества наций, в которой исследуются проблемы британской колониальной политики и деколонизации; 4) политическую биографию.

До середины 60-х годов XX в. историография истории Британской империи и Содружества развивалась достаточно обособленно от внешнеполитической дипломатической и военной истории. Утрата Великобританией в послевоенные годы положения лидера в капиталистическом мире, распад ее некогда могущественной колониальной империи, трансформация взаимоотношений Британии со странами Содружества, сложности, связанные с ее участием в процессах западноевропейской интеграции, — эти и другие тенденции в жизни британского государства способствовали расширению предмета истории внешней политики и изменению соотношения его составных частей. Мучительная ломка традиционных англоцентристских представлений о мире, рождение и укрепление европеистского мышления, переосмысление общественной мыслью взаимоотношений с США, со странами Британского Содружества и бывшими колониями, рост проблем ядерной политики и сосуществования с СССР и странами Восточной Европы побуждали британских политологов и историков к серьезному пересмотру и укрупнению самого предмета *внешняя политика* применительно к истории Великобритании, к принципиальному обновлению методологического инструментария его изучения и внесению корректив в содержание существующих исторических концепций. В 70—80-е годы в историографии произошло постепенное сближение внешнеполитической дипломатической истории Великобритании с историей международных отношений. Это способствовало дисциплинарному обогащению истории внешней политики за счет включения в нее проблем истории британского империализма, упадка мирового могущества Великобритании, исторического опыта создания и деятельности Британского Содружества наций и т. п. Значительно упрочились связи дипломатической истории с военной историей. Расширение объема внешнеполитической истории нашло институциональное выражение в открытии многочисленных отделений и кафедр истории международных отношений в британских университетах. Тем не менее в современном лексиконе историков, занимающихся внешнеполитической проблематикой, понятие *внешняя политика Великобритании* продолжает употребляться и в узком традиционном значении, и в широком — как своеобразный аналог понятия *Великобритания в системе международных отношений*. В данном случае язык исследователей во многом определяется их принадлежностью к традиционной или к новой историографии⁴.

Огромное воздействие на развитие историографии внешней политики Великобритании оказывают процессы, протекающие внутри исторической науки. Это выражается в модификации «старой» политической истории, насыщении апробированных подструктур внешнеполитической истории новым содержанием с помощью передовых методик и технических приемов. На направле-

⁴ См. об этом: *Watt. D. Succeeding John Bull: America in Britain's Place, 1900 - 1975. Cambridge, 1984. Introduction: The Nature of International History. P. 1.*

ние историографии внешней политики влияет развитие «новой политической истории», претендующей на аккумуляцию экономической, социальной, интеллектуальной истории и активно использующей междисциплинарные подходы (на стыке с социологией, социальной психологией, исторической антропологией, исторической демографией и пр.). Как «старая», так и «новая» историография внешней политики (хотя и в разной степени) испытывают на себе воздействие современной политологии. Методы, подходы и процедуры, применяемые в настоящее время в мировой политической науке (особенно в изучении международных отношений), — системный, социополитический, социально-психологический подходы, компаративный и количественный методы, моделирование внешнеполитических процессов² — берутся на вооружение историками, исследующими проблематику внешнеполитической истории Великобритании.

В итоге внедрение в 70—80-е годы гуманитарной междисциплинарное™ в историографию внешней политики заметно изменило облик этой субдисциплины. Прежде она представляла собой насыщенный историческими фактами политический нарратив — последовательное описание событий внешнеполитической истории британского государства и деяний его наиболее видных политиков, дипломатов, полководцев и т. д. В настоящее время историография внешней политики стала более аналитичной. Тем не менее из всех структурных частей, составляющих современную британскую историческую науку, она больше других сохраняет в себе качества традиционной историографии. Этому в известной степени содействует осторожное отношение «новых» экономических и социальных историков к разработке проблем, пограничных с историей внешней политики. Зачастую эти ученые рассматривают ее как разновидность элитарной истории. Наличие черт традиционализма даже в работах авторов, казалось бы порывающих со «старой» наукой, объясняется определенной устойчивостью теоретических посылок и построений, характерных для британской историографии внешней политики в целом. Индуктивный и индивидуализирующий методы познания истории прочно закрепились в этой отрасли исторической науки Великобритании. Во многом это связано со спецификой понимания историками самого предмета исследования — с укоренившимся представлением о британской внешней политике как эмпирической, обусловленной практическими интересами деятельности людей, принимающих те или иные политические решения, как области истории (и по сей день остающейся для многих наиболее священной частью национальной истории), населенной яркими личностями с присущими им индивидуальными особенностями характера, психики, поведения. Сохранение подобного представления среди историков побуждает их настороженно относиться к использованию общесоциологических теорий при исследовании про-

² Подробнее см.: *New Directions in the Study of Foreign Policy* / Ed. Ch. Hermann et al. Boston, 1987. P. 1-30.

блем внешнеполитической истории и формировании исторических концепций. Большинство «новых» историков предпочитают ограничиваться заимствованием частных методов общественных наук и их языка (понятийно-терминологического аппарата)³.

Связь с историографической традицией просматривается и в том, что приоритетные позиции в разработке узловых вопросов истории британской внешней политики по-прежнему принадлежат представителям консервативного и умеренно-либерального направлений. Отчасти это обусловливается тем неизменным интересом, который с начала XX в. проявляет британское государство к научным исследованиям в области внешнеполитической истории, и постоянным государственным заказом на написание официозных исторических трудов по дипломатической и военной истории. В то время как консервативные и умеренно-либеральные историки, продолжая традиции своих предшественников, охотно разрабатывают внешнеполитическую тематику, создавая новые варианты апологетической истории, представители леволиберального и радикально-демократического направлений отдают безусловное предпочтение критическому исследованию внутривнутренних — экономических, социальных, культурных — аспектов британской истории. В результате в современной историографии внешней политики Великобритании, несмотря на интенсивность ведущихся исследований и появление множества работ, содержащих пересмотр традиционной вигской концепции внешнеполитической истории британского государства, при всем многообразии подходов к прошлому преобладает известная концептуальная общность.

С середины 60-х годов в британской исторической науке произошли качественные сдвиги в интерпретации процессов внешнеполитической истории Великобритании. Рассмотрение главных, магистральных направлений, по которым в 70—80-е годы шла научная разработка проблем истории внешней политики, позволяет глубже понять сущность этих перемен. В новейшей историографии история британской внешней политики предстает в виде целостной картины, концептуально обусловленной особенностями положения Великобритании в современной системе международных отношений. Основное внимание уделяется изучению истории выдвижения страны в разряд великих держав в конце XVIII — первой половине XIX в. и формирования принципов ее европейской политики, поискам причин постепенной утраты монопольной позиции британского государства в капиталистическом мире в конце XIX — первой половине XX в., а также объяснению новой внешнеполитической реальности для Великобритании в результате изменения расстановки сил после второй мировой войны. Наиболее актуальным в политической историографии последних лет стало исследование соотношения имперских ценностей Великобритании с ее европейскими интересами в новое и новейшее время.

История британской внешней политики XVII—XVIII вв. принадлежит к числу традиционных тем в историографии. Ее изучение Watt D. Op. cit. P. 1-4.

ние сосредоточивается главным образом на внешнеполитической деятельности Стюартов и Кромвеля, становлении британского государства в формирующейся системе международных отношений начала нового времени (взаимоотношения Великобритании с европейскими континентальными странами, ее политика по созданию колониальной империи) ⁴ В работах историков по этой тематике доминируют нарративность и назидательность. Внешняя политика изображается в виде политической истории династий и личностей. Вместе с тем в ряде исследований (Дж. Джонс, И. Кристи и др.) заметны попытки выйти за рамки привычного идиографизма, ввести элементы анализа, объяснения мотивов принятия внешнеполитических решений, а также стремление увязать тенденции развития внешней политики британского государства с особенностями его экономического и социально-политического развития в XVII—XVIII вв. (в том числе с борьбой различных группировок в высших эшелонах власти и противоречивостью их интересов) ⁵.

Британская внешняя политика начала нового времени интерпретируется в работах 60—80-х годов как политика, обусловленная потребностями молодого капиталистического государства, и в первую очередь его «коммерческими интересами», задачей обеспечения «национальной безопасности». В итоге соперничество Британии с Нидерландами, Скандинавскими странами и в особенности с Францией представляется необходимостью и даже средством самозащиты ⁶. Теми же прагматическими (экономическими, технологическими, оборонительными) причинами объясняется и активизация британской колониальной экспансии во второй половине XVII—XVIII в. ⁷

Апологетическая трактовка внешнеполитического курса британских правительственных кабинетов явно преобладает и в работах, посвященных вопросам истории Великобритании конца XVIII—первой половины XIX в. Среди основных проблем, рассматриваемых в контексте дипломатической и имперской истории, — взаимоотношения с революционной и наполеоновской Францией и создание при деятельном участии Великобритании европейской «концертной» системы, а также начало преобразования «старой» колониальной империи в «новую» в связи с Американской революцией и промышленным переворотом в Великобритании ⁸. Эти же сюжеты затрагиваются в многочисленных трудах

по военной и морской истории ⁹ и в политических биографиях общественных и политических деятелей и военачальников той эпохи (Питт Младший, Пальмерстон, Каннинг, адмирал Нельсон и др.) ¹⁰. Особенностью подхода современной британской историографии к проблематике и сюжетам обозначенного выше периода является то, что они изучаются, как правило, в русле концепции «национальной непрерывной истории», которая стала утверждаться в исторической науке Великобритании в 70—80-е годы по мере активизации консервативного направления и творческой переработки его представителями некоторых положений ранее отвергнутой витско-либеральной интерпретации отечественной истории (идеи неповторимости политического и конституционного опыта страны, величия ее дипломатических и имперских традиций и пр.). В трактовке проблем внешнеполитической истории Великобритании конца XVIII—первой половины XIX в. есть определенные расхождения во взглядах консервативных и либеральных историков (в оценках роли отдельных личностей, социальных групп и институтов, в выработке политических решений, в понимании приоритетов национальной внешней политики и т. п.), тем не менее их объединяет главное — общность в объяснении целей и задач британской дипломатии в осуществлении отношений с другими странами, и прежде всего с государствами континентальной Европы. Характерным тезисом консервативной и умеренно-либеральной историографии служит положение об эмпиризме британского внешнеполитического курса в период оформления «концертной» системы, обусловленного оборонительными мотивами и стремлением к выживанию в условиях ослабления Британской империи (отторжения от нее США) и роста гегемонистских притязаний Франции в Европе. Рождение и закрепление во внешнеполитической практике Великобритании основополагающей доктрины «баланса сил» рассматривается как важнейшее интеллектуальное завоевание британской политической истории нового времени ¹¹.

Большинство авторов либерального направления (Д. Хорн, К. Борн, М. Чемберлен и др.) исследуют внешнеполитическую историю Великобритании с позиции европеизма. Исходной посылкой для них служит тезис о том, что британское государство отнюдь не стремилось к величию и мировому первенству; все это

⁴ Howat G. Stuart and Cromwellian Foreign Policy. N. Y., 1974; *Korr Ch.* Cromwell and the New Model Foreign Policy: -England's Policy Towards France, 1649—1658. Berkeley, 1975; *Langford P.* The Eighteenth Century, 1688—1815. L., 1976; *Jones J.* Britain and the World, 1649—1815. Sussex, 1980; *Cristie I.* Wars and Revolutions: Britain 1760-1815. Cambridge (Mass.), 1982.

⁵ *Jones J.* Op. cit. P. 7-12, 116; *Christie I.* Op. cit. P. 1-2, 158. См.: *Horn D.* Great Britain and Europe in the Eighteenth century. Oxford, 1967. P. 377-380.

⁷ *Fieldhouse D.* The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. L., 1966; *Gordon D.* The Moment of Power: Britain's Imperial Epoch, N. Y., 1970.

⁸ *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830-1902. Oxford, 1970; *Howard C.* Britain and the «Casus Belli», 1822-1902. L., 1974; *Chamberlain*

M. E. British Foreign Policy in the Age of Palmerston. L., 1980; *Christie I.* Op. cit.; *Conacher J.* Britain and the Crimea, 1855—1856: Problems of War and Peace. L., 1987.

⁹ *Marcus G.* Heart of Oak: a survey of British Seapower in the Georgian Era. L., 1975; *Chandler D.* The Art of Warfare in the Age of Marlborough. L., 1976; *Parkinson C.* Britannia Rules: The Classical Age of Naval History, 1773-1815. L., 1977; *Lawford J.* Britain's Army in India from its origins to the conquest of Bengal. L., 1978.

¹⁰ *Ridley J.* Lord Palmerston. L., 1970; *Derry J.* Castlereagh. L., 1976; *Lloyd Ch.* Nelson and Sea Power. L., 1973; *Walder D.* Nelson. L., 1978.

¹¹ См.: *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830—1902. Oxford, 1970. P. 3-10; *Chamberlain M. E.* Op. cit. P. 2-5; *Cristie I.* Op. cit. P. 215-230, 259...269; *Howard C.* Op. cit. P. 25—32.

пришло естественным путем — благодаря географическим особенностям страны (островному положению, нехватке природных ресурсов и необходимости развивать флот), высоким темпам индустриализации, раннему (по сравнению с другими странами) утверждению демократических политико-конституционных принципов. Внешняя и внутренняя политика британского государства, таким образом, обуславливали друг друга и тесно переплетались. Национальная безопасность и торговые интересы в Европе и в заморских территориях были основными мотивами в выработке долгосрочного внешнеполитического курса, которого придерживались британские кабинеты независимо от их партийной ориентации¹². «Британский мир» основывался на способности Великобритании извлекать прибыль, на торговом и промышленном могуществе, морском превосходстве. Основным двигателем внешней политики в первой половине XIX в. и символом веры для британских государственных деятелей, принимавших ответственные решения, как полагают К. Борн, М. Чемберлен, Д. Платт, стала доктрина фритреда. Реализация этой доктрины в международных отношениях содействовала созданию Британской империи¹³.

Либеральные историки (К. Холбрад, Дж. Коначер и др.) последовательно проводят мысль о том, что Великобританию вполне устраивала идея «европейского концерта» и равенства положения с такими державами, как Франция, Австрия, Россия и Пруссия, во имя сохранения мира и безопасности на континенте. Британские политические деятели пришли к осуществлению этой идеи эмпирическим путем в процессе наполеоновских войн, придерживаясь конкретной цели не допустить развития французской агрессии, подрывавшей европейскую стабильность. Сложившаяся на Венском конгрессе «концертная» система международных отношений неуклонно соблюдалась британским правительством, хотя представляла собой инструмент сохранения консервативного статус-кво. Этой практической цели служили временные союзы с различными европейскими странами (Испанией, Бельгией, Португалией и др.). Той же задачей руководствовалась Великобритания, вступая в Крымскую войну («устранить русскую гегемонию в Черном море») и занимаясь разрешением Восточного вопроса¹⁴.

В работах современных консервативных историков (Дж. Джонс, И. Кристи) приводится сходное объяснение причин возвышения Великобритании в XVIII—первой половине XIX в. Тем не менее в отличие от либеральных авторов историки консервативного направления придерживаются версии об изначально существовавшем первенстве Великобритании среди европейских стран, которое давало ей основание выступать организатором и га-

рантом мира в Европе. Британия сознательно стремилась стать первой державой мира. Это был шанс обезопасить себя от угрозы вторжения с континента, выжить в трудной, продолжительной борьбе с многочисленными соперниками. Определяющим в аргументации консервативных историков служит широко используемое в современной историографии понятие *национальный интерес*, под которым в данном случае подразумевается совокупность личных и групповых интересов (монарха, аристократии, торговых и промышленных кругов), положенных британским правительством в основу внешнеполитического курса. Дж. Джонс, в частности, отмечает, что уже с конца XVII в. достижение колониального превосходства (и даже монополии) рассматривалось Британией как практическая цель и необходимость, для того чтобы надолго сохранить статус великой европейской державы. Начало превращения Великобритании в великую державу автор относит к периоду правления Вильгельма Оранского и противостояния Франции Людовика XIV и якобитам, а завершение этого процесса — к окончанию наполеоновских войн, когда британское государство стало супердержавой и его мощь могла оспаривать только Россия¹⁵.

Восхваление искусства и энергии британского правительства (в особенности деятельности У. Питта Младшего), добившегося национального возрождения страны после сокрушительного удара, нанесенного Великобритании рождением независимых Соединенных Штатов, содержится и в работе И. Кристи. Прагматическая внешняя политика, по мнению автора, позволила британскому государству предотвратить его сползание к категории малой страны и противостоять развитию «французских амбиций» на континенте в конце XVIII—начале XIX в. «Реалистическая политика» британского правительства, направленная на восстановление мира в Европе, создание всеобщих территориальных гарантий границ и владений и в конечном счете на поддержание «баланса сил», была позднее, на Венском конгрессе, закреплена в решениях Четверного союза, утвердившего по предложению Великобритании принципы международной безопасности в Европе¹⁶. Итак, «первая среди равных» (в интерпретации либеральной историографии), или «супердержава» (по терминологии консервативных историков), Великобритания выработала основополагающие принципы своей внешней политики к началу XIX в. и в течение многих десятилетий неукоснительно следовала им. На этих принципах, по убеждению немарксистских историков, долгое время строился и европейский мир, и «британский мир» в метрополии и империи.

Разнообразной по проблематике и подходам выглядит историография внешней политики Великобритании второй половины XIX—начала XX в. Огромный массив образует научная литература по проблемам британского империализма, колониальной эк-

¹² Horn D. Op. cit. P. 378-381; Boïme K. Op. cit. P. 3 — 5; Chamberlain Nl. E. Op. cit. P. 8.

¹³ Piatt D. Finance, Trade and Politics in British Foreign Policy, 1815—1914. Oxford, 1968; Bourne K. Op. cit.; Chamberlain M. E. Op. cit.

¹⁴ Holbraad C. The Concert of Europe: a study in German and British International Theory, 1815-1914. L.: 1970; Conacher J. Britain and the Crimea, 1855-1856. L., 1987.

¹⁵ Jones J. Op. cit. P. 8-14.

¹⁶ Christie I. Op. cit. P. 158, 215, 230, 269, 325-326.

спансии в конце XIX—начале XX в., организации административного управления колониями и доминионами и взаимоотношений британской метрополии с различными странами, входившими в состав империи. Рост научного интереса к этому периоду британской истории и попытки нового его объяснения в большой степени обуславливаются социально-политическими факторами. Практически всю историю эпохи, составлявшей гордость традиционной британской исторической науки первой половины XX в., историки переписывают, исходя из современного изменившегося положения Великобритании в мире. При этом апологетическая трактовка национальной истории существенно корректируется.

Это прежде всего касается понимания самой сущности британского империализма и его истоков, выделения определенных этапов в его историческом развитии и приоритетов во внешней политике Великобритании конца XIX—начала XX в., и в частности решения дилеммы «Европа—империя». В историографии 70—80-х годов решительному пересмотру подверглась господствовавшая в первой половине XX в. трактовка империализма. Прежде империализм понимался в основном как торговая и территориальная экспансия передовых государств, ведущая к созданию и расширению колониальных империй. В традиционной историографии процесс складывания и развития Британской империи условно подразделялся на несколько периодов: 1) «первая» империя, которая основывалась на завоевании и колониальном управлении и прекратила свое существование в результате Американской революции; 2) «вторая» империя, державшаяся больше на свободной торговой экспансии в колониях, нежели на прямом административном управлении ими; 3) «новый империализм» последней трети XIX—начала XX в., который выражал себя главным образом в территориальной экспансии, вызванной избытком капиталов. Опираясь на ревизию понятия *империализм*, которая была совершена британскими консервативными историками Р. Робинсоном и Д. Галлахером в 50-е—начале 60-х годов, ученые второй половины XX в. отказались от старой трактовки. В работах 70—80-х годов (Д. Филдхауз, Р. Хайем, Дж. Мартин, К. Уилсон и многие другие) оспаривается правомерность употребления самого понятия *империализм*. Обсуждение общих вопросов истории британской имперской политики всецело связывается с разрешением проблемы постепенного упадка мирового могущества Великобритании и необходимостью переориентации британского государства на страны континентальной Европы».

⁷ Fieldhouse D. Economics and Empire, 1830—1914. L., 1973; Porter B. A Short History of British Imperialism, 1850—1970. L., 1975; Gillard D. The Struggle for Asia, 1828—1914: a Study in British and Russian Imperialism. Methuen, 1977; Eldridge C. Victorian Imperialism. L., 1978; Melean D. Britain and her Buffer State: the Collapse of the Persian Empire, 1890—1914. L., 1979; Porter A. The Origins of the South African War. Manchester, 1980; Bates D. The Fashoda Incident of 1898. Oxford, 1984; Lloyd T. The British Empire. Oxford, 1984.

<> Подробно см.: Еремин Л. И. Некоторые проблемы генезиса идеологии британ-

Отличительной особенностью большинства работ 70—80-х годов является постепенное преодоление изоляции и отрыва имперских сюжетов от проблем собственно историко-дипломатических и их рассмотрение в русле «синтетической» истории внешней политики. В них ставятся наиболее острые проблемы, во многом определяющие содержание и направление поиска в современной британской историографии. Введение в научный оборот новых архивных материалов и оригинальное прочтение известных опубликованных источников, широкое использование методов других гуманитарных дисциплин позволяют историкам вывести традиционные исторические сюжеты в иную, непривычную плоскость, в которой совмещается политическая, экономическая, социальная и интеллектуальная история¹⁹.

В новейшей историографии британской внешней политики второй половины XIX—начала XX в. значительное место занимают обобщающие труды по дипломатической и военной истории, проблемы складывания новой системы международных отношений в условиях обострения соперничества между ведущими капиталистическими державами и роль Великобритании в ее формировании, а также труды непосредственно по предыстории и истории первой мировой войны. Следуя историографической традиции, либеральные и консервативные авторы подчеркивают оборонительный характер внешнеполитических акций британского правительства. К. Борн, С. Стейнер, Дж. Джолл, П. Кеннеди, К. Уилсон и многие другие объясняют переход Великобритании от «блестящей изоляции» к блоковой политике в начале XX в. ее стремлением сохранить «баланс сил» в мире и в Европе, остановить безудержную территориальную экспансию Франции, России, Германии, чреватую мировой войной. Вместе с тем в работах явственно звучит упрек правительству, которое, помышляя о мире, позволило другим державам «втянуть» Великобританию в первую мировую войну. Современные британские историки практически единодушны в объяснении этого факта. По их убеждению, осознание правительством начала упадка мировой мощи Британии породило необоснованный страх перед будущим и стремление одновременно защищать империю и сохранять равновесие европейских сил¹.

ского империализма в английской буржуазной историографии // Вопр. методологии и истории исторической науки. М., 1977. Вып. 1; Парфенов И. Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX века: Проблемы историографии. Саратов, 1978; Он же. Колониальная экспансия Англии конца XIX века в современной буржуазной историографии // Вопр. истории. 1985. № 5.

ю Low B. Lion Remnant. 1., 1973; Morris J. Heaven's Command: An Imperial Progress L., 1973; Hyam R., Martin G. Reappraisals in British Imperial History. Cambridge, 1975; / / am B. Britain's Imperial Century, 1815—1914: A Study of Empire and "Expansion. L., 1976; Imperialism: The Robinson and Gallacher Controversy / Ed. R. Louis. N. Y., 1976; Morris J. Farewell the Trumpets: an Imperial Retreat L., 1978; Verrier A. Through the Looking Glass: British Foreign Policy in an age of illusion. L., 1983; Imperialism and Popular Culture / Ed. J. Mackenzie. Manchester, 1986; Wilson K. Empire and Continent. L., 1987. Bothwell V. H. British War Aims and Peace Diplomacy, 1914—1918. Oxford, 1971; Collier B. The Lion and the Eagle: British and Anglo-American Strategy, 1900—

В научной литературе по истории британской внешней политики, вышедшей в свет в 70—80-е годы, во многом по-новому освещаются проблемы политики межвоенного периода 1918—1939 гг. и причины вступления Великобритании во вторую мировую войну²¹. Эти работы различаются подходами к изучению исторического прошлого и методами исследования (в рамках «старой» и «новой» науки); тем не менее и здесь наблюдается абсолютное преобладание трудов апологетического содержания, авторы которых находят смягчающие аргументы и в той или иной степени оправдывают внешнеполитический курс британского правительства и его имперскую политику. Расхождения во взглядах касаются, как правило, перипетий взаимоотношений Великобритании с Германией, Францией, странами Восточной и Южной Европы, США, Японией, методов управления доминионами и колониями²².

В связи с открытием в конце 60-х годов материалов государственного архивного фонда по предьстории второй мировой войны (согласно закону 1967 г.) в исторической науке повысилось внимание к истории политики «умиротворения» и участию в ней Великобритании. В историографии 70—80-х годов наряду с умеренно критической оценкой действий британского правительства.

которая содержится преимущественно в работах либеральных историков, укрепилась тенденция пересмотра предвоенного внешнеполитического курса. Инициатива пересмотра, исходившая от историков консервативного направления, получила в историографии условное название ревизионистского²³.

Базой для формирования ревизионистского направления стало открытие архивных документов 30-х годов. В них консервативные историки начали искать дополнительные аргументы²⁴ (в противовес новым доводам либеральных критиков политики «умиротворения»), которые бы доказывали, как мало возможностей для маневра имело британское правительство во взаимоотношениях с фашистскими и милитаристскими государствами накануне второй мировой войны. Историки-ревизионисты (К. Робине, М. Коулинг, Д. Томсон и др.) стремятся утвердить тезис о «вынужденности» подобной политики для правительства Чемберлена, который добивался поддержания европейского мира и статус-кво в Европе, достаточно реалистически оценивая сложную обстановку в Европе. Политика «умиротворения», таким образом, выглядит в их интерпретации как прагматическая (тогда как либеральные историки нередко оценивают ее как результат внешнеполитических иллюзий, идеализма кабинета консерваторов²⁵). Принимая во внимание противоречивые экономические и социальные факторы и находясь под сильным политическим давлением различных групп внутри страны, Н. Чемберлен, по убеждению «ревизионистов», вынужден был проводить такую внешнюю политику, которая не входила в его намерения. В работах современных консервативных историков в различных вариантах проводится мысль, будто единственной серьезной политической силой, которая могла исправить внешнеполитический курс «умиротворения», являлись сами консерваторы (Черчилль, Идеи и др.). Чемберлен — неотъемлемая фигура политической структуры, внутри которой шел постоянный творческий поиск оптимальных политических решений, учитывающих повороты в европейской и мировой внешней политике. В этой связи утверждается мысль о принципиальном континуитете политики консерваторов в 1933—1939 гг., призванной сдерживать фашистскую экспансию, и о разнообразии методов организации

1950. L., 1972; *Bridge F. J.* Great Britain and Austria-Hungary, 1906-1914: a Diplomatic History. L., 1972; *Nish I.* Alliance in Decline, 1908-1923. L., 1972; *Steiner Z.* Britain and the Origins of the First World War. L., 1977; *British Foreign Policy under Sir Edward Grey* / Ed. F. Hinsley. Cambridge, 1977; *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914. L., 1980; *Idem.* Strategy and Diplomacy, 1870-1945. L., 1983; *Idem.* The Realities behind Diplomacy. L., 1985; *MI J.* The Origins of the First World War. L., 1981; *Wilson K.* The Policy of the Entente: Essays on the Determinants of British Foreign Policy, 1904—1914. Cambridge, 1985; *Idem.* Empire and Continent: studies in British Foreign Policy from the 1880s to the First World War. L., 1987.

²¹ *Egerton G.* Great Britain and the Creation of the League of Nations: Strategy, Politics and International Organisation 1914—1919. Chapel Hill, 1978; *Dockrill M., Goold J.* Peace without Promise: Britain and the Peace Conferences 1919—1923. Batsford, 1981; *Ordo A.* Great Britain and International Security, 1920—1926. L., 1978; *Marks S.* The Illusion of Peace: International Relations in Europe 1918—1923. L., 1976; *Crisis and Controversy: Essays in Honour of A. i. P. Taylor* / Ed. A. Sked, Ch. Cook. L., 1976; *Howard M.* The Continental Commitment: the Dilemma of British Defence Policy in the Era of Two World Wars. L., 1972; *Walt D.* Too Serious a Business: European Arms Forces and the Approach to the Second World War. L., 1975; *Bell P.* The Origins of the Second World War in Europe. L., 1986; *Haggie P.* Britannia at Bay: the Defence of the British Empire against Japan 1931—1941. Oxford, 1981.

²² *Griffiths B.* Follow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933—1939. L., 1983; *Troubled Neighbours: Franco-British Relations in the Twentieth Century* / Ed. G. Waites. L., 1971; *Gates E.* End of the Affairs: the Collapse of the Anglo-French Alliance 1939—1940. Berkeley, 1981; *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976; *Koliopoulos J.* Greece and the British Connection, 1935—1941. L., 1977; *Pratt L.* East of Malta, West of Suez. Cambridge, 1975; *Lee B.* Britain and the Sino-Japanese War, 1937—1939. Stanford, 1973; *Edwards J.* The British Government and the Spanish Civil War 1936—1939. L., 1979; *Louis W.* British Strategy in the Far East, 1919—1939. Oxford, 1971; *Walt D.* Op. cit.; *Hall Ch.* Britain, America and Arms Control 1921—1937. L., 1987.

²³ *Watt D.* Appeasement: the Rise of a Revisionist School? // *The Political Quarterly*. 1965. Vol. 36, N 2; *Idem.* The Historiography of Appeasement // *Crisis and Controversy* / Ed. A. Sked, C. Cook. L., 1976.

²⁴ *Thome Ch.* The Limits of Foreign Policy. L., 1973; *Cowling M.* The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933-1940. Cambridge, 1975; *Thomson D.* England in the Twentieth Century, 1914—1979. Harmondsworth, 1981; *Bell P.* The Origins of the Second World War in Europe. L., 1986; *Beloff M.* Welfare: Britain 1914—1945. L., 1984; *Fuchser L.* Neville Chamberlain and appeasement: A Study in the Politics of History. N. Y., 1982; *Lentin A.* Guilt at Versailles: Lloyd George and the Pre-History of Appeasement. L., 1985.

²⁵ *Middlemas K.* Diplomacy of Illusion: British Government and Germany, 1937—1939. Ц, 1972; *IMlks D.* The Unnecessary War? Military Advice and Foreign Policy in Great Britain, 1931—1939 // *General Staffs and Diplomacy before the So-called World War* / Ed. A. Preston. L., 1978.

сопротивления нажиму (от скрытых экономических и финансовых средств до открытого отпора после марта 1939 г.)²⁶.

Развитие «ревизионистской» интерпретации предвоенной британской внешней политики стимулировало новые исследовательские направления в исторической науке 70—80-х годов. В либеральной историографии усилилось внимание к разработке экономических основ политики «умиротворения» и ее военно-стратегических аспектов. В ряде работ (А. Милуорд, П. Кеннеди, Ф. Кохлэн, Р. Паркер, Дж. Педен и др.) содержится попытка дать более тщательное обоснование внешнеполитического курса британского правительства в 30-е годы, увязать принятие им ответственных решений в отношении Германии и стран Центральной и Восточной Европы с экономической нестабильностью внутри страны, нежеланием увеличивать и без того тяжелое бремя гонки вооружений, осложнявшее развитие экономики страны в предвоенные годы. Избегая открытого столкновения с фашистской Германией, стремясь оттянуть сроки военного конфликта, Великобритания тем не менее готовилась к войне. В конечном счете, не снимая с консервативного правительства ответственности за «умиротворение», авторы характеризуют этот курс как часть государственной «оборонительной» политики²⁷.

Сходные тенденции проявляются и в освещении проблем внешней политики Великобритании периода второй мировой войны. В современной историографии продолжает господствовать официальная интерпретация деятельности британских правительственных кабинетов и военного командования в 1939—1945 гг.²⁸ Новации заметны главным образом в оценках военных планов и стратегических целей Великобритании, касающихся Европы и защиты империи, а также взаимоотношений британского государства с союзниками по антигитлеровской коалиции (прежде всего с США и Францией). В 70—80-е годы в разряд наиболее активно разрабатываемых тем выдвинулась проблема соответствия основных направлений внешней политики Великобритании периода войны качественным сдвигам, которые наметились в соотношении сил капиталистического мира в предвоенные годы и закрепились в дальнейшем (усиление политического влияния США, рост авто-

номности поведения стран — членов Британского Содружества, повышение самостоятельности в политике государств Восточной и Южной Европы и пр.). Исследование историками процесса субъективного осознания авторами британской внешней политики новой реальности ведется преимущественно с презентистских позиций. Критические суждения в адрес принимавшихся в годы войны политических и военных решений нередко выносятся, исходя из существа внешнеполитических проблем Великобритании 70—80-х годов²⁹.

Зависимость историографических подходов и построений от политической конъюнктуры особенно четко прослеживается в работах, посвященных послевоенной британской внешней политике. Это проступает в выборе проблематики исследований и в непосредственной связи аргументации авторов с содержанием общественно-политических дискуссий о месте Великобритании в современном мире и ее внешнеполитических ориентациях. Характерной чертой историографии 70—80-х годов стало появление обобщающих работ, которые содержат не только анализ современного правительственного курса и прогностические оценки, но и ретроспективный обзор ведущих направлений внешней политики британского государства в XX в. В большинстве своем это работы историков-профессионалов, опирающихся на изучение официальных источников, на периодическую печать, мемуары³⁰.

В отличие от литературы по более ранним периодам британской истории в таких исследованиях заметно стремление авторов к воссозданию истории внешней политики как непрерывно развивающегося, синтетического (многофакторного) явления об-

²⁶ *Rabbins K.* Munich: 1938. L., 1968; *Thompson N.* The Anti-Appeasers: Conservative Opposition to Appeasement in the 1930's; *Cowling M.* Op. cit.; *Fuchser L.* Op. cit.; *Newman S.* March 1939: The British Guarantee to Poland, a Study in the Continuity of British Foreign Policy. Oxford. 1976.

²⁷ *Milward A.* War, Economy and Society, 1939-1945. L., 1977; *Kennedy P.* The Realities Behind Diplomacy. Glasgow, 1981; *Coghlan F.* Armaments, Economic Policy and Appeasement: Background to British Foreign Policy, 1931—1937 // *History*. 1972. Vol. 57. P. 205-216; *Parker R.* Economics, Rearmament and Foreign Policy // *Journal of Contemporary History*. 1975. Vol. 10, N 4. P. 637—647; *Peden G.* A Matter of Timing: The Economic Background to British Foreign Policy, 1937-1939 // *History*. 1984. Vol. 69, N 225. P. 15-28.

²⁸ Для многих британских историков авторитетом остается многотомная официальная дипломатическая история: *Woodward E.* British Foreign Policy in the Second World. L., 1970-1979. Vol. 1-5.

²⁹ *Barnett C.* The Collapse of British Power. L., 1972; *Howard M.* The Continental Commitment. L., 1972; *Idem.* The British Way in Warfare: An Reappraisal. L., 1975; *War Aims and Strategic Planning in the Great War* / Ed. B. Hunt, A. Preston. L., 1977; *Calvocoressi P., Wint G.* Total War: Causes and Courses of the Second World War. Harmondsworth, 1979; *Kennedy P.* The Realities behind Diplomacy. Glasgow, 1981; *Erickson J.* The Road to Berlin. L., 1983; *Thome C.* Allies of a Kind: The United States, Britain and the War against Japan 1941—1945. Oxford, 1978; *Thomas R.* Britain and Vichy — The Dilemma of Anglo-French Relations 1940—1942. L., 1979; *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance. L., 1981; *British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece* / Ed. Ph. Auty, R. Clogg. N. Y., 1975; *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976; *Strachan H.* The British Way in Warfare Revisited // *The Historical Journal*. 1983. Vol. 26, N 2. P. 447-461.

Barker E. Britain in a Divident Europe 1945—1970. L., 1971; *Constraints and Adjustments in British Foreign Policy* / Ed. M. Leifer. L., 1972; *The Management of Britain's External Relations* / Ed. R. Boardman et al. L., 1973; *Northedge F.* Descent from Power: British Foreign Policy 1945—1973. L., 1974; *Frankel J.* British Foreign Policy 1945—1973. L., 1975; *Wallace W.* The Foreign Policy Process in Britain. L., 1975; *Watt D.* Personalities and Policies: Studies in the Formulation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. Notre Dame, 1975; *Retreat From Power: Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century* / Ed. D. Dilks. L., 1981. Vol. 1-2; *Barker E.* The British Between the Super-Powers, 1945—1950. L., 1983; *The Foreign Policy of the British Labour Governments. 1945—1951* / Ed. R. Ovendale. L., 1984; *Porter B.* Britain, Europe and the World, 1850-1986. L., 1987.

щественной жизни. В работах подобного рода (Дж. Френкель, У. Уоллес, Д. Уатт, Б. Портер и др.) эмпиризм и идиографизм уступают место аналитичному, интерпретативному, структурированному отображению внешнеполитического процесса (его генезиса, развития, трансформации) и характеристике его составных частей. Широко используется научный язык, заимствованный из политологии и социологии³¹.

Основные проблемные поля исторических исследований формируются в соответствии с особенностями международного положения Великобритании: трансформацией ее отношений с Британским Содружеством после распада империи, вступлением в «Общий рынок», динамикой особых отношений с США и ядерной политики в рамках НАТО, строительством двухсторонних отношений с восточноевропейскими странами в 70—80-е годы. В этом комплексе история деколонизации и преобразования связей Великобритании со странами Содружества наций занимает особое место, составляя в настоящее время важнейшее направление исследований.

Центральной проблемой научных изысканий по этой тематике является вопрос о причинах распада Британской империи и принципиального изменения взаимоотношений Великобритании со странами, входящими в Содружество. При этом историки стремятся выявить черты сходства и различия двух глобальных наднациональных исторических образований, «матерью» (или, по другой версии, «сестрой») которых является Великобритания. Вне зависимости от того, как в новейшей научной литературе соотносятся между собой понятия *империя* и *Содружество* (их противопоставление, прямая преемственность в результате эволюции, дихотомия на основе рождения нового качества и сохранения либеральных традиций), историки консервативного и либерального направлений рассматривают послевоенную деколонизацию и изменения внутри Содружества как процесс необратимых перемен, с учетом которых должна строиться современная внешняя политика британского государства³².

Снижение международного статуса Великобритании в послевоенном мире и выработка ею новых внешнеполитических ориентиров опосредованным образом сказались на исследовательских направлениях британской американистики. Долгое время проблематика англо-американских отношений изучалась главным образом в контексте имперской истории Великобритании. Развитие особых отношений между США и Великобританией после второй мировой войны, а особенно в 80-е годы, в период правления консервативного правительства М. Тэтчер, способствовало усиленной разработке в американской и британской историографиях проблем межгосударственных отношений двух стран (экономических, дипломатических, военных, культурных связей и противоречий) в прошлом и в современной истории. Среди сюжетов, вызывающих наибольшее внимание историков, главное место принадлежит истории вытеснения Великобритании Соединенными Штатами с позиции лидера капиталистического мира и развития сложных отношений партнерства с американской «супердержавой» в политической и военно-стратегической сферах. В частности, использование методик психоанализа позволяет историкам исследовать проблему адекватности восприятия поведения государств-партнеров (прежде всего США) и оценок возможностей своей страны лицами и социальными группами, определяющими выработку политических решений³³.

Что касается научной разработки истории межгосударственных отношений Великобритании со странами Западной Европы, с Советским Союзом и восточноевропейскими государствами в послевоенный период, то она ведется преимущественно в русле политологии и экономических наук. Профессиональные историки, изучающие политику Великобритании в Европе и по отношению к СССР, активизировали исторические исследования в связи с политической борьбой вокруг вступления британского государства в «Общий рынок» и осложнением международной обстановки на рубеже 70—80-х годов. Однако эти изыскания в основном ограничиваются периодом первой половины XX в.³⁴ Исключение составляют работы по проблематике истории «холодной войны»

*j *Frankel J.* British Foreign Policy 1945—1973; *Wallace W.* Op. cit.; *Watt D.* Succeeding John Bull; *Porter B.* Britain, Europe and the World, 1850—1986; Twentieth-Century Britain: National Power and Social Welfare / Ed. H. Winkler. N. Y.; L., 1976; British Foreign Policy. Tradition, Change and Transformation / Ed. M. Smith et al. L., 1988; British Foreign Policy under Thatcher / Ed. P. Byrd. Exeter, 1988; British Foreign Policy, 1945-1956 / Ed. M. Dockrill, J. Young. L., 1989.

³² *Darby Ph.* British Defence Policy east of Sues, 1947—1968. L., 1973; *Garner J.* The Commonwealth office, 1925-1968. L., 1978; *Louis W.* Imperialism at Bay. L., 1978; *Monroe E.* Britain's Movement in the Middle East, 1914—1971. L., 1981; *Monsergh N.* The Commonwealth Experience. L., 1982. Vol. 1—2; *Judd J.*, *Slinn P.* The Evolution of the Modern Commonwealth, 1902-1980. L., 1982; *Pierce B.* The Turning Point in Africa: British Colonial Policy, 1938-1948. L., 1982; *Moore R.* Escape from Empire. Oxford, 1983; *Marcus H.* Fvthiopia, Great Britain and the United States 1941-1974: the Politics of Empire. Berkeley; L., 1983; *Louis W.* The British Empire in the Middle East 1945 — 1951: Arab Nationalism, the United States and Post-War Imperialism. Oxford, 1984.

³³ *Furner A.* The Unique Partnership, Britain and the United States. N. Y., 1971; *Manderson-Jones B.* The Special Relationship. N. Y., 1972; Anglo-American Relations since the Second World War / Ed. I. Macdonald. N. Y., 1974; *Baylis J.* Anglo-American Defence Relations 1939—1984: Special Relationship. L., 1984; *Louis W.* The British Empire in the Middle East, 1945—1951. Arab Nationalism: The United States and Postwar Imperialism. Oxford, 1984; The Special Relationship / Ed. W. Louis, H. Bull. Oxford, 1986; *Ovendale T.* The English-Speaking Alliance. L., 1985; *Watt D.* Succeeding John Bull, America in Britain's Place, 1900—1975. Cambridge, 1984; *Edmonds R.* Setting the Mould: The United States and Britain, 1945-1950. Oxford, 1986.

³⁴ *Ullman D.* Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. L., 1972. Vol. 1-3; *Gorodetsky G.* The Precarious Truce: Anglo-Soviet Relations, 1924—1927. Cambridge, 1977; *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics Diplomacy, 1920 -1924. Ij., 1979; *Northedge F.*, *Wells A.* Britain and Soviet Communism. L., 1982; The Foreign Office and the Kremlin. Cambridge, 1984.

и внешней политики СССР, в которых анализ собственно британской внешней политики занимает скромное место³⁵.

Значительно больше внимания современная историография уделяет вопросам истории развития оборонительной политики Великобритании в послевоенный период, формирование которой обусловлено участием британского государства в НАТО и других блоках, превращением страны в ядерную державу и ее стремлением играть ведущую роль в европейской системе международных отношений. В последние годы разработка военно-стратегических сюжетов заметно сместилась в плоскость изучения истории и содержания британской политики контроля над вооружениями, а также выяснения степени самостоятельности ядерной политики Великобритании от союзников по НАТО³⁶.

SUMMARY

This book is a complex study of the contemporary British historiography, which has the richest traditions and occupies one of the leading positions in the world historiography.

Chapter 1 considers the organization basis and institutional aspect of development of the British historiography, the structural changes in the contemporary historical knowledge. The authors pay great attention to the relations between history and social sciences and to the contradictory processes of differentiation and integration in history as discipline. They also characterize the old and new historical subdisciplines, research centres, professional associations and periodicals.

In Chapter 2 the theoretical basis and methodological attitudes of different directions of the British historiography and new trends in their development are analysed. The authors not only describe the main existing ideological and methodological divisions but also demonstrate their conditional character. Thus, though the ideological divisions of Western social sciences and traditional historiography were reproduced within the new history, the balance of forces was really changed.

This study proceeds from the new historical thinking. The authors emphasize that the Soviet historians must reject their old claims for monopoly on interpretation of the Marxist theory of history and their sectarian attitude to the Western Marxist historiography. The British Marxist historians made a great contribution to the development of the new history, earned the world acknowledgement and accumulated the invaluable experience in forming of a wide democratic trend in national historiography.

The authors expose to criticism and radical revaluation the concept of «the crisis of bourgeois historiography», which has been widespread in the Soviet historical literature for many years. This concept of a permanent and ever deepening crisis supposed the idea of single-track evolution of historiography. Overcoming this scheme the authors elaborated new differential approach to the analysis of non-Marxist historiography. This approach is informed by presence of essentially distinct directions and different components, such as structure of historical knowledge, theory of historical cognition, theory of historical process, special methodology, conceptual apparatus, research technique etc. The crisis developments in the theory of historical process may coincide in time with the progress in analytical

³⁵ *Douglas J.* From War to Cold War, 1942-1948. L., 1981; *Rothwell V.* Britain and the Cold War, 1941-1947. L., 1982; *Ovendale R.* The English-Speaking Alliance. L., 1985; *Ulam A.* Dangerous Relations: the Soviet Union in World Politics, 1970—1982. Oxford; N. Y., 1984.

³⁶ *Rosencrance R.* Defence of the Realm: British Strategy in the Nuclear Epoch. N. Y., 1968; *Rartlett C.* The Long Retreat: a Short History of British Defence Policy 1945—1970. L., 1972; *Pierre A.* Nuclear Politics: the British Experience with an Independent Deterrent, 1939—1970. Oxford, 1972; *Gowing M.* Independence and Deterrence: Britain and Atomic Energy, 1945-1952. L.; N. Y., 1974-1975. Vol. 1—2; *Freedman L.* Britain and Nuclear Weapons. L., 1981; *Baylis J.* Anglo-American Defence Relations, 1939—1984. L., 1984; *Freeman J.* Britain's Nuclear Arms Control Policy in the Context of Anglo-American Relations. 1957—1968. N. Y., 1986.

methods. That was the situation in the contemporary non-Marxist historiography which mastered the interdisciplinary methodology, enriched the structure of the subject of historical research, discovered earlier unknown areas of collective and individual historical experience. Among the positive tendencies of the British new history the authors separately analyse two approaches of social history — sociological and anthropological. They offer a special study of British social history and its role in the progressive movement of contemporary thought to the new historical synthesis. At first sight there are irreconcilable contradictions between Marxist and non-Marxist social history. Indeed, the former is concentrated upon classes and class consciousness, and the latter — upon ethnic and religious groups, village and town communities, family and marriage, marginal strata of society and history of mentalities. However, one can't help but admit some similar squinting which is inherent to the both and can be corrected in the course of constructive dialogue and exchange of ideas. Human history has not been doing without class relations and conflicts, but it has never been reduced to them. In the study of micro-groups and local communities British social history has got many achievements which deserve the most careful attention, comprehension and adoption.

In the last chapters of this book the contemporary British historiography is examined through its practice of concrete researches. The main attention is paid to the interpretations of some central problems of national history which has been the objects of the most active and fruitful debates.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
-----------------	----------

Часть первая

ОРГАНИЗАЦИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1. Основы современной организации исторической науки в Великобритании (Г. И. Зверева)	8
Глава 2. Мировоззрение и методология (В. В. Согрин)	49
Глава 3. «Новая историческая наука» и социальная история (Л. П. Репина)	85

Часть вторая

КОНЦЕПЦИИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ

Глава 4. Английская революция середины XVII века (Л. П. Репина)	108
Глава 5. Тенденции и закономерности рабочего движения (В. В. Согрин)	157
Глава 6. История партийно-политической системы (В. В. Согрин)	182
Глава 7. Внешняя политика Великобритании в XIX XX веках (Г. И. Зверева)	208
Summary	225

CONTENTS

Introduction	3
Part one	
ORGANIZATION, OUTLOOK, METHODOLOGY	
Chapter 1. Organization basis of contemporary historiography of Great Britain (G. I. Zvereva)	8
Chapter 2. Outlook and methodology (V. V. Sogrin)	49
Chapter 3. New history and social history (L.P. Repina)	85
Part two	
INTERPRETATIONS OF SOME CENTRAL PROBLEMS OF BRITISH HISTORY	
Chapter 4. The English Revolution (L. P. Repina)	108
Chapter 5. Tendencies and regularities of labour movement (V. V. Sogrin)	157
Chapter 6. History of parties and political system (V. V. Sogrin)	182
Chapter 7. Foreign policy of Great Britain in the XIX and XX-th centuries (G. I. Zvereva)	208
Summary	225

Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П.

С 54 Современная историография Великобритании. — М.: Наука. 1991. — 232 с.

ISBN 5-02-009068-9

Это первое в советской историографии комплексное исследование современной исторической науки Великобритании. Наряду с традиционными направлениями британской исторической науки авторы исследуют ее новейшие течения и школы. Изучены как методологические, так и мировоззренческие размежевания в британской историографии, раскрыт вклад в мировую историографию марксистской школы во главе с Э. Хобсбаумом и др.

Для историков.

В 1992 ГОДУ

выйдет в свет:

Ж. де Виллардуэн

Завоевание Константинополя

25 л. - 5 р.

Знатный французский сеньор, один из руководителей Четвертого крестового похода, ловкий дипломат и умелый военачальник — таков Жоффрау де Виллардуэн, «маршал Романии и Шампани», автор хроники и мемуаров, известных под названием «Завоевание Константинополя» — не только первоклассный источник фактических сведений о скандально знаменитом в средневековой истории Четвертом крестовом походе 1198—1204 гг., закончившемся разбойничьим захватом столицы Византии, но и замечательный памятник европейской исторической мысли.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

**Согрин Владимир Викторович
Зверева Галина Ивановна
Репина Лорина Петровна**

**СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина

Редактор издательства Н. Ф. Лейн

Художник Н. Н. Симагин

Технические редакторы Т. С. Жарикова,

Т. А. Калинина

Корректор Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 47542

Сдано в набор 26.02.91.

Подписано к печати 04.07.91.

Формат 60X90^{1/16}

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать офсетная

Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр. отт. 14,9. Уч.-изд. л. 17,2

Тираж 650 экз.

Тип. зак. 1160.

Цена *Б-рзШ-к.*

§ <*>

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

АДРЕСА
КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
«АКАДЕМКНИГА»
С УКАЗАНИЕМ МАГАЗИНОВ
И ОТДЕЛОВ «КНИГА ПОЧТОЙ»

(по состоянию на 01.01.90)

Магазины «Книга — почтой»:

252208 Киев, пр-т Правды, 80а
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7
117393 Москва, ул. академика Пилюгина,
14, корп. 2

Магазины «Академкнига»
с указанием отделов «Книга — почтой»:

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)	194064	Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4
370001	Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»)	220012	Минск, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»)
232600	Вильнюс, ул. Университете, 4	103009	Москва, ул. Горького, 19а
690888	Владивосток, Океанский пр-т, 140 («Книга - почтой»)	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7
320093	Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 («Книга — почтой»)	630076	Новосибирск, Красный пр-т, 51
734001	Душанбе, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»)	630090	Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга - почтой»)
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31	142284	Противно Московской обл., ул. Победы, 8
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)	142292	Пушино Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»)
420043	Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»)	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
252030	Киев, ул. Ленина, 42	700000	Ташкент, ул. К). Фучика, 1
252142	Киев, пр-т Вернадского, 79	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73
252025	Киев, ул. Осипенко, 17	700070	Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43
277012	Кишинев, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»)	700185	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга - почтой»)
343900	Крама горек Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18
660049	Красноярск, пр-т Мира, 84	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга почтой»)
443002	Куйбышев, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»)	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49
191104	Ленинград, Литейный пр-т, 57	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)